

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 17

№ 4 · 2016

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

4-2016

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко. Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (*зам. гл. редактора*); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц.; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Курбагова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф. (*зам. главного редактора*); **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (*тех. директор*); **Рябкина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Филиппов Ю.В.**, канд. экон. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (*зам. гл. редактора*).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, проф. (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Подписано в печать 30.12.2016. Уч.-изд. л. 15,1. Усл. печ. л. 15,9. Тираж 1000 экз. Заказ №

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Михайлова О.В.* Как возможны властные позиции государства в сетевых альянсах, или «стратегия Чеширского кота» по управлению сетями 6
- Баринов И.И., Пантин В.И.* Политика по отношению к национальным меньшинствам в Словакии и Румынии на рубеже XX – XXI вв. 19
- Блинова Е.А.* Партиципаторное бюджетирование и управляемость государства в Бразилии. 31

СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

- Евтушенко А.С., Сазантович А.Б., Самаркина И.В.* Европа в восприятии соседей: проблемы, методики и результаты современных зарубежных исследований 45
- Топчиев М.С., Дрягалов В.С.* Религиозная трансгрессия и религиозная идентичность молодежи на фронтальных территориях Северного Прикаспия. 61

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

- Харитоновна Е.М.* Имиджевые кампании во внешней политике лейбористов и консерваторов в Великобритании в конце 1990–2010 гг. 83
- Рябченко Н.А.* Топонимика сетевого ландшафта online-пространства 98
- Вотченко Е.С.* Государственно-частное партнерство в российском публичном дискурсе: на пути к новой институциональной парадигме 116

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

- Кузьменко И. С.* Прояснение тематики «солидарность» в современной социологии (анализ отечественных и зарубежных концепций) 131

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Совмиз З.Р.* Личностные регуляторы стратегий преодоления стресса субъектами групповой деятельности 138

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

- Дёмин А.Н., Киреева О.В., Педанова Е.Ю.* Разработка опросника отношения к кредитам и его психометрическое обоснование 153

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Берберян Э.С.* Овладение мыслительными операциями учащимися на примере программ начального образования. 167

- Наши авторы. 180
- К сведению авторов 184
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 190

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

4-2016

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Yuri V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia, Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuz'mina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DsC, Roland Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof. **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

POLITICAL MANAGEMENT

- Mikhaylova O.V.* How are power positions on the state actors in networks are possible, or “Cheshire cat governance strategy” 6
- Barinov I.I., Pantin V.I.* National minority policies in Slovakia and Romania at the turn of the 21st century 19
- Blinova E.A.* Participatory budgeting and governability of the state in Brazil 31

SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF POLITICS

- Evtushenko A.S., Sazantovich A.B., Samarkina I.V.* Europe in perception of her neighbors: problems, methods and results of contemporary foreign researches 45
- Topchiev M.S., Dryagalov V.S.* Religious transgression and religious identity of youth in the frontier territories of the Northern Caspian Sea region 61

POLITICAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

- Kharitonova E.M.* The British labour and conservatives foreign policy image campaigns from late 1990s to 2010s 83
- Ryabchenko N.A.* Toponymy of network landscape in online-space 98
- Votchenko E.S.* Public-private partnerships in Russian public discourse: towards to a new institutional paradigm. 116

PROBLEMS OF SOCIAL THEORY

- Kuzmenko I. S.* Clarify the subject of “solidarity” in contemporary sociology (analysis of domestic and foreign concepts) 131

PERSONALITY PSYCHOLOGY

- Sovmiz Z.R.* Personal regulators of stress coping strategies among the subjects of group activities 138

LABOUR PSYCHOLOGY

- Diomin A.N., Kireeva O.V., Pedanova E.Y.* Questionnaire development the attitudes towards credit and its psychometric validation 153

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

- Berberian H.S.* Pupils’ mastering of mental operations on the example of educational programs in elementary school 167

- Our authors 182
- Information for the authors 189
- Procedure for receiving and reviewing manuscripts 191

КАК ВОЗМОЖНЫ ВЛАСТНЫЕ ПОЗИЦИИ ГОСУДАРСТВА В СЕТЕВЫХ АЛЬЯНСАХ, ИЛИ «СТРАТЕГИЯ ЧЕШИРСКОГО КОТА» ПО УПРАВЛЕНИЮ СЕТЯМИ

.....

Михайлова О. В.

Михайлова Ольга Владимировна,
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991,
Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1.
Эл. почта: olgamv00@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению места и роли сетевой модели в практике современного государственного управления. Анализируя преимущества и ограничения данной модели, автор ставит вопрос о позиционировании государства в сетевых альянсах и о его управленческих возможностях по поддержанию горизонтальной координации действий участников. Сетевое государственное управление в рамках исследования определяется, как формирование и поддержание взаимозависимостей между государственными и негосударственными акторами при сохранении активной роли государства и возложении на него ответственности за принимаемые и реализуемые решения. Опираясь на современные научные разработки о метауправлении, автор выдвигает идею о необходимости принятия государством оптимальной стратегии управления сетевыми структурами, позволяющей ему сохранять властные позиции без ущерба для функционирования сети. В качестве таковой предлагается «стратегия Чеширского кота», определяемая как институциональная способность государства «растворяться» в многочисленных и многообразных контактах с негосударственными структурами и «проявляться», полностью или частично, в ситуациях, осложняющих движение в сторону достижения цели. Статус государства в сетевых структурах позволяет ему как выступать наравне с другими участниками, так и инкорпорировать наиболее значимые общественные ценности и интересы в процесс принятия решений, опираясь на методы непрямого властного регулирования. Без участия властных структур государства не может быть обеспечена эффективность сетевого управления. Такой подход позволяет комбинировать различные модели управления в зависимости от его стратегических и тактических приоритетов.

Ключевые слова: управленческая сеть, сетевое государственное управление, сетевая модель управления, управление сетью, метауправление.

В современной политической науке сетевой подход завоевал авторитетные позиции, открывая для исследователей «изнанку» формально закрепленных контактов внутри государственной иерархии, а также в отношениях с общественными и бизнес-организациями, акцентируя значение горизонтальной координации на этапах принятия и реализации государственной политики.

Параллельно в ряде отраслей и на межотраслевом уровне рутинизируются практики сетевого государственного управления, расширяющие круг акторов, принимающих участие в имплементации комплексных, слабоструктурированных задач, активируя управленческий и экспертный потенциал гражданского сектора. Вместе с тем, в свете относительной согласованности позиций по вопросу о признаках и принципах функционирования сетей в тени остается вопрос о роли и значении вертикальной координации внутри сетей, целесообразности воспроизводства традиционных для государства методов воздействия на ее акторов и опасностях чрезмерного увлечения управлением, основанном на доверии.

Целью данной статьи является определение границ активации горизонтальной координации внутри управленческих сетей и возможностей вертикальной координации без угрозы разрушения сетевого взаимодействия акторов по актуальным для государства направлениям государственной политики.

Практики формирования и управления сетями стали частью повседневной деятельности государства в результате эволюции управленческих моделей, движимых, по сути, в 1980–1990-х гг. экспериментами политиков по повышению эффективности реализации государственных функций и экономии бюджетных средств. Это, однако, не означает, что сетевые технологии и инструменты применимы и используются всеми государствами. Жизнеспособность управленческих сетей непосредственно связана с тем, что государство удовлетворяет следующим необходимым требованиям:

1) *упорядоченность и устойчивость основных институтов*, что гарантирует предсказуемость «правил игры» внутри государства и готовность бизнеса и НКО выстраивать долгосрочные стратегии взаимодействия с ним;

2) *ориентация на изменения*, поиск инновационных решений, принятие неожиданных, экспериментальных решений, способствующих повышению качества выполнения государственных функций;

3) *наличие в достаточном объеме ресурсов*, обеспечивающих гибкость институциональной системы государства (информационная инфраструктура, высокое качество образования, наличие разветвленной сети самостоятельных интеллектуальных и экспертных центров, высокие показатели экономического развития);

4) *высокий управленческий потенциал* государственных и негосударственных акторов, исключающий государственную интервенцию в сферы деятельности бизнеса и гражданских структур и являющийся важнейшим условием сохранения ими автономии.

В противном случае сетевые альянсы либо не будут формироваться вообще в силу доминирования традиционной управленческой модели, либо государство целенаправленно будет активировать «пустотелые» сети, в которых при позиционировании государства как доминанты другие участники сохранят

в лучшем случае совещательные позиции, в худшем — будут принуждаться к взаимодействию.

Иными словами, закрепление сетевой модели государственного управления возможно только в таких институциональных условиях, при которых государство готово отказаться от властных, моноцентрических позиций и опереться в реализации своих функций на негосударственных акторов. При этом желание должно быть подкреплено реальными возможностями политиков и государственных управленцев поддержать запускаемые ими новые формы взаимодействия, что предполагает отказ от традиционного типа властно-бюрократического мышления, умение активировать совещательные механизмы принятия решений, формировать партнерские отношения и пр. Иначе усилия по расширению круга участников также приведут к сужению возможностей по участию негосударственных акторов в реализации государственной политики даже при наличии для этого необходимых институциональных условий.

Итак, сетевое государственное управление можно определить как *формирование и поддержание взаимозависимостей между государственными и негосударственными акторами при сохранении активной роли государства и возложении на него ответственности за принимаемые и реализуемые решения*. Оно не отрицает традиционной или рыночной моделей государственного управления, скорее, компенсирует их недостатки в институционально гибком государстве, которое может позволить себе диверсификацию управленческих моделей. Соответственно для решения одних задач целесообразным оказывается использование традиционной бюрократической модели и принудительных методов (нормативно-правовое регулирование), в других — рыночной (оказание отдельных видов государственных услуг), в иных — сетевой (наиболее затратные и сложно верифицируемые проблемы, такие как социальная защита, обеспечение экологической безопасности и пр.).

Опора государства на горизонтальную координацию во взаимодействии с негосударственными акторами, с одной стороны, снимает с повестки дня периферийные, но от этого не менее значимые проблемы, перекладывая их на плечи добровольческих организаций, полностью полагаясь на их профессионализм и бескорыстие, а также на частный бизнес, поощряя его социально ориентированное поведение и финансовые вложения в общественно значимые проекты. С другой стороны, это серьезный управленческий вызов, требующий от государства отказа от присущей ему модели принятия решений внутри иерархии, развития навыков успешного вне иерархического взаимодействия (фасилитация, медиация, арбитраж и пр.). А в конечном итоге — умения комбинировать бюрократические, рыночные и сетевые практики государственного управления без потери эффективности и результативности, а также контроля над объектами администрирования в целом. Получается, что государство в поисках современной модели государственного управления идет по пути серьезного усложнения

своей деятельности, ослабляя свои властные позиции, принимая тот факт, что в современном обществе ресурсы не концентрируются в едином центре.

Закономерно возникает вопрос об объяснении такой стратегии государства. Усиление горизонтальной координации в управлении связано, прежде всего, с усложнением внутри- и внешнеполитической среды функционирования государства. Во-первых, в политической повестке дня национальных государств приоритетные позиции начинают занимать глобальные проблемы (экология, терроризм и пр.), требующие развития трансграничных отношений, объединения усилий и ресурсов многих государственных и негосударственных акторов. Соответственно, требуется изменение роли государства, его стратегии общения со своими основными контрагентами, выход на новые арены политического взаимодействия.

Во-вторых, в новых социально-политических и экономических условиях эволюционируют способы взаимодействия граждан с властью, появляются новые способы политического участия и артикуляции интересов, требующие новых основ легитимации власти. Сети усиливают совещательные механизмы в политико-управленческом процессе, снижают уровень конфликтности интересов заинтересованных сторон, а также обеспечивают участие акторов на всех стадиях принятия и реализации решений благодаря своей гибкой структуре и возможности формирования различных внутрисетевых конфигураций. Сети позволяют развивать социальный капитал и формировать общественную атмосферу доверия благодаря превалированию неформализованных контактов. И как следствие они становятся своеобразным мостом между формальными, институциональными правилами государства и неформальными отношениями гражданских структур (Rhodes, 1988; Pierre, Peters, 2000; Koppenjan, Klijn, 2004). Кроме того, они изменяют и само государство, нивелируя его властную природу, вынуждая его встраиваться в публичные горизонтальные взаимодействия без права решающего голоса.

В свете данных рассуждений нельзя игнорировать инструментальный подход, которого придерживаются исследователи, полагающие, что государство усиливает, а не ослабляет, властные позиции в пространстве публичной политики в усложнившихся условиях среды посредством формирования сетей. Это означает, что интересы государства остаются неизменными и сохраняют приоритетность даже при условии расширения числа участвующих в процессе принятия решений стейкхолдеров (Walti, Kubler, 2003). Сети обеспечивают усиление этих доминирующих интересов, являясь результатом той или иной стратегии политической элиты.

Иными словами, государство сознательно формирует сети для обеспечения себе преференций, манипулирует ими в целях реализации разработанных программ. В частности, исследователи особо подчеркивают, что пространство управленческой сети может быть колонизировано властным государственным

участником, а другие ее акторы будут подвергаться опасности быть исключенными из нее или лишенными ресурсов, к которым они получили доступ благодаря вступлению в сеть, в случае возникновения конфликта с государственным участником. При такой трактовке сети занимают подчиненное положение, обеспечивая государству возможность сохранять легитимность и властные позиции в формировании сетей для достижения целей.

Представляется, что в государственном управлении имеет место реализация инструментального подхода к позиционированию сетей. В современных условиях государство прекрасно понимает объективные преимущества сетевой модели, среди которых следует обратить внимание на такие, как:

- 1) обеспечение сбалансированности власти между политической элитой и обществом посредством формирования промежуточного уровня взаимоотношений в форме сетевых структур;
- 2) налаживание горизонтальной координации между автономными организациями, использующими синергетический эффект от совместной активности по достижению цели;
- 3) стимулирование роста производительности государственных институтов посредством совместной целенаправленной деятельности по решению совместных проблем;
- 4) повышение легитимности власти благодаря активации низового участия граждан в обсуждении актуальных вопросов политико-управленческого значения, использования переговорных, консенсусных процедур взаимодействия;
- 5) повышение качества принимаемых решений, в обсуждении и реализации которых принимают участие широкий круг заинтересованных групп;
- 6) интерпретация политической сферы в относительно стабильных, но постоянно оспариваемых дискурсивных рамках, избегая при этом антагонизма между участниками, поощряя состязательность, но не конфликт.

Преимущества сетевой модели государственного управления согласуются с веяниями политической современности всех демократических государств, в которых существует устойчивый спрос на активное вовлечение граждан в процесс принятия решений, использование прямых форм участия, размыты границы между государством и обществом. Управление с использованием традиционных методов в таких условиях становится нерациональным даже с экономической точки зрения, так как партнерство с бизнесом и добровольческими организациями на обоюдно выгодных условиях привлекает дефицитные ресурсы и мобилизует рассеянные ресурсы.

Вместе с тем, государство не может полностью полагаться на взаимное доверие между участниками сетей, так как само является одним из ключевых стейкхолдеров, чью стратегию определяет более общий по сравнению с другими акторами интерес — общественный. Цель государства при формировании управ-

ленческих сетей или при вхождении в сеть в качестве одного из акторов — посредством инвестирования дефицитных для сети ресурсов гарантировать более высокий уровень реализации своих функций, не создавая при этом угроз для воспроизводства сетевого взаимодействия, не препятствуя достижению целей другими участниками, но и не позволяя их интересам подменить значимый для государства общественный интерес.

Помимо этого, расширение зоны сетевого управления для государства обостряет проблему поддержания высокого уровня легитимности власти. Основной риск связан с тем, что сети нарушают традиционные линии подотчетности. По точному замечанию Л. О'Тула и К. Мейера, «увеличение участников взаимодействия означает больше, чем просто усложнение, оно нарушает баланс власти» (O'Tool, Meire, 2004). Подотчетность и в государственном секторе, и в негосударственных секторах понимается как правовое обязательство людей, обладающих полномочиями, быть восприимчивыми к интересам тех, на кого распространяются принимаемые ими решения, следовать принципам открытости информации в вопросах расходования ресурсов и реализации своих полномочий.

О подотчетности можно говорить только при условии, что обе стороны (подотчетная сторона и сторона, требующая ответственного поведения) зависимы, а не изолированы друг от друга. Например, в государственном секторе представители власти должны понимать, что граждане имеют законодательно закрепленное право предъявлять им требования, а также имеют в своем распоряжении конкретные рычаги воздействия. Однако, полагаясь на кооперацию и партнерство с негосударственными акторами, государство оказывается полностью зависимым от совместных с ними действий, принимая на себя все риски по нарушению ими неформальных договоренностей. Представитель власти не сможет заявить, что та или иная программа сорвана по вине одного из партнеров, от него потребуют объяснения причин, по которым этот недобропорядочный участник был включен в реализацию этой программы, на какие уступки пошло государство и пр.

Безусловно, сеть не может быть подотчетна гражданам, так как она по своей структуре включает разнотипных участников, каждый из которых ориентируется на разные аудитории. В отношении сетей действует «гибридный режим» подотчетности (Romzek, Johnston, 2000), инкорпорирующий специфику моделей подотчетности государственного и негосударственного секторов. Успех сетевого взаимодействия будет зависеть от готовности участников вступать во взаимовыгодные обмены, предполагающие не только обмен ресурсами, но и восприятие отдельных практик поведения и обязательств, типичных для участников, представляющих другие сектора. Однако это не означает, что трансформация моделей поведения и подотчетности участников происходит безболезненно и не сопряжена с проблемами. Основная опасность для участников сети — потеря доверия и рост недовольства со стороны заинтересованных лиц, которым

они должны традиционно быть подотчетны. Давление заинтересованных лиц может оказаться гораздо более значимым для участника сети, чем продолжение совместных партнерских проектов, что поставит под угрозу дальнейшее существование сети. Для государства как участника сети этот риск наиболее высок.

В итоге на одной чаше весов оказываются позитивные эффекты от активации управленческих сетей, на другой — острая проблема тяготения сетей к закрытости и изоляции, к доминированию неформальных контактов над формализованными процедурами, к узкогрупповому целеполаганию, разрушению традиционных линий подотчетности. Уравновесить их может только выбор государством оптимальной стратегии поведения внутри сети.

В свете вышесказанного актуальным становится вопрос о позиционировании представителей власти в сетевом пространстве (каким образом изменяются их властные позиции и изменяются ли они) и определение границ горизонтальной координации, за пределами которых необходимо усиливать вертикальные связи, а также установление того, насколько это возможно сделать без разрушения сетевого взаимодействия.

При этом важно заметить, что усиление вертикальных связей не тождественно расширению области действия принудительных мер. Вертикализация отношений в сети не подразумевает нивелирования горизонтальной координации, предполагая частичное, временное выстраивание иерархии для точечного устранения проблем, уводящих сеть от решения заложенных государством целей. В этой связи уместно вспомнить цитату из произведения Л. Кэрролла: «В нескольких шагах от нее сидел Чеширский кот. Завидев Алису, Кот только улыбнулся. Вид у него был добродушный, но когти длинные, а зубов так много, что Алиса сразу поняла, что с ним шутки плохи» (Кэрролл, 1978).

Представляется, что образом Чеширского кота возможно воспользоваться в контексте рассуждений о сетях, как иллюстрацией тех процессов, которые происходят в практике государственного управления стран, использующих инструменты сетевого менеджмента — «растворение» государства в многочисленных и многообразных взаимодействиях с гражданскими и бизнес-структурами. И действительно, вынужденное растворение государства позволило решить важные управленческие задачи, продемонстрировав эффективность горизонтальной координации, ранее не свойственной государству. Однако при кажущейся внешней безобидности и полезности этих процессов оказывается, что как раз государство, опираясь на модель «власть без иерархии», утрачивает контроль над многими управленческими процессами, протекающими теперь помимо него — в управленческих сетях.

Положение государства в сетях очень специфично и не исчерпывается «растворением» в горизонтальных взаимодействиях. Оно с неизбежностью определяется ранее описанными угрозами подмены общественного интереса узкогрупповыми и искажением традиционной линии подотчетности, которые с высокой долей

вероятности будут вынуждать государство использовать свои прерогативы для хеджирования рисков, частично выстраивать вертикальные связи для поддержания управляемости сетей. Ведь сетевая структура не лишена недостатков. Так, сети объективно не могут преодолеть типичные для них проблемы, порождаемые коллективным действием (оппортунистское поведение участников, временная кооперация на достижение цели, откладывание инвестиций и пр.), а, следовательно, не могут гарантировать ни одному из участников, в том числе и государству, реализации тех или иных задач. Более того, несмотря на декларируемое равенство возможностей участников в сетях, асимметричность статусов государственных и негосударственных акторов очевидна. Позиционирование государства в сети определяет ряд факторов, как усиливающих, так и ослабляющих его возможности.

В отличие от бизнеса и НКО, государство формирует или вступает в сетевое взаимодействие, руководствуясь не интересами отдельных узких групп, а интересами всего общества или крупных социальных групп, что с высокой долей вероятности ведет к проявлению в сети отдельных элементов иерархии и определению приоритетов в деятельности сети. Эти приоритеты служат своеобразным барьером вхождения в сеть и границей самостоятельности участников. Допуская соперничество в выборе методов достижения целей, государственный участник не допускает дискуссии относительно нормативного контекста взаимодействия, отсекая или исключая участников, предпринимающих попытки направить развитие сети в нежелательном для государства направлении. Оно делает это с помощью косвенных методов воздействия, но при этом доступных только ему одному (например, принятие нормативных актов, финансовое воздействие, использование коммуникативных инструментов). С одной стороны, косвенное воздействие не угрожает жизнеспособности сети, с другой — государство таким образом проявляет свою властную природу и не теряет контроля над горизонтальными связями.

Помимо возможности использовать свои прерогативы в сетевой структуре государство, в отличие от других акторов, нередко действует в ущерб экономической эффективности для защиты своих интересов и может позволить себе быть даже расточительным в ресурсном плане. В совокупности эти специфические особенности государства как участника сети формируют его особый статус, неравный с другими акторами, открывающий ему возможности осуществлять структурирование сети, отбор участников, корректировку ресурсных обменов, содействовать прекращению контактов между отдельными акторами, изменять их место и роль в сети.

Однако, если негосударственные участники имеют возможность без труда покинуть сеть, если она не будет содействовать достижению поставленных ими целей, и даже существенно скорректировать свои цели, то государство ни при каких обстоятельствах не может отказаться от выполнения своих ключевых обязательств и выйти из взаимодействия, посчитав решение той или иной

проблемы слишком сложным, затратным или длительным. Таким образом, оно оказывается более зависимым от сети, чем негосударственные участники, что мотивирует его воздерживаться от излишнего вмешательства в развитие ресурсных обменов, ограничиваясь отдельными управленческими акциями, не влекущими за собой кардинальных последствий для функционирования сети.

Подводя итог, можно констатировать, что статус государства в сетевых структурах неоднозначен: с одной стороны, оно выступает наравне с другими участниками, стремясь максимизировать свой интерес и принимая во внимание устремления всех включенных акторов. С другой — используя свое особое положение, оно может гарантировать инкорпорирование наиболее важных общественных интересов и ценностей в процесс принятия решений, опираясь в этом на методы непрямого властного регулирования, мотивируя, а не требуя желаемого поведения участников сети («Я и не знала, что чеширские коты всегда улыбаются. По правде говоря, я вообще не знала, что коты умеют улыбаться» (Кэрролл, 1978)).

Итак, управленческие сети, основанные исключительно на принципах самоорганизации, доверия, консенсуса и участия государства в качестве партнера, в чистом виде не менее фантазийны, чем образ Чеширского кота. Даже последовательные критики управленческих возможностей государства признают, что без включения в сетевое взаимодействие представителей власти невозможно обеспечить представительство интересов различных заинтересованных групп, препятствовать изоляции и закрытости сетей, гарантировать соблюдение принципов справедливости, равенства и соблюдение общественного интереса (Pierre, Peters, 2000; Schmitter, 2002; Klijn, Koppenjan, 2002; Sørensen, Torfing, 2016). Управленческая активность государства в условиях расширения практики сетеобразования должна быть направлена как на повышение качества взаимодействия внутри сетей (купировать антагонизм между включенными акторами, привлекать «правильных» участников, элиминировать участников, придерживающихся единоличной стратегии поведения), так и на повышение качества управления в целом.

Так, Е. Соренсен и Я. Торфинг популяризируют идею создания «демократического якоря» (Sørensen, Torfing, 2005) для сетей при непосредственном участии в их функционировании политиков и сохранении ключевых линий подотчетности всех участников. В частности, они пишут о том, что сеть надежно закреплена на «демократический якорь», если она: управляется политиками на основе принципов метауправления, участники сети подотчетны тем, в чьих интересах они призваны действовать, результаты и последствия сетевых действий контролируются гражданами, на которых они направлены, внутренние процессы в сети организованы в соответствии с демократическими принципами.

Используемое авторами понятие «метауправление» появилось в науке относительно недавно. Его автор, Дж. Куиман, определил его как особый тип управления саморегулирующимися альянсами государственных и негосударственных акторов.

В его понимании метауправление — «governance of governance» — управление третьего порядка, устанавливающее нормативные ориентиры в управлении институциональной системой государства (второй порядок), которые в свою очередь задают направления решения конкретных политических проблем (первый порядок) (Kooiman 1993, 2009). В аналогичном ключе рассуждают о метауправлении И. Клиин и Я. Коппеньеян, понимая его как управление сложными политическими сетями в целях содействия обмену опытом и созданию атмосферы доверия (Klijn, Koppenjan, 2004).

И все же, принимая во внимание позиции авторитетных авторов, представляется, что современной практике государственного управления более созвучно инструментальное понимание метауправления, предложенное Б. Джессопом: метауправление как возможность государства реализовывать властные полномочия, выбирая между различными институциональными формами управления, одновременно разрешая противоречия и проблемы, возникающие в связи с их использованием и создавая условия для их эффективного функционирования (Jessop, 2002).

Иначе говоря, на макроуровне метауправление подразумевает умение комбинировать иерархическую, рыночную и сетевые управленческие модели, исходя из стоящих перед государством задач. Это готовность и умение государства «растворяться» в многообразных взаимодействиях с негосударственными акторами до состояния улыбки Чеширского кота («— Хорошо, — сказал Кот и исчез — на этот раз очень медленно. Первым исчез кончик его хвоста, а последней — улыбка; она долго парила в воздухе, когда все остальное уже пропало. — Да-да! — подумала Алиса. — Видала я котов без улыбок, но улыбка без кота! Такого я в жизни еще не встречала») (Кэрролл, 1978: 54–55).

И, конечно, это готовность и умение государства корректировать свою управленческую стратегию, отступить от принятого решения по формированию сети для решения конкретной задачи (ведь оно действительно может оказаться ошибочным), возвращаться к иерархии, предотвращая оппортунизм, неспособность участников действовать совместно. Однако процесс вертикализации не должен проходить одномоментно, только постепенно, или даже на некоторое время. Он обязательно требует информационного сопровождения, чтобы стратегически не подорвать доверие к себе со стороны НКО и бизнеса, они должны понимать причины усиления активности государства или отказа от поддержания дальнейших сетевых контактов. Иными словами, государство не только «растворяется», но и «проявляется», полностью или частично, когда возникают ситуации, в которых горизонтальные контакты не содействуют решению проблемы, а усугубляют ее («Кот, очевидно, решил, что головы вполне достаточно, и дальше возникать не стал») (Кэрролл, 1978).

Сложно спорить с тем, что бюрократическая модель государственного управления, будучи мало эффективной в современных условиях, все же более понятна

и проста для государства, так как многочисленные процедуры и формальные правила надежно защищают чиновников от общества. Сетевая модель государственного управления открывает государство обществу, заставляет его принимать роль политического антрепренера, создает угрозу утраты предсказуемости управленческих ситуаций, повышает вероятность ошибок и одновременно уровень ответственности, а главное — требует уникального умения — сохранять властные позиции, будучи невидимым для одних участников сетей и видимым для других. Можно предположить, что по этой причине практики сетевого государственного управления в основном ограничены сферами деятельности, где консенсус и уровень доверия между государством и негосударственными акторами достигает наивысших показателей (социальная защита населения, экология, здравоохранение, образование и пр.).

Библиографический список

1. Кэрролл, Л. (1978). *Приключения Алисы в Стране Чудес*. Москва: Наука.
2. Михайлова, О. В. (2014). *Сетевой подход в политической науке*. Москва: Макс-Пресс.
3. Михайлова, О. В. (2013). *Сети в политике и государственном управлении*. Москва: КДУ.
4. Jessop, B. (2002). *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press.
5. Klijn, E.-H. & Koppenjan, J. F. M. (2004). *Managing Uncertainties in Networks*. London: Routledge.
6. Klijn, E.-H. & Koppenjan, J. F. M. (2002). Rediscovering the Citizen: New Roles for Politicians in Interactive Policy Making. In P. McLaverly (Eds). *Public Participation and Innovations in Community Governance*. Aldershot: Achgate.
7. Kooiman, J. (1993). *Modern Governance: New Government-society Interactions*. London: Sage.
8. Kooiman, J. & Jentoft, D. (2009). Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices. *Public Administration*, 87, 818–836.
9. Koppenjan, J. & Klijn, E.-H. (2004). *Managing Uncertainties in Networks: A Network Approach to Problem Solving and Decision-making*. London: Routledge.
10. O'Tool, L. & Meire, K. (2004). Public Management in Intergovernmental Networks: Making Structural Networks and Managerial Networking. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 14.
11. Pierre, J. & Peters, B. G. (2000). *Governance, Politics and the State*. Basingstoke: Macmillan.
12. Rhodes, R. A. W. (1988). *Beyond Westminster and Whitehall: The Sub-Central Governments of Britain*. London: Unwind Hyman.
13. Romzek, B. & Johnston, B. (2000). Reforming State Social Service through Contracting: Linking Implementation and Organization Culture. In J. Brudney, L. Jn. O'Tool, H. Rainey (Eds.). *Public Management: New Developments in Theory, Methods, and Practice*. Washington: Georgetown University Press.
14. Schmitter, P. C. (2002). Participation in Governance: Is There Any Reason to Expect It Will Achieve “Sustainable and Innovative Politics in a Multilevel Context? In J. R. Grote,

- B. Gbikpi (Eds.). *Participatory Governance: Political and Societal Implications*. Opladen: Leske+Budrich.
15. Sørensen, E. & Torfing, J. (2006). Metagoverning Collaborative Innovation in Governance Networks. *The American Review of Public Administration*. April 6.
 16. Sørensen, E. & Torfing, J. (2005). The Democratic Anchorage of Governance Networks. *Scandinavian Political Studies*, 28.
 17. Walti, S. & Kubler, D. (2003). "New Governance" and Associative Pluralism: the Case of Drug Policy in Swiss Cities. *The Policy Studies Journal*, 31, 499–525.

Статья поступила в редакцию 25.06.2016.

.....

HOW ARE POWER POSITIONS ON THE STATE ACTORS IN NETWORKS ARE POSSIBLE, OR "CHESHIRE CAT GOVERNANCE STRATEGY"

Mikhaylova O. V.

Mikhaylova Olga Vladimirovna, Moscow State University
M. V. Lomonosov, 119991, Russia, Moscow, Lenin Hills, d. 1.
E-mail: olgamv00@gmail.com.

The article is devoted to the place and role of the network model in the practice of modern public administration. Analyzing the advantages and limitations of this model, the author raises the question of positioning the state in alliance network and its management capacity to maintain horizontal coordination of actions of participants. Network governance in the study is defined as the formation and maintenance of the interdependencies between the state and non-state actors, while maintaining an active role of the state and its responsibility for decisions and implemented solutions. Relying on advanced scientific developments of metamanagement, the author puts forward the idea of the need for the state of optimal network structures management strategy that allows it to retain positions of power without compromising network performance. As such, the proposed "strategy Cheshire cat", defined as the institutional ability to "dissolve" the state in numerous and diverse contacts with non-state actors and "manifest" in whole or in part, in situations complicating movement towards achieving the goal. State status in the network structures allows him to act as an equal basis with others, and to incorporate the most important social values and interests in the decision-making process, based on indirect methods overbearing regulation. Without the participation of the State authorities can not be ensured efficiency of network management. This approach allows to combine different models of management based on its strategic and tactical priorities.

Key words: management network, network governance, network management model, network management, metamanagement.

Reference

1. Carroll, L. (1978). *Prikljuchenija Alisy v Strane Chudes* [Alice's Adventures in Wonderland]. Moskva: Nauka.
2. Mikhaylova, O. V. (2014). *Setevoj podhod v politicheskoj nauke* [Network Approach in Political Science]. Moskva: Maks-Press.
3. Mikhaylova, O. V. (2013). *Seti v politike i gosudarstvennom upravlenii* [Networks in Public Policy and Governance]. Moskva: KDU.
4. Jessop, B. (2002). *The Future of the Capitalist State*. Cambridge: Polity Press.

5. Klijn, E.-H. & Koppenjan, J. F. M. (2004). *Managing Uncertainties in Networks*. London: Routledge.
6. Klijn, E.-H. & Koppenjan, J. F. M. (2002). Rediscovering the Citizen: New Roles for Politicians in Interactive Policy Making. In P. McLaverly (Eds). *Public Participation and Innovations in Community Governance*. Aldershot: Achgate.
7. Kooiman, J. (1993). *Modern Governance: New Government-society Interactions*. London: Sage.
8. Kooiman, J. & Jentoft, D. (2009). Meta-Governance: Values, Norms and Principles, and the Making of Hard Choices. *Public Administration*, 87, 818–836.
9. Koppenjan, J. & Klijn, E.-H. (2004). *Managing Uncertainties in Networks: A Network Approach to Problem Solving and Decision-making*. London: Routledge.
10. O'Tool, L. & Meire, K. (2004). Public Management in Intergovernmental Networks: Making Structural Networks and Managerial Networking. *Journal of Public Administration Research and Theory*, 14.
11. Pierre, J. & Peters, B. G. (2000). *Governance, Politics and the State*. Basingstoke: Macmillan.
12. Rhodes, R. A. W. (1988). *Beyond Westminster and Whitehall: The Sub-Central Governments of Britain*. London: Unwind Hyman.
13. Romzek, B. & Johnston, B. (2000). Reforming State Social Service through Contracting: Linking Implementation and Organization Culture. In J. Brudney, L. Jn. O'Tool, H. Rainey (Eds.). *Public Management: New Developments in Theory, Methods, and Practice*. Washington: Georgetown University Press.
14. Schmitter, P. C. (2002). Participation in Governance: Is There Any Reason to Expect It Will Achieve “Sustainable and Innovative Politics in a Multilevel Context? In J. R. Grote, B. Gbikpi (Eds.). *Participatory Governance: Political and Societal Implications*. Opladen: Leske+Budrich.
15. Sørensen, E. & Torfing, J. (2006). Metagoverning Collaborative Innovation in Governance Networks. *The American Review of Public Administration*. April 6.
16. Sørensen, E. & Torfing, J. (2005). The Democratic Anchorage of Governance Networks. *Scandinavian Political Studies*, 28.
17. Walti, S. & Kubler, D. (2003). “New Governance” and Associative Pluralism: the Case of Drug Policy in Swiss Cities. *The Policy Studies Journal*, 31, 499–525.

ПОЛИТИКА ПО ОТНОШЕНИЮ К НАЦИОНАЛЬНЫМ МЕНЬШИНСТВАМ В СЛОВАКИИ И РУМЫНИИ НА РУБЕЖЕ XX — XXI ВВ.¹

.....

Баринов И. И., Пантин В. И.

Баринов Игорь Игоревич, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23.
Эл. почта: barinovnoble@gmail.com.

Пантин Владимир Игоревич, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: v.pantin@mail.ru.

В статье рассмотрены основные тенденции и особенности политики по отношению к национальным меньшинствам в Словакии и Румынии в конце XX — начале XXI в. Показано, что при наличии некоторых общих черт в Словакии и в Румынии реализуются разные модели регулирования национальных (межэтнических) отношений, что определяется особенностями исторического развития этих государств. Одно из важных различий состоит в том, что Словакия обрела свою самостоятельную государственность относительно недавно, в то время как Румыния имеет более длительные традиции построения и развития государственности. Отсюда следуют различия в положении национальных меньшинств и в политике государства по отношению к ним. Так, в Словакии отношения между венграми и словаками остаются достаточно напряженными, а в Румынии, несмотря на проблему Трансильвании, отношения между румынами и венграми являются менее конфликтными. Сделан вывод, что дальнейшее, более эффективное регулирование положения национальных меньшинств в Словакии и Румынии во многом будет зависеть от наличия конструктивного диалога между правительствами этих стран, национальными меньшинствами и руководством Европейского союза. Для этого необходимо, чтобы руководство Словакии и Румынии ответственно подходило к регулированию национальных отношений, а руководство ЕС учитывало историческую и культурную специфику стран Центральной и Восточной Европы.

Ключевые слова: национальные меньшинства, Словакия, Румыния, Европейский союз, этнополитические процессы, регулирование межэтнических отношений.

¹ Статья подготовлена в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

Обеспечение прав национальных меньшинств является важной и актуальной, но до конца не решенной проблемой для многих стран Европейского союза. Во многом это связано со сложной историей европейских стран, особенно на протяжении XIX–XX вв., в частности, с многочисленными изменениями границ европейских государств, а также с попытками ассимилировать или дискриминировать национальные и этнические меньшинства в Европе. Положение национальных меньшинств, их участие в социальной, культурной и политической жизни стран Европейского союза непосредственно влияет на эффективность регулирования этнополитических процессов как на национальном, так и на наднациональном уровне, во многом определяя социальную стабильность. Само положение национальных меньшинств, их удовлетворенность или неудовлетворенность своим положением является важным индикатором реального, а не декларируемого благополучия европейских обществ, развития в них демократии и плюрализма. Важно также подчеркнуть, что без интеграции национальных меньшинств, их участия в социально-политических процессах невозможна консолидация современной политической нации на основе формирования правового государства и общей гражданской идентичности.

На протяжении XX в. положение национальных меньшинств в европейских государствах существенно менялось, причем особенно большие изменения в их положении происходили после Первой и Второй мировых войн, когда распались империи, возникали новые государства, менялись границы и в Европе происходила массовая, нередко принудительная миграция населения. В настоящее время положение национальных меньшинств в странах Европейского союза регулируется такими правовыми актами, как Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950), Документ Копенгагенского Сопровождающего Конференции по человеческому измерению ОБСЕ (1990), принятая ООН Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992), Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств (1995), а также законами о защите прав национальных и этнических меньшинств, принятыми в различных странах ЕС.

В то же время было бы некорректно утверждать, что политика по отношению к национальным меньшинствам в разных странах ЕС является единой и однотипной, а само пространство ЕС в этом плане однородно. Так, подобная неоднородность существовала и в странах — «старых» членах ЕС, принадлежащих к Западной Европе. К примеру, в Конституции и других законодательных актах Пятой республики во Франции практически отсутствует само понятие «национальное меньшинство», поскольку все граждане Франции, независимо от их этнической принадлежности, объявляются «французским народом» (преамбула Конституции Франции, ст. 11, 72–3 и др.). Не следует забывать и то, что национализм, доминировавший во многих странах «старой» Европы в XIX — первой

половине XX в., не исчез и продолжает существовать в переформатированном виде (Brubaker, 1996; Малахов, 2005).

Однако наиболее значительные проблемы в сфере обеспечения прав национальных и этнических меньшинств и связанная с ней неоднородность политики по отношению к ним возникли при вовлечении в европейскую интеграцию стран Центральной и Восточной Европы. Во многих странах бывшего социалистического блока вопросы, связанные с положением национальных и этнических меньшинств, долгое время находились в «спящем режиме», и им уделялось ровно столько внимания, сколько позволяли власти (Alcock, 2000). Не в последнюю очередь из-за недостаточного внимания, которое уделялось в прошлом, теперь эти вопросы стоят достаточно остро, требуя как специального законодательного регулирования, так и развития соответствующих институтов. Острота этих вопросов объясняется, с одной стороны, сложной историей этих стран, их полиэтничностью, ярко выраженной спецификой по сравнению со странами Западной Европы, а с другой — сложными социальными, политическими и миграционными процессами, характерными для стран Центральной и Восточной Европы в XX в., противоречивыми и неоднозначными явлениями, связанными со становлением и развитием национальных государств.

Следует отметить, что обширная территория, лежащая восточнее и юго-восточнее Одера и Вислы, долгое время оставалась для «исторической Европы» своеобразной *terra incognita* и нередко наделялась несоответствующими ей характеристиками. Данное наследие дает о себе знать до сих пор. В частности, это выражается в том, что руководящие структуры Евросоюза в Брюсселе не всегда могут верно оценить те процессы, которые происходят в Центральной и Восточной Европе в сфере межэтнических и межнациональных отношений. Из-за этого нередко возникают нестыковки и даже столкновения между общими принципами, декларируемыми ЕС, и реальной культурной, политической и экономической ситуацией в «новых» государствах Евросоюза, которая разительно отличается от стандартов, привычных Западной Европе. Стремление унифицировать политику в отношении национальных и этнических меньшинств подчас ведет не к решению проблем, а к их усугублению. Это связано с тем, что национальные меньшинства в каждой центрально- и восточноевропейской стране имели и имеют свои характерные особенности, которые продолжают сохраняться несмотря на членство данных стран в ЕС и на стремление властей Евросоюза проводить единую политику по отношению к национальным и этническим меньшинствам.

Настоящая статья посвящена сравнительному исследованию положения национальных меньшинств в Словакии и в Румынии, а также анализу политики, проводимой в отношении этих меньшинств властями рассматриваемых государств ЕС. Выбор именно этих стран для сравнительного анализа определяется тем, что в них реализуются разные модели регулирования национальных отношений,

а также тем, что степень этносоциальной конфликтности в этих странах существенно различается. При наличии ряда общих черт, позволяющих сравнивать политику данных государств по отношению к национальным меньшинствам, есть и заметные различия, причины которых лежат в различных плоскостях.

В Словакии основным национальным меньшинством являются венгры. Они доминируют в численном отношении — их доля в населении Словакии составляет около 10%, в большинстве своем компактно расселенных вдоль южной границы страны (Daftary, Gal, 2003). Взаимоотношения двух данных этнонациональных групп (словаков и венгров) в рамках словацкого государства были и остаются далекими от идеальных. В свое время словацкая этническая территория столетиями была интегральной частью Венгерского королевства. Нынешняя столица Словакии, Братислава, одно время даже была столицей Венгрии.

Трения между словаками и венграми усилились после распада Чехословакии (1992), когда в независимой Словакии возобладали восходящие к этническому национализму принципы «одно государство — один язык» и «нация-государство». Как считают исследователи словацкой проблематики, в постсоциалистической Словакии венгры превратились в «ожившего Чужого», «исторических колонизаторов», образ которых использовался политиками для сплочения нации в условиях экономических сложностей переходного периода (Daftary, Gal, 2003).

Порой отношение к венграм приобретало характер дискриминации. Так, до определенного момента происходила славянизация имен и фамилий у этнических венгров, венгерские начальные школы с низкой посещаемостью закрывались с целью «укрупнения», в результате чего терялась локальная культура (Alcock, 2000). Венгерские стандарты образования были более низкими, чем словацкие, что сказывалось на поступлении в высшие учебные заведения — в 1990-х гг. среди студентов было менее 9% этнических венгров. Немалой части венгерского населения приходилось оставаться и работать на земле, при этом они не получали государственной поддержки (Némethová, Öllös, 2003). В районах этнической чересполосицы всего 3% венгров отмечали, что владеют только венгерским языком (остальные в той или иной мере знают словацкий язык), тогда как среди словаков доля освоивших язык «соседей» составляла всего лишь около 60% (Daftary, Gal, 2003).

Официальный Будапешт неоднократно подчеркивал свою заинтересованность в улучшении положения венгерского меньшинства Словакии. Однако попытки поставить вопрос о какой-либо форме венгерской автономии вызвали резкую реакцию словацкого руководства. 2006 и 2008 гг. в Словакии ознаменовались межэтническими столкновениями словаков и венгров, а осенью 2009 г. там был принят закон, согласно которому в тех районах, где национальное меньшинство составляло менее 20% населения, использование его языка в официальной сфере каралось немалым денежным штрафом. По выражению венгерского депутата Европарламента Дьёрдя Шопфлина, отношения между Венгрией и Словакией

стали напоминать «холодную войну» (Нелаева, 2010). Хотя в настоящее время представители венгерского меньшинства входят в парламент и в правительство Словакии, отношения между двумя общностями остаются достаточно напряженными.

Традиционно непростые отношения Словакии (ранее — Чехословакии) с Венгрией отразились и на русинском меньшинстве. В социалистической Чехословакии русинов причисляли к украинцам, и их положение начало меняться только после «бархатной» революции 1989 г. (Грацианская, 2000). В настоящее время русины признаны в Словакии национальным меньшинством на государственном уровне. На русинском языке выходят газеты, существуют русинские культурные союзы (Грацианская, 2000). С 1997 г. русинские образовательные программы действуют в семи школах на востоке Словакии (Ви́сек, 2001). Согласно переписи 2001 г., проведенной в Словакии, 24,2 тыс. словацких граждан назвали себя русинами (Daftary, Gal, 2003). Наряду с русинским на востоке Словакии официально выделяется и украинское меньшинство. По данным переписи 2001 г., его численность более чем вдвое уступает русинскому, составляя 10,8 тыс. чел. (Daftary, Gal, 2003).

В Братиславе в целом достаточно лояльно относятся к русинскому движению, в нем активно участвуют представители зарубежной (главным образом американской и западноевропейской) диаспоры. В то же время происходит интенсивный процесс ассимиляции словацких русинов, причем главными причинами являются экономические. Из-за высокого уровня безработицы в восточных районах, где проживают русины, происходит отток населения в более благополучные и экономически развитые западные районы Словакии. Из-за главенства словацкого языка во всех сферах общественной жизни у родителей нет интереса к обучению детей на русинском языке (Ви́сек, 2001). Данные процессы являются неблагоприятными для словацких русинов и в определенной мере представляют опасность для сохранения ими своей идентичности. Украинское меньшинство, очевидно, подвержено тем же процессам — по сравнению с чехословацкой переписью 1991 г. число носителей украинского языка в Словакии к 2001 г. сократилось вдвое, уменьшилось и количество тех, кто этнически относил себя к украинцам (Daftary, Gal, 2003).

Проблема национальных меньшинств в Румынии имеет свои характерные особенности. Это объясняется целым рядом причин. Во-первых, Румыния является более крупной по сравнению со Словакией страной, а ее этническая палитра куда более разнообразна. Так, в румынском государстве насчитывается 16 групп меньшинств, в разной степени социально, экономически и политически интегрированных в румынское общество (Horváth, Scacco, 2001). Во-вторых, из-за изменений границ после обеих мировых войн в Румынии существует проблема Трансильвании, где проживает большое число этнических венгров. Как известно, именно недовольство венгров Трансильвании политикой Н. Чаушеску и их

открытое выступление против его режима послужило толчком к румынской революции 1989 г. Наконец, экономическое и социальное развитие Румынии происходит медленнее и с большими трудностями, чем в большинстве других стран ЕС, что влияет и на положение меньшинств.

Как и в Словакии, главным этническим меньшинством в Румынии являются венгры. Сейчас их численность составляет более 1,4 млн. чел. (7% населения страны). При этом в отличие от Словакии венгры никогда не были доминирующим элементом на территории будущей Румынии и соответственно не становились в постсоциалистические времена препятствием для поддержания румынской идентичности. Более того, как показывают социологические исследования, в 1990-е гг. румынское и венгерское сообщества даже солидаризировались относительно общей направленности политики страны и действий ее руководства (Chiribucă, Magyari, 2003).

Тем не менее в румыно-венгерских отношениях со временем наметились определенные конфликтные ситуации. В фокусе внимания сторон оказалась Трансильвания, где, подобно словацкому случаю, компактно расселена подавляющая часть венгров Румынии. В рамках этого региона произошло взаимное наложение венгерского и румынского национальных мифов. С точки зрения венгров Трансильвания долгое время была единственным в Европе оплотом венгерской культуры и государственности. Радикально настроенная часть венгерского населения, считая Трансильванию «своей» исконной территорией, настаивала, как минимум, на определенной форме автономии для венгров, а в лучшем случае — на признании их вторым конституирующим этносом страны (Horváth, Scacco, 2001). Особенно эти требования усилились весной 2008 г. после провозглашения независимости Косово. В 2009 г. в Трансильвании образовался непризнанный Секейский край по образцу той венгерской автономии, которая некоторое время существовала в социалистической Румынии.

В румынском случае Трансильвания стала последним звеном в собирании «румынских земель», из которых в 1918 г. и возникла современная Румыния. В самом румынском политическом дискурсе «этническое» и «национальное» выступают как взаимозаменяемые понятия (Horváth, Scacco, 2001), из чего, собственно, и проистекает унитарный характер политического строя румынского государства. В румынских школьных учебниках опускались целые отрезки из истории венгерской Трансильвании, умалялась или игнорировалась роль трансильванских князей, а венгерские имена собственные романизировались (Chiribucă, Magyari, 2003). Это вызывало заметное недовольство венгров, которые требовали для себя культурные и образовательные программы, более соответствовавшие их национальным предпочтениям (Horváth, Scacco, 2001).

Следует отметить, что венгерское меньшинство в Румынии является наиболее активным в деле отстаивания своих позиций. Важной составляющей идентичности венгров является язык. Несмотря на упомянутый унитаризм румынского

государства, в том числе в языковом плане, лишь около 2% венгров не владеют венгерским, тогда как большинство представителей цыганского и еврейского меньшинств уже утратило свои «исторические языки» в пользу румынского (Horváth, Scacco, 2001). В отличие от венгерского сообщества остальные меньшинства Румынии (сербы, русские-липоване) просто стремятся сохранить свою индивидуальность, и вокруг их положения нет значительных дебатов (Horváth, Scacco, 2001).

Сравнивая Словакию и Румынию в указанном плане, имеет смысл отметить как определенные совпадения, так и, напротив, заметные различия в положении национальных меньшинств и в политике его регулирования в обеих странах.

Базовым сходством является проблема внутренних противоречий в текстах конституций Словакии и Румынии. Они возникли, когда эти государства пытались подогнать свой основной закон под европейские стандарты, не меняя при этом его первоначальную суть. Так, в обоих случаях национальным меньшинствам в той или иной форме гарантируется право «сохранять, развивать и выражать» свою идентичность, получать образование на родном языке и использовать его в официальных отношениях. При этом в конституции как Словакии, так и Румынии зафиксирован унитарный характер государства и главенствующее положение национального языка большинства. В словацком случае даже присутствует пункт о том, что решение вопросов, связанных с меньшинствами, не должно создавать угрозу территориальной целостности страны (Horváth, Scacco, 2001; Грацианская, 2000). Кроме того, централизация власти в обеих странах, при которой решения на низовом уровне могут быть нивелированы сверху, является серьезным препятствием на пути обеспечения локального представительства национальных меньшинств и их участия в политической жизни.

Что касается различий рассматриваемых случаев, то они коренятся в особенностях исторического развития названных стран. Словаки, которые на протяжении длительного времени сами были не обладающим государственностью этническим меньшинством в Венгрии, теперь стремятся утвердить свое положение как образующей государство нации. Так, еще в 1996 г. территория Словакии была переключена таким образом, что ни в одном округе, где присутствует несловацкое население, у него нет преобладания (Грацианская, 2000). Румыния же имеет опыт национальной государственности, а большая часть румын, за определенными исключениями, не была меньшинством в рамках другой страны. Бухарест допускает, с известными оговорками, возможность общественной самоорганизации меньшинств (как в случае с секеями). В тех районах Румынии, где меньшинство составляет более 30%, присутствуют двуязычные вывески (Alcock, 2000). Вместе с тем румынский опыт на практике оказывается противоречивым и даже амбивалентным. В рамках упомянутого представления о румынах как конституирующей нации центральная власть стремится консолидировать все меньшинства вместе вокруг нее, без оглядки на значительные

политические, демографические и социально-экономические различия между ними (Horváth, Scacco, 2001). Иногда — как в случае формирования правящей коалиции в 1996 г. — настроения более маленьких по численности меньшинств аккумулируются властями для создания противовеса венгерской политической аджэнде (Horváth, Scacco, 2001).

В целом, следует отметить, что, несмотря на наличие позитивных подвижек в сфере обеспечения культурных и языковых прав национальных меньшинств в Словакии и Румынии, практическое решение наиболее политически ангажированных вопросов (в частности, предоставления меньшинствам территориальной автономии) отложено на неопределенный срок. Вполне вероятно, что, помимо национально-политических особенностей указанных стран, речь может идти о чисто экономических характеристиках. Так, места компактного проживания венгров и в Румынии, и в Словакии, не самых богатых государствах Европы, относятся к экономически отсталым районам, что в перспективе может вызвать появление дополнительных дотационных регионов. Всестороннее развитие культурных, образовательных и иных программ для национальных меньшинств опять же грозит стать нагрузкой для налогоплательщиков из числа большинства, не говоря уже о том, что подобная политика будет противоречить букве и духу конституций.

Примечательно, что данный комплекс противоречий уже находит свое выражение в цыганской проблеме, остро актуальной и для Румынии, и для Словакии. В первом случае это меньшинство политически и культурно маргинализировано, а его представители сталкиваются с дискриминацией со стороны всех остальных граждан. Вопрос снижения трений между цыганами и представителями других этнических (этнонациональных) сообществ является насущным и стоит перед румынским правительством (Horváth, Scacco, 2001). В Словакии данная проблема артикулирована не в меньшей степени. Организованность цыганского сообщества и самосознание его представителей заметно выросли уже к концу 1990-х гг. (Грацианская, 2000). При этом определить реальное количество цыган в Словакии по ряду причин весьма затруднительно. Согласно оценкам экспертов, они составляют от 1,7 до 9,7% населения (Daftary, Gal, 2003), что является очень большим разбросом данных и затрудняет выработку политики взаимодействия.

Нужно подчеркнуть, что дальнейшее регулирование положения национальных меньшинств в Словакии и Румынии во многом будет зависеть от наличия конструктивного диалога между правительствами названных стран и руководством Евросоюза. Этот диалог должен включать, помимо прочего, готовность Братиславы и Бухареста идти на реальные уступки меньшинствам и стремиться в действительности, а не формальным образом поднять текущий политический уровень до европейских стандартов. Брюсселю же, со своей стороны, также предстоит соотнести устоявшиеся в Западной Европе нормы с политическими традициями и реальным социально-экономическим состоянием новых членов

ЕС. В более или менее полной мере учитывать специфику межнациональных отношений в странах Восточной и Центральной Европы — непростая задача, поскольку учет такой специфики противоречит некоторым тенденциям унификации и стандартизации в политике руководящих органов ЕС. Однако, как представляется, именно такие шаги смогут не только заложить основу для будущей позитивной динамики в обеспечении прав национальных меньшинств, но и снизить градус этнополитической конфликтности как на региональном, так и на межстрановом уровне.

В плане политической теории рассмотренные случаи политики в отношении национальных меньшинств в Словакии и Румынии представляют интерес с точки зрения анализа формирования гражданской идентичности и ее взаимодействия с этнической идентичностью. Проблема соотношения и сложного, противоречивого взаимодействия этнической и гражданской идентичности является весьма актуальной и для стран ЕС, и для постсоветских государств, прежде всего для России (Семенов, 2016). Как показывает опыт современной Словакии и Румынии, формирование общегражданской идентичности в этих странах сопровождается подъемом этнической идентичности, а в ряде случаев — и этнополитической конфликтности, когда стороны конфликта для достижения своих политических целей используют ресурсы этничности. При этом даже наличие наднациональных институтов и общих норм политики ЕС в отношении национальных меньшинств не позволяет избежать периодического обострения в ряде стран Восточной и Центральной Европы этнополитической конфликтности, что связано как с исторически возникшими противоречиями между различными этническими сообществами, так и с современными, весьма динамичными социально-экономическими и политическими процессами. Процессы глобализации и регионализации существенно влияют на положение различных этнических сообществ и национальных меньшинств. В результате, с одной стороны, происходит частичное размывание, переформатирование и изменение функций прежнего государства-нации, а с другой — усиливается региональная и этническая идентичность. Все это делает процессы формирования гражданской идентичности и регулирования межнациональных отношений в современном мире более сложными, нелинейными, многоаспектными.

Несмотря на всю специфику этносоциальных и этнополитических отношений в России по сравнению со странами ЕС, многое из сказанного соотносится также и с российскими реалиями, а опыт стран Восточной и Центральной Европы имеет значение и для России. Так, противоречия между этнической и гражданской (общероссийской) идентичностью характерны и для современной России, а определенные элементы и аспекты политики Евросоюза в отношении национальных меньшинств могут иметь значение и для российской политической практики. При этом важно отметить, что попытки форсированно сформировать общероссийскую гражданскую идентичность, не обращая внимания

на существующие в различных регионах России реалии и на их специфику, как и попытки форсированно сформировать наднациональную европейскую идентичность в ЕС, игнорируя особенности отдельных стран, часто ведут к обратным результатам, т.е. к этнизации политического процесса, использованию этнической идентичности для политической мобилизации. В связи с этим, как представляется, необходимо особенно тщательное, кропотливое изучение ситуации в области межнациональных отношений в различных российских регионах и учет региональной специфики с тем, чтобы избежать обострения этнополитической конфликтности.

Библиографический список

1. Грацианская, Н. Н. (2000). Этнические меньшинства в Словакии. В М. Ю. Мартынова, Н. Н. Грацианская (ред.) *Европа на рубеже третьего тысячелетия: народы и государства* (с. 229–251). М.: Институт этнологии и антропологии, Российская академия наук.
2. Малахов, В. С. (2005). *Национализм как политическая идеология*. М.: КДУ.
3. Нелаева, Г. А. (2010). Европеизация и права венгерского меньшинства в отношениях Венгрии и Словакии. *Европа*, 9, 117–125.
4. Семененко, И. С. (2016). Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст. *Полис. Политические исследования*, 4, 8–28.
5. Alcock, A. (2000). *A History of the Protection of Regional Cultural Minorities in Europe*. Basingstoke: Macmillan Press.
6. Brubaker, R. (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Buček, J. (2001). Responding to Diversity: Solutions at the Local Level in Slovakia. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 273–306). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.
8. Chiribucă, D. & Magyari, T. (2003). Impact of Minority Participation in Romanian Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 69–91). Budapest: Open Society Institute.
9. Daftary, F. & Gal, K. (2003). The 1999 Slovak minority language law: internal or external politics? In D. Farimah & F. Grin (Eds.) *Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries* (pp. 31–71). Budapest: Open Society Institute.
10. Horváth, I. & Scacco, A. (2001). From the Unitary to the Pluralistic: Fine-tuning Minority Policy in Romania. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 243–271). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.
11. Némethová, D. & Öllös, L. (2003). Hungarians in the Slovak Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 113–139). Budapest: Open Society Institute.

Статья поступила в редакцию 22.09.2016.

NATIONAL MINORITY POLICIES IN SLOVAKIA AND ROMANIA AT THE TURN OF THE 21ST CENTURY

Barinov I. I., Pantin V. I.

Barinov Igor Igorevich, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.

E-mail: barinovnoble@gmail.com.

Pantin Vladimir Igorevich, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.

E-mail: v.pantin@mail.ru.

This article has been written with the financial support of a grant provided by the Russian Science Foundation within the framework of project № 15–18–00021, “Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)” at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

The article deals with the key trends and characteristics of policy towards national minorities in Slovakia and Romania at the end of the 20th — the beginning of the 21st century. The main thesis is that while there are certain features common to both these countries, they implement different models of national (ethnic) relations regulation; their historical features determine this difference. One of the key differences is that Slovakia gained its independent statehood relatively recently, while Romania has far more longstanding traditions of construction and development of statehood; hence the differences in the position of national minorities and the state policy towards them. For example, in Slovakia, relations between Hungarians and Slovaks remain quite strained, while in Romania, despite the problem of Transylvania, relations between Romanians and Hungarians are less conflicting. The authors come to conclusion that prospects of effective regulation of the position of national minorities in Slovakia and Romania will largely depend on the possibility of a constructive dialogue between the governments of these countries, national minorities and the leadership of the European Union. To ensure such a dialogue, on the one hand, governments of Slovakia and Romania should take a responsible approach to regulation of national relations; on the other hand, the EU leadership should consider the historical and cultural background of the countries of Central and Eastern Europe in its relevant policies.

Key words: national minorities, Slovakia, Romania, European Union, ethno-political processes, regulation of interethnic relations.

References

1. Alcock, A. (2000). *A History of the Protection of Regional Cultural Minorities in Europe*. Basingstoke: Macmillan Press.
2. Brubaker, R. (1996). *Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
3. Buček, J. (2001). Responding to Diversity: Solutions at the Local Level in Slovakia. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 273–306). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.

4. Chiribucă, D. & Magyari, T. (2003). Impact of Minority Participation in Romanian Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 69–91). Budapest: Open Society Institute.
5. Daftary, F. & Gal, K. (2003). The 1999 Slovak minority language law: internal or external politics? In D. Farimah & F. Grin (Eds.) *Nation-Building, Ethnicity and Language Politics in Transition Countries* (pp. 31–71). Budapest: Open Society Institute.
6. Gracianskaja, N. N. (2000). Jetnicheskie men'shinstva v Slovakii [Ethnic Minorities in Slovakia]. In M. Ju. Martynova, N. N. Gracianskaja (Eds.) *Evropa na rubezhe tret'ego tysjacheletija: narody i gosudarstva* [Europe at the Turn of the Third Millennium: nations and states] (pp. 229–251). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences Publ.
7. Horváth, I. & Scacco, A. (2001). From the Unitary to the Pluralistic: Fine-tuning Minority Policy in Romania. In A. M. Bíró & P. Kovács (Eds.) *Diversity in Action: Local Public Management of Multi-Ethnic Communities in Central and Eastern Europe* (pp. 243–271). Budapest: Local Government and Public Service Reform Initiative.
8. Malahov, V. S. (2005). *Nacionalizm kak politicheskaja ideologija* [Nationalism as a Political Ideology]. Moscow: KDU.
9. Nelaeva, G. A. (2010). Evropeizacija i prava vengerskogo men'shinstva v otnoshenijah Vengrii i Slovakii [Europeanization and the Rights of the Hungarian Minority in the Relations of Hungary and Slovakia]. *Evropa* [Europe], 9, 117–125.
10. Némethová, D. & Öllös, L. (2003). Hungarians in the Slovak Government. In M. Robotin & L. Salat (Eds.) *A New Balance: Democracy and Minorities in Post-Communist Europe* (pp. 113–139). Budapest: Open Society Institute.
11. Semenenko, I. S. (2016). Politika identichnosti i identichnost' v politike: etnonazional'nye rakursy, evropeiskii kontekst [Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context]. *Polis. Political Studies*, 4, 8–28.

ПАРТИСИПАТОРНОЕ БЮДЖЕТИРОВАНИЕ И УПРАВЛЯЕМОСТЬ ГОСУДАРСТВА В БРАЗИЛИИ¹

.....

Блинова Е. А.

Блинова Елена Александровна, Санкт-Петербургский государственный университет, 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 7-й подъезд. Эл. почта: caudex@yandex.ru.

Окружающий мир меняется очень быстро, что накладывает определенный отпечаток на стратегии развития современных государств. Государства теперь стремятся достичь не только состоятельности (stateness), т.е. обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность и легитимность, но также нацелены на повышение управляемости и конкурентоспособности. Несмотря на серьезную ресурсную базу, в Бразилии существуют многочисленные сложные социальные проблемы — правовое неравенство чернокожего населения, маргинализированное население фавел, усугубляющиеся проблемы наркоторговли и криминала и др. Для решения указанных проблем в Бразилии партия трудящихся пошла по пути внедрения инноваций не только в технической, но и в социальной сфере. Причем основной упор был сделан на увеличение социальной инклюзивности посредством особого института партисипаторного бюджетирования на уровне гражданского общества. Цикл партисипаторного бюджетирования длится один год, в течение которого граждане путем общественных собраний и переговоров между собой и местным правительством решают, как потратить деньги на новые проекты в городской инфраструктуре, например поликлиники, школы, асфальтирование улиц. Партисипаторное бюджетирование объединяет в себе 2 модели демократии — прямую демократию на уровне районных собраний и представительную демократию на уровне Совета делегатов и Совета по партисипаторному бюджетированию. В статье изучается опыт партисипаторного бюджетирования в Бразилии с точки зрения нескольких параметров: 1) степени демократичности процесса, т.е. степени, в которой люди, а не правительство, контролируют процесс; 2) доли общественных средств, инвестируемых в процессе; 3) правового статуса процесса; 4) социальной справедливости распределения результатов.

Ключевые слова: Бразилия, партисипаторное бюджетирование, перераспределение, инклюзивность, гражданское участие, политическое руководство

Окружающий мир меняется очень быстро, что накладывает определенный отпечаток на стратегии развития современных государств. Фактор «неопределенности» в развитии социально-экономических систем и организаций исследуется в рамках методологий синергетического подхода, посткейнсианства, теории сетей,

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований «Управляемость и конкурентоспособность в условиях неопределенности: сравнительный анализ стран БРИКС», проект № 14-03-00816.

подхода «governance». По мнению исследователя И. В. Розмаинского, «неопределенность будущего означает, что мы не можем предсказать будущие результаты нашего выбора даже при помощи вероятностных распределений, поскольку у нас нет научной основы для вычисления соответствующих вероятностей. ... Мы не знаем ни количества возможных исходов, ни вероятностей наступления каждого из них» (Розмаинский, 2010). Это утверждение перекликается с замечаниями Д. Норта о неэргодичности окружающего мира — «мира постоянно возникающих новых изменений» и динамических процессов, протекающих в историческом времени, где «прошлое необратимо, а будущее неопределенно». Неопределенность будущего провоцирует напряженность и предъявляет к социально-экономическим системам особые требования. Чтобы выжить, система должна справляться с вызовами меняющейся среды, демонстрируя динамичность, открытость, отзывчивость, способность к инновациям. Мир требует инновационных институциональных идей, поскольку, как пишет Д. Норт, «никто не знает правильного пути к выживанию» (Норт, 2010). В связи с этим государства теперь стремятся достичь не только состоятельности (stateness), т.е. обеспечить внутреннюю и внешнюю безопасность и легитимность, но также нацелены на повышение управляемости и конкурентоспособности.

В данной статье мы рассмотрим Бразилию — государство, осознанно вставшее на путь развития и стремящееся занять достойное место в мире. Превосходство Бразилии заключается в обеспеченности природными ресурсами (минеральным сырьем, пресной водой, древесиной, запасами углеводов на континентальном шельфе), а также в возможности массового производства продовольствия, что привлекает другие страны, в том числе Китай и Индию с их огромным населением и недостаточными запасами минерального сырья и продовольствия. Несмотря на серьезную ресурсную базу, в Бразилии существуют многочисленные сложные социальные проблемы — правовое неравенство чернокожего населения, маргинализированное население фавел, усугубляющее проблемы наркоторговли и криминала и др. Для решения указанных проблем в Бразилии партия трудящихся пошла по пути внедрения инноваций не только в технической, но и в социальной сфере. Причем основной упор был сделан на увеличение социальной инклюзивности посредством особого института партисипаторного бюджетирования (бюджетирования на основе участия) на уровне гражданского общества.

Анализ политического процесса посредством изучения гражданского общества характерен для подхода «сетевое управление» (network governance). Значимым моментом роста роли НКО и гражданского общества являются сетевые механизмы координации. Согласно подходу Э. Ведунга (Hertting, Vedung, 2012), «сетевое управление» (network governance) может показаться противоречивым термином, так как «сеть» подразумевает нечто спонтанное, открытое, горизонтальное и изменчивое, а «управление» — руководство, координацию

или указание. Необходимость горизонтальной координации между секторами, акторами, программами, департаментами Э. Ведунг объясняет наличием двух типов «сложности» в публичном управлении — институциональной и реальной (*institutional and substantive complexity*). Институциональная сложность отражает политическое разнообразие и проявляется в сфере ответственности различных департаментов, особенностях бюджетного процесса и т.п. Реальная (или субстантивная) сложность отражает наличие таких плохо структурированных проблем в мире, как устойчивое развитие, проблемы голода, бездомность, социальная инклюзивность, обусловленные большим количеством факторов. Для таких проблем неопределенность и разногласия существуют не только с описанием их природы, причин и последствий, но и по поводу решения. Координация различных участников и заинтересованных сторон — важный инструмент объединения точек зрения, навыков и ресурсов. Цель сетевого управления — воспользовавшись эффектом синергии, предоставить площадку для обсуждения различного опыта и перспектив, чтобы генерировать новое понимание проблем и решений. Сетевые акторы обладают институциональной возможностью объединять и обмениваться имеющимися ресурсами для оптимизации деятельности, совместно вырабатывать общие рамки рассмотрения проблем и адаптироваться к меняющейся среде. Одновременно в связи с наличием проблем оппортунистического поведения сетевое управление нуждается в государстве как гаранте институтов, обеспечивающем соблюдение договоров и поддерживающем переговорные структуры. Также Л. В. Сморгун в своей монографии разъясняет, что понятие «*governance*» возникло на стыке идей нового государственного менеджмента и теории политических сетей. Некоторые исследователи сводят понятие «*governance*» к системе способностей. «*Governance* является способностью системы правления определять и осуществлять политику, т.е. руководить обществом» (Сморгунов, 2012).

Курс на реформу политического и государственного управления в Бразилии был взят после падения военной диктатуры в 1985 г. Активность гражданского общества в Бразилии стала расти еще в начале 1980-х гг.: появились две новые оппозиционные партии — партия Бразильского демократического движения (*Partido do Movimento Democrático Brasileiro*) и партия трудящихся (*Partido dos Trabalhadores*), возникли многочисленные неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа. В 1988 г. новая конституция узаконила участие граждан в программах, финансируемых правительством. Муниципалитеты в Бразилии начали экспериментировать с различными вариантами включения граждан в политику. Истоки возникновения практики партисипаторного бюджетирования (далее — ПБ) в Бразилии восходят к концу 1970-х — началу 1980-х гг., когда в городах Лажисе, Боа-Эсперансе и Пелотасе руководство местной администрации, принадлежавшее к партии бразильского демократического движения, представило местные бюджеты на общественное обсуждение. Позже в 1989 г. партия трудящихся, выиграв местные выборы в 36 муниципалитетах, экспериментировала

с ПБ в Порту-Алегри, Ипатинге, Жуан-Монлевади, Пирасикабе и Сантосе. Дизайн ПБ был разработан совместно общественными ассоциациями Порту-Алегри и местной властью, знавшими о предыдущих результатах партии бразильского демократического движения. Опыт Порту-Алегри был признан успешным и начал внедряться в других бразильских городах с конца 1990 г. ПБ впервые появилось в Бразилии во многом потому, что Бразилия была единственной авторитарной страной, где одновременно совпал ряд факторов: 1) разрешили оппозиционные партии; 2) выделили значительные средства на расходы в муниципалитетах; 3) провели относительно честные выборы мэров (за исключением стратегических городов типа столицы и крупных портов) (Shah, 2007). В 1997–2000 гг. ПБ использовали в 140 городах Бразилии, при этом 73 из 140 мэров принадлежали к партии трудящихся, еще 33 мэра принадлежали к другим левым партиям, а в большинстве оставшихся городов заместители мэров, ответственные за ПБ, также принадлежали к партии трудящихся (Shah, 2007). В 1989 г. треть населения Порту-Алегри жила в фавелах — изолированных трущобах на окраине города, не имеющих доступа к государственным услугам, чистой воде, канализации, медицинскому обслуживанию и школам. Преодоление неравенства в уровне жизни стало общегородской задачей, которую попытались решить расширением общественного участия в политической жизни. В Порту-Алегри использовали инновационный процесс ПБ для улучшения доступа к государственным услугам и расширения прав и возможностей для наиболее маргинализированных слоев общества.

По определению Б. Вэмплера (Shah, 2007), партисипаторное бюджетирование — это процесс принятия решений, выражающийся в переговорах и обсуждении гражданами вариантов распределения общественных ресурсов. Можно сказать, что здесь воплощается подход прямой демократии к процессу бюджетирования, основанный на принципах вовлечения в обсуждение местных проблем, социальной справедливости и гражданской активности. Цикл ПБ длится один год, в течение которого граждане путем общественных собраний и переговоров между собой и местным правительством решают, как потратить деньги на новые проекты в городской инфраструктуре, например поликлиники, школы, асфальтирование улиц. Местные жители посещают собрания и голосуют за различные варианты производства локальных общественных благ. Акторами ПБ выступают исполнительные и законодательные органы власти на местном уровне, граждане, неправительственные организации, организации гражданского общества. ПБ обладает следующими положительными особенностями: 1) увеличивает прозрачность и публичность политического процесса, подотчетность властей; 2) потенциально уменьшает неэффективность правительства; 3) способствует борьбе с коррупцией, патронажем и клиентелизмом; 4) позволяет включать бедные, маргинализированные, социально изолированные слои населения в процесс принятия важных решений. То есть ПБ одновременно повышает эффективность государства и улучшает качество демократии. Прямое участие граждан в открытых общественных дебатах повышает их политическую грамот-

ность. Программы ПБ выступают как «школы гражданственности», позволяя лучше понять права и обязанности граждан и ответственность правительства, улучшают навык аргументации и ведения переговоров относительно приоритетов развития сообщества и распределения ограниченных ресурсов. В случае корректного функционирования ПБ может стимулировать правительства более чутко реагировать на потребности и предпочтения граждан и быть более подотчетными при распределении ресурсов и предоставлении услуг.

Одновременно партисипаторное бюджетирование не лишено и отрицательных моментов. Если программы ПБ функционируют неэффективно, то в обществе может возрасти циничное и скептическое отношение к демократии, децентрализации, возникнуть разочарование в плохо работающем институте. ПБ сопровождается значительными рисками. Процессы участия могут быть захвачены группами интересов. ПБ может маскировать недемократический, эксклюзивный или элитистский характер принятия решений, создавая видимость более широкого участия, одновременно используя общественные средства для продвижения интересов влиятельных элит. ПБ может укрепить существующую несправедливость и лишить маргинальные группы права голоса в общественных делах. Поэтому для того, чтобы ПБ давало результаты, желанные для медианного избирателя, актерам необходимо полностью признать местную специфику формальных и неформальных властных отношений. И наконец, даже если ПБ функционирует вполне успешно, оно не может побороть такие сложные проблемы, как бедность, безработица и др. Для их решения требуется действовать на более высоком уровне принятия решений и применять принцип открытости и прямого участия ко всем государственным расходам.

Рассмотрим подробнее процесс ПБ на примере г. Порту-Алегри. В ПБ можно выделить 3 различных этапа — обсуждение, переговоры и мониторинг. На стадии обсуждения граждане участвуют в собраниях, определяют приоритетные объекты для инвестирования и выбирают представителей, которые будут представлять и защищать интересы жителей. На стадии переговоров местная администрация и представители всех районов муниципалитета определяют план инвестиций города, а местные органы законодательной власти его утверждают. На стадии мониторинга представители местного населения следят за ходом выполнения инвестиционного плана. В г. Порту-Алегри ПБ представляет собой пирамидальную структуру, в основании которой лежат районные и тематические собрания граждан. На них выбираются: 1) совет делегатов; 2) совет по партисипаторному бюджетированию. В Порту-Алегри институт ПБ существует наравне с двумя другими выборными органами власти — исполнительным органом — мэрией (Prefeitura) и законодательным органом — Палатой депутатов (Câmara de Vereadores).

Вначале муниципалитет делится на районы для проведения совещаний и распределения ресурсов. Встречи, финансируемые правительством, проводятся

в течение всего года и охватывают различные аспекты цикла бюджетирования и разработки политики: информирование граждан, формирование повестки, дискуссии по внесенным предложениям, выбор политики, выборы делегатов и надзор. Первый раунд собраний длится с марта по май. Районные собрания называются *godadas*. Они регулярно проходят во всех районах муниципалитета. Доступ на собрания открыт для всех, но только резиденты имеют право голоса. В первом туре муниципальные чиновники отчитываются по эффективности программ предыдущего года, представляют инвестиционный план текущего года, после чего граждане оценивают план путем голосования. Помимо народных собраний в каждом районе мэрия Порту-Алегри также внедрила общегородские народные собрания, организованные по темам (тематические собрания). Тематические собрания (*tematicas*) идут одновременно с районными собраниями и затрагивают 6 основных сфер — здравоохранение и социальное развитие, транспорт, строительство и городское развитие, культура и досуг, образование, экономическое развитие и налогообложение. Решения принимаются по правилу большинства. Ресурсы в программах ПБ распределяются согласно индексу качества жизни, созданному мэрией. Районы с высоким уровнем бедности, большей плотностью населения, а также меньшей инфраструктурой получают больше ресурсов, чем зажиточные и богатые районы. Каждый муниципалитет разрабатывает собственную формулу, чтобы гарантировать справедливое распределение ресурсов. Далее на народных собраниях избираются делегаты. Совет делегатов включает примерно 1000 чел. С апреля по июнь делегаты выступают в качестве посредников между избравшими их собраниями и мэрией. Делегаты изучают особенности бюджетного процесса города, законодательные ограничения, посещают соседние районы и передают эту информацию обратно в собственные районы. Чаще всего делегатами избирают лидеров общественных организаций, и граждане, не интегрированные в такие структуры, редко попадают на эту должность. Избранные представители заранее посещают все утвержденные площадки проектов до окончательного голосования. Эти визиты позволяют делегатам оценить социальную потребность в предлагаемых проектах. Далее делегаты составляют рейтинги проектов и направляют их мэрию. Администрация представляет скомпилированные рейтинги и объем инвестиций во втором туре районных и тематических собраний населению. На этих собраниях уже выбираются члены совета по ПБ. Члены совета по ПБ продолжают дальше повышать свою квалификацию в вопросах ПБ, а делегаты продолжают служить связующим звеном, но теперь уже между членами совета по ПБ и местными жителями. Совет по ПБ — орган, состоящий из 44 членов: по 2 представителя от каждого районного собрания (32 чел.) и по 2 представителя от каждого тематического собрания (10 чел.), один — от Ассоциации жителей союза Порту-Алегри, один — от организации профсоюзов. Совет по ПБ образуется каждый год в июле. Его роль заключается в том, чтобы предоставить мэрии детальный план бюджета по приоритетам, одобренным на районных

собраниях, и контролировать выполнение работ. Совет по ПБ представляет бюджет на утверждение палатой депутатов, которая полностью автономна и имеет право внести поправки или отклонить бюджет. Обычно в мэрии большинство принадлежит представителям партии трудящихся, но они не контролируют палату депутатов. Однако после того, как план бюджета был одобрен гражданами на районных собраниях, политическая цена отклонения такого бюджета очень высока, и палата депутатов обычно этого не делает. Кроме того, члены совета по ПБ также контролируют процесс ПБ на предмет демократического участия, открытости и эффективности. В январе составляется окончательный отчет, затем процесс начинается заново (Aragonès, Sánchez-Pagés, 2004). Таким образом, ПБ объединяет в себе 2 модели демократии — прямую демократию на уровне районных собраний и представительную демократию на уровне совета делегатов и совета по ПБ.

Для адаптации ПБ в сообществе необходим ряд условий: 1) сильная поддержка со стороны мэрии; 2) гражданское общество, готовое и способное вести политические дискуссии; 3) благоприятная политическая среда, изолирующая ПБ от нападений со стороны законодательной власти; 4) финансовые ресурсы для реализации проектов, выбранных гражданами. Как правило, программы ПБ реализуются на местном уровне, но встречаются ситуации его применения и на региональном уровне. Поддержка со стороны местного правительства необходима, так как именно чиновники должны принять решение о делегировании полномочий. Правительства, получающие значительную поддержку со стороны социальных движений, объединений, неправительственных организаций, более склонны к внедрению ПБ. Несмотря на то, что ПБ реализуется по воле мэра, представители законодательной власти также могут повлиять на ход реализации программ. Это связано с тем, что ПБ подрывает традиционные патронажные сети и законодатели могут противостоять его реализации в полной мере. Если конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти на местном уровне велик, вероятно, мэр не сможет делегировать полномочия для внедрения ПБ в связи с необходимостью сконцентрировать усилия на работе с депутатами.

В процессе ПБ могут возникать некоторые перекосы, например:

– при делении муниципалитета на районы, наряду с улучшением эффективности, подотчетности и децентрализации, встречи на районном уровне могут ограничить формирование сетей гражданского общества на муниципальном уровне, а у малых районных групп может не хватить влияния для защиты своих проектов;

– при создании индекса качества жизни, с одной стороны, повышается распределение ресурсов в пользу бедных районов, но с другой — хорошо организованные группы населения способны получить выгоду за счет слабо организованных и малых групп, препятствуя участию граждан, которые вряд ли получат финансирование;

Частота участия граждан в процессе партисипаторного бюджетирования
в Белу-Оризонти и Бетине, Бразилия

Число раз участия в процесс ПБ	Белу-Оризонти		Бетин	
	Число респондентов	% респондентов	Число респондентов	% респондентов
1 раз	526	54,5	92	49,5
2 раза	168	17,4	32	17,2
3 раза	78	8,1	19	10,2
4 раза	70	7,2	13	7,0
Больше 4 раз	64	6,6	14	7,5
Нет ответа	60	6,2	16	8,6
Итого	966	100	186	100

– при выборах совета по ПБ малая группа лидеров муниципалитета может использовать свой прямой доступ к местной администрации в собственных интересах и предстать новым политическим актором, неподотчетным местному сообществу;

– процесс ПБ во многом зависит от компетенции местной бюрократии. Проекты воплощаются посредством бюрократического процесса, а участники от гражданского общества играют меньшую роль, им отводится функция по надзору за тем, что проект осуществляется в соответствии с ранее установленными критериями.

Исследователь Ив Кабан (Yves Cabannes) (Cabannes, 2004) выделил ряд критериев для анализа ПБ: 1) степень демократичности процесса, т.е. степень, в которой люди, а не правительство, контролируют процесс; 2) доля общественных средств, инвестируемых в процессе ПБ; 3) правовой статус процесса; 4) социальная справедливость распределения результатов.

Для начала рассмотрим степень демократичности процесса ПБ. Довольно спорный вопрос: насколько ПБ повышает уровень гражданского участия в политике, хотя с момента внедрения год от года количество граждан на собраниях увеличивалось. Например, в Порту-Алегри в 1990 г. участвовало 976 чел., в 1998 г. — 13 687 чел., а в 2003 г. — 26 807 чел. Тем не менее в целом регулярно в ПБ участвует лишь 4% населения (Shah, 2007).

По данным исследования таких городов, как Белу-Оризонти, Ипатинга, Порту-Алегри, Сан-Паулу, большинство участников процесса ПБ — приверженцы партий левого толка. Также есть предположение, что в ПБ участвует в основном и так изначально более политически активное население. Половина участников в Белу-Оризонти сделали это только один раз. А примерно 75% респондентов участвовали всего 1 или 2 раза (см. таблицу) (Shah, 2007).

В связи с этим возникает сомнение, насколько ПБ увеличивает потенциал расширения прав и возможностей граждан. Если в процессе ПБ принимает участие малое количество граждан, то вряд ли будет получен значительный эффект обучения. В городах типа Ипатинги и Порту-Алегри, где давно существует ПБ, уровень участия граждан высок, но имеется ядро активистов, которые занимаются этим из года в год. Некоторые муниципии даже ввели законодательное ограничение, чтобы расширить число участников. Так, один человек может быть избран в муниципальный совет делегатов только каждый второй или третий год. Тем не менее существует вероятность, что в муниципалитете просто происходит ротация небольшой группы активистов. Низкая активность граждан связана со стандартными причинами — ограниченные временные и финансовые возможности участников, общая апатия, недостаточная осведомленность о ПБ. Естественно, что граждане готовы тратить свое время лишь в том случае, если принимаются действительно актуальные для них решения и непосредственные результаты программ отражают их нужды. Например, в Порту-Алегри, несмотря на самый маленький годовой бюджет, удалось в 1996–1998 гг. выделить на ПБ больше всего средств — 201 дол. на душу населения, при том, что в Белу-Оризонти эта сумма составила 42 дол. на душу населения, а в Ресифи — 11 дол. (Baioсchi, 2005).

Теперь обратимся к вопросу о доле общественных средств, инвестируемых в процессе ПБ. Основным компонентом ПБ являются дискреционные расходы, денежные средства, которые тратятся местными властями в соответствии с утвержденными направлениями, но по собственному усмотрению (согласно решению гражданского общества). Чем более гибкую систему трат может позволить местная администрация, тем ближе будут получаемые результаты к потребностям местных жителей. Если в муниципалитете есть дефицит ресурсов и они все же решатся внедрить ПБ, то усилия придется сконцентрировать не на выборе конкретных проектов, а потребуются еще детальное освещение тем налогов, долга и эффективного использования ограниченных ресурсов. Местному правительству придется приложить много усилий и времени для разъяснения жителям особенностей финансовой ситуации. После чего гражданам предлагается выбрать основные направления расходования имеющихся ресурсов, а не конкретные виды работ.

Распределение ресурсов основывается на индексе качества жизни. Каждый район получает определенный процент от бюджета в зависимости от его общей потребности. Более состоятельные районы с более развитой инфраструктурой получают меньший процент, чем бедные районы с менее развитой инфраструктурой. Часто в условиях демократии наибольшие преимущества получают организованные группы со средним и высоким уровнем дохода. Напротив, цель ПБ состоит в том, чтобы ограниченные ресурсы расходовались в самых бедных районах и на наиболее уязвимые слои населения. В 1970–1980-х гг. в Порту-Алегри

большая часть инвестиционных ресурсов тратилась на нужды представителей среднего класса. С 1990 г. проекты в рамках ПБ в Порту-Алегри больше сосредоточились на бедных районах муниципалитета, т.е. бедные районы стали получать больше средств на душу населения, чем более богатые районы. Это указывает на явный редистрибутивный характер ПБ и его направленность на укрепление социальной справедливости. К 2004 г. большинство бразильских муниципалитетов тратили по 240–400 дол. на 1 жителя. По сравнению с другими странами Латинской Америки Бразилия отличается большей фискальной децентрализацией. По бразильским законам крупные метрополии должны создавать советы по здравоохранению, образованию, другим социальным секторам для того, чтобы получать социальные трансферты, однако создания советов по бюджету не требуется. Проблема ПБ как редистрибутивной практики заключается в том, что участники ПБ зависят от правящей коалиции муниципалитета. Администрация мэра остается ключевым актором в процессе ПБ, она организует встречи, информирует граждан, контролирует, чтобы чиновники встречались с гражданами, гарантирует, что выбранные проекты будут реализованы. Были случаи, когда мэр манипулировал процессом ПБ с целью достижения собственных задач, и выгоду получали только те местные жители, которые были настроены дружелюбно к политике мэра, а недовольные такой политикой исключались и бойкотировались администрацией. Тем самым посредством ПБ лишь создавалась новая форма клиентелизма (Novy, Leubolt, 2005).

По поводу правового статуса процесса бюджетирования на основе участия стоит отметить, что ПБ не регламентируется никакими национальными законами и в большинстве муниципий регулируется внутренне. Бразильская конституция 1988 г. наделила штаты и муниципии большими полномочиями. Муниципии контролируют практически 15% общественных расходов, что объясняет активный интерес со стороны местных НКО, социальных движений и различных ассоциаций и политиков. Префекты в Бразилии обладают значительной автономией, они могут инициировать новые программы при минимальной поддержке со стороны муниципальных палат. Бразилия политически децентрализована в том смысле, что муниципальные власти избираются напрямую. Процесс ПБ минимально формализован. Участники — это в первую очередь индивиды, а не представители организаций гражданского общества. Также для процесса ПБ характерен высокий уровень совещательности. В течение года на общественных собраниях граждане дискутируют и устанавливают инвестиционные приоритеты. Делегаты и совет по ПБ регулярно встречаются на протяжении года, чтобы договориться о деталях бюджета с местной властью перед отправкой бюджета на утверждение местной законодательной властью. Все это благодаря тому, что бразильским муниципалитетам удается эффективно распространять информацию среди жителей, потому что они обладают соответствующими материально-техническими возможностями. Они могут печатать в достаточном количестве и распространять различные руководства

и памфлеты, а также информировать граждан о времени и месте проведения очередного собрания. Например, в Порту-Алегри анонсы встреч размещаются на автобусах, в газетах, передаются по местному телевидению.

Еще одним ограничением ПБ Бразилии является его нацеленность на краткосрочные и среднесрочные задачи. Долгосрочное планирование муниципального развития чаще всего остается недоступным простым гражданам из-за отсутствия необходимых и достаточных технических и аналитических навыков, чтобы взвесить различные аргументы. Исследователи отмечают тот факт, что, когда ПБ не согласовывается с долгосрочным градостроительным планированием, это может породить антагонизм с муниципальными законодательными органами. Одновременно отсутствие четкого юридического требования об использовании ПБ во всех муниципалитетах ведет к тому, что последующая администрация может отказаться от использования ПБ. Так, на протяжении 1997–2000 гг. практически 1/3 муниципалитетов Бразилии отказалась от дальнейшего применения ПБ по инициативе новой администрации.

И наконец, рассмотрим социальную справедливость распределения результатов в рамках ПБ. Подавляющее большинство населения Бразилии урбанизировано, значительная часть живет в больших мегаполисах. В большинстве бразильских городов примерно от одной трети до половины людей живут в фавелах, незаконных поселениях с проблемами с водоснабжением и канализациями, школами, медицинскими центрами, общественными парками и зонами отдыха, часто не имеющие асфальтированных улиц и тротуаров. Большинство фавел лежат на окраинах городов, создавая физическую изоляцию для жителей, которым трудно добираться на работу.

С 1990 г. практика ПБ была реализована в более чем ста бразильских городах, в том числе некоторых столицах штатов, таких как Порту-Алегри (с населением в 1,4 млн. жителей), Белу-Оризонти (2 млн) и Ресифи (1,5 млн) (Aragonès, Sánchez-Pagés, 2004). Первоначально наиболее заметный эффект от ПБ в бразильских городах проявился в улучшении санитарных условий. Значительные инвестиции были сделаны в улучшение канализационной сети, водопровода, сбор мусора. Муниципалитеты, внедрившие ПБ, увеличили расходы в эти сферы на 25% по сравнению со стандартным бюрократическим процессом. В результате этих действий был получен и долгосрочный результат — детская смертность снизилась до уровня 1–3 ребенка на 1000. В Порту-Алегри доля домохозяйств, имеющих доступ к канализационной сети, возросла с 46% в 1989 г. до 85% в 1996 г., а также доступ к проточной воде возрос с 80 до 98% за тот же период. Были заметно улучшено положение в государственных школах. Усилия по удовлетворению основных потребностей населения отразились в индексе человеческого развития Порту-Алегри. В 2000 г. он составил 0,865 — один из самых высоких среди бразильских городов.

Кроме этих непосредственных результатов ПБ также благоприятно сказалось на социальных изменениях. ПБ — один из наиболее инклюзивных политических

экспериментов, проведенных в Бразилии. К 2000 г. в Порту-Алегри женщины, составлявшие примерно 55% населения города, пропорционально вошли в состав делегатов и совета по ПБ (также примерно по 55%), что намного лучше, чем гендерный состав политических партий. Кроме того, чернокожее население и бедные граждане были представлены в институтах ПБ даже пропорционально больше, чем в реальности (28% делегатов были чернокожими, в то время как реально в муниципалитете их было 15%, а также 30% участников были с низким уровнем доходов по сравнению с 11% в реальности). Жители с низким уровнем образования (меньше 8 классов) составили 60% участников, хотя в городе таких было всего 16%. Исследования уровня клиентелизма между представителями гражданского общества в совете партисипаторного бюджетирования и чиновниками показали противоречивые результаты. С одной стороны, организации гражданского общества, имеющие обширные связи с политическим сообществом (партиями, чиновниками), более склонны к участию в партисипаторном бюджетировании. Такие организации часто занимаются логроллингом, одновременно и преследуя собственные интересы, и представляя интересы определенных политических групп. С другой стороны, в ходе опросов жители муниципий выражали энтузиазм и уверенность в том, что они могут контролировать местную политическую повестку дня и расходы в общественном секторе.

Подводя итог, отметим, что необходимыми условиями внедрения партисипаторного бюджетирования являются политическая воля, бюрократическая компетентность, достаточные ресурсы, неформальный, делиберативный дизайн, основанный на потребностях граждан и правилах, определенных сообществом. ПБ никогда не рассматривалось как завершенная концепция, но как институт, который должен развиваться через конфликты, рост участия населения в местной политике в сочетании с сопровождающей оценкой, ориентированной на участников с последующей корректировкой процесса. С внедрением практики ПБ многие исследователи отметили заметное улучшение в отношении поведения политиков и общественных деятелей. Теперь потенциальные кандидаты сталкиваются с более информированным и политизированным населением, что оставляет меньше места для клиентелизма и коррупции.

Библиографический список

1. Норт, Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений*. Москва: Издательский дом ГУ–ВШЭ.
2. Розмаинский, И. В. (2010). К формированию посткейнсианской теории государства. *Terra Economicus*, 8 (1), 13–26.
3. Сморгунув, А. В. (2012). *В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
4. Aragonès, E. & Sánchez-Pagés, S. (2004). *A Model of Participatory Democracy: Understanding the Case of Porto Alegre*. Edinburgh School of Economics. Discussion Paper Series.

5. Baiocchi, G. (2005). *Militants and Citizens: The Politics of Participatory Democracy in Porto Alegre*. Stanford, CA: Stanford University Press.
6. Cabannes, Y. (2004). Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy. *Environment and Urbanization*, 16 (1), 27–46.
7. Hertting, N. & Vedung, E. (2012). Purposes and criteria in network governance evaluation: How far does standard evaluation vocabulary takes us? *Evaluation*, 18 (1), 27–46.
8. Novy, A. & Leubolt, B. (2005). Participatory Budgeting in Porto Alegre: Social Innovation and the Dialectical Relationship of State and Civil Society. *Urban Studies*, 42 (11), 2023–2036.
9. Shah, A. (2007). *Participatory budgeting. Public sector governance and accountability series*. The International Bank for Reconstruction and Development. The World Bank.

Статья поступила в редакцию 25.08.2016.

.....

PARTICIPATORY BUDGETING AND GOVERNABILITY OF THE STATE IN BRAZIL

Blinova E. A.

Blinova Elena Alexandrovna, St. Petersburg State University, 193060, Russia, St. Petersburg, ul. Smolnogo, d. 1/3, 7th entrance. E-mail: caudex@yandex.ru.

This article has been written with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, the project research “Manageability and competitiveness in the face of uncertainty: a comparative analysis of the BRICS countries”, the project № 14–03–00816.

Due to the world is changing very quickly modern states should apply different development strategies. Now states are seeking to reach not only the stateness, i.e. to provide internal and external security and legitimacy, but also are aimed at improving the governability and competitiveness. Despite serious resource base, in Brazil there are many complicated social problems — inequality of the black population, marginalized population of favela, aggravating the problem of drug trafficking and crime, etc. To solve these problems the Brazilian Workers Party has taken the path of innovation not only in technology, but also in the social sphere. Moreover, emphasis was placed to increase the social inclusiveness through the special institute of participatory budgeting at the level of civil society. The cycle of participatory budgeting lasts during one year and the citizens decide through public meetings and negotiations how to spend money on new projects in urban infrastructure, such as hospitals, schools, street paving. Participatory budgeting combines two models of democracy — direct democracy at the level of regional assemblies and representative democracy at the level of Delegates and Council of Participatory Budgeting. In the article we study the experience of the participatory budgeting in Brazil in terms of several parameters: 1) the degree of democratic process, that is, the extent to which people, not the government, control the process; 2) the proportion of public funds invested in the process; 3) The legal status of the process; 4) social justice of distribution of results.

Key words: Brazil, participatory budgeting, redistribution, inclusiveness, citizens engagement, governance.

References

1. North, D. C. (2010). *Ponimanie processa jekonomicheskikh izmenenij* [Understanding the process of economic change]. Moskva: Izdatel'skii dom GU–VSHE.

2. Rozmainskij, I. V. (2010). К formirovaniju postkejnianskoj teorii gosudarstva [To the formation of post-Keynesian theory of the state]. *Terra Economicus*, 8 (1), 13–26.
3. Smorgunov, L. V. (2012). *V poiskah upravljaemosti: koncepcii i transformacii gosudarstvennogo upravlenija v XXI veke* [In search of governability: the concept and the transformation of public administration in the XXI century]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU.
4. Aragonès, E. & Sánchez-Pagés, S. (2004). *A Model of Participatory Democracy: Understanding the Case of Porto Alegre*. Edinburgh School of Economics. Discussion Paper Series.
5. Baiocchi, G. (2005). *Militants and Citizens: The Politics of Participatory Democracy in Porto Alegre*. Stanford, CA: Stanford University Press.
6. Cabannes, Y. (2004). Participatory Budgeting: A Significant Contribution to Participatory Democracy. *Environment and Urbanization*, 16 (1), 27–46.
7. Hertting, N. & Vedung, E. (2012). Purposes and criteria in network governance evaluation: How far does standard evaluation vocabulary takes us? *Evaluation*, 18 (1), 27–46.
8. Novy, A. & Leubolt, B. (2005). Participatory Budgeting in Porto Alegre: Social Innovation and the Dialectical Relationship of State and Civil Society. *Urban Studies*, 42 (11), 2023–2036.
9. Shah, A. (2007). *Participatory budgeting. Public sector governance and accountability series*. The International Bank for Reconstruction and Development.

ЕВРОПА В ВОСПРИЯТИИ СОСЕДЕЙ: ПРОБЛЕМЫ, МЕТОДИКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Евтушенко А. С., Сазантович А. Б., Самаркина И. В.

Евтушенко Александр Сергеевич, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: e_alexander@mail.ru.

Сазантович Алексей Борисович, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: vertgalant@mail.ru.

Самаркина Ирина Владимировна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: smrkn@mail.ru.

Статья посвящена обзору зарубежных исследований, связанных с изучением восприятия Европы и Европейского союза государствами, являющимися геополитическими соседями России: странами, входящими в программу Восточного партнерства (Украина, Грузия, Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова), а также Турцией и Абхазией. Проанализированы исследования трех групп: социологические исследования, выполненные экспертами ЕС; социологические исследования, выполненные независимыми исследователями; научные статьи, созданные на основе документов ЕС. Отдельное внимание уделено изучению и анализу образа России в контексте формирования соседними с ней странами собственного восприятия Европы. Делается вывод о том, что восприятие Европы и Евросоюза неразрывно связывается с представлениями о собственной стране, собственной идентичности, с вопросами выбора вектора развития страны. Для Армении характерно осознание в большей степени общих ценностей с ЕС. У Азербайджана, напротив, показатель восприятия общих ценностей ниже среднего показателя по странам Восточного партнерства. Играв роль важного торгово-экономического партнера ЕС, Азербайджан стремится строить с ним отношения на равных, балансируя между ним и Россией. В Грузии взаимодействие с ЕС связывается с вопросами демократизации и мирной трансформации существующих конфликтов, интеграции европейских ценностей в грузинский менталитет и культуру. В Абхазии развитие отношений с ЕС видится в контексте придания симметричности взаимодействию с Россией. Молдова представляет собой особый случай. Она обладает ярко выраженной европейской идентичностью, но при этом в ее общественном сознании постоянно присутствует «третьего» — России. На Украине ЕС рассматривается исключительно как противовес России. В то время как оценка отношений Беларуси и ЕС стала более критичной. Укрепляется позиция о том, что взаимодействие с Россией в рамках

¹ Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ №16-23-20001 «Восприятие Европы в молодежной среде в контексте современных геополитических трансформаций (на материалах Краснодар и Еревана)».

Евразийского таможенного союза (ЕТС) более соответствует экономическим и энергетическим ожиданиям Беларуси. Таким образом, в общественном сознании на постсоветском пространстве выявлено наличие «треугольника восприятия» геополитических образов. Он выражается в том, что представления о собственной стране, собственной идентичности рефлексированы в контексте двух значимых Других: Европы и России.

Ключевые слова: Европа, Евросоюз, Восточное партнерство, Турция, европейская интеграция, идентичность, восприятие Европы.

В процессах формирования представлений о себе, собственной идентичности важным и значимым фактором выступает *Другой* — значимая фигура, образ, который помогает осознавать важные черты собственной идентичности. Похожую функцию выполняет образ геополитического *Другого* в формировании национально-государственной (макрополитической) идентичности. С учетом того, что в современном обществе заметно усиливается влияние геополитических акторов на формирование идентичности, понятен интерес исследователей к изучению представлений о себе и о тех политических и геополитических фигурах, которые оказывают влияние на этот процесс.

Европа для России всегда выступала значимым актором внешней политики и значимым зеркалом для понимания собственной идентичности. Наш исследовательский интерес обусловлен необходимостью понимания содержания образа Европы и методик исследования представлений о Европе как себе и Европе как другом в современных социальных исследованиях. Цель исследования состоит в освещении основных проблемных полей современных эмпирических исследований Европы, применяемых в этих исследованиях методик и результатов.

Зарубежные исследования восприятия Европы охватывают ряд содержательных областей, непосредственно связанных с изучением социокультурных процессов: изучение различных аспектов *содержания* образа Европы; исследования восприятия Европы в дихотомии Мы — Они; анализ внешнего имиджа Европы (как Европа воспринимается населением и элитами стран — потенциальных партнеров и стран так называемого ближнего зарубежья); изучение образа Европы как части идентичности (как воспринимают Европу европейцы); исследование *Своих* и *Других* для европейских элит и другие аспекты.

Исследования восприятия Европы представляет собой яркий пример того, что процесс познания детерминирован внутренними потребностями субъектов познания. Так, например, предметным полем зарубежных (европейских) исследований образа Европы являются проблемы формирования европейской идентичности и внешнего имиджа Европы. Европейские исследования ищут ответы на вопросы *Кто мы такие? Как Европу воспринимают европейцы? И какими нас видят другие?*

В работах зарубежных авторов из ближнего (для России) зарубежья (которые представлены в данной статье) акценты иные. В первую очередь в них идет поиск ответов на вопросы: *Что у нас общего и чем Мы отличаемся от Европы? Каково будущее наших (с Европой) двусторонних отношений?* Эти исследова-

ния много говорят о собственной (грузинской, армянской и т.д.) идентичности, важной общей чертой которой в постсоветских странах является обязательное присутствие образа России. Наверное, можно говорить о некоем «треугольнике восприятия», когда представления о Других (которыми являются Европа и Россия) становятся значимой частью собственной идентичности.

Целью нашего исследования является обзор исследований восприятия Европы в странах ближнего (и для России, и для Европы) зарубежья, который позволит выявить содержательные и методические акценты данных исследований.

В фокусе исследований восприятия Европы *турецкими* учеными (Arıkan, 2012) находятся угрозы культурной идентичности, а также выгоды, получаемые от сотрудничества и интеграции с Европой, рассматриваемые с позиции различных слоев турецкого общества. Ключевым вопросом исследования в итоге становятся культурные и даже цивилизационные угрозы или риски, влияющие на национальную идентичность.

Методика: анализ количественных данных Евробарометра (2009), традиционный анализ документов.

Авторы делают вывод о том, что политические и групповые интересы являются важными факторами в определении индивидуального отношения к Европейскому союзу. В политическом плане важными детерминантами восприятия Европейского союза являются позитивно воспринимаемые ценности демократии и ожидания поддержки. Членство в ЕС оценивается гражданами позитивно. По мнению респондентов, от такого взаимодействия страна только выиграет. Содержательная компонента образа Европы в представлениях граждан Турции отражена в представлениях об экономическом процветании, свободе перемещения, социальной защищенности, мире и демократии.

Важными факторами, влияющими на восприятие геополитических образов являются внутри- и внешнеполитические процессы, обуславливающие в целом политический контекст и влияющие на содержание образов (в данном случае — образа Европы) (Turkish Perceptions Survey, 2015).

Методика: интервью 1018 респондентов из 125 округов с использованием стратифицированной многоуровневой выборки. Объект и исследования: восприятие гражданами Турции внутри- и внешнеполитических проблем в современном социальном контексте.

По результатам исследования, население Турции воспринимает Европу позитивно. В списке позитивно воспринимаемых геополитических образов Европейский союз занимает второе место (41%) после Азербайджана (63%). В общественном сознании, по данным исследования, вектор конструктивного взаимодействия направлен в сторону Европы. Так, 25% респондентов полагают, что Турции необходимо тесно сотрудничать с ЕС по международным вопросам. 44% респондентов (против 23%, которые дали отрицательный ответ) полагают, что полное членство в ЕС должно положительно отразиться на экономике Турции.

ЕС рассматривается гражданами Турции через призму рыночной экономики («ЕС усиливает экономики стран-членов» — 45%); либерально-демократических ценностей («ЕС предоставляет возможность свободно перемещаться, искать работу в любом понравившемся месте, учиться в любой стране в пределах Союза» — 21%; «ЕС — оплот мира в Европе» — 18%; «ЕС — сообщество демократий, которые должны действовать сообща» — 9%). Респонденты, давшие отрицательный ответ (23%), аргументировали его следующим образом: «ЕС навредит экономике Турции» — 23%; «ЕС подорвет культуру Турции» — 23%; «ЕС не является демократическим объединением» — 20%; «Брюссель слишком авторитарен» — 12%.

Исследования социокультурных процессов на постсоветском пространстве показывают наличие так называемого «треугольника восприятия», в котором представления о собственной стране формируются в рефлексии обязательно присутствующих образов Европы и России. Примером такого треугольника восприятия являются результаты исследования отношений Европейского союза и *Азербайджана* в контексте существующих интересов двух сторон (Merabishvili, 2015).

Методика: традиционный анализ документов (официальные документы Европейской комиссии и других институтов ЕС, правительства Азербайджана).

Отмечается, что отношения Азербайджана и ЕС сегодня противоречивы. С одной стороны, Европа заинтересована в поставках азербайджанского газа, с другой стороны, Брюссель демонстрирует критическое отношение к Азербайджану и открыто его высказывает (критика касается, прежде всего, отсутствия или медленного внедрения «европейских ценностей»). Именно по вопросам экономического сотрудничества и демократизации существуют наибольшие сложности. Баку не стремится идти по пути либерализации существующего экономического режима, поскольку это может угрожать монопольному положению ряда крупных корпораций в различных секторах экономики. В плане же демократизации общественной жизни власти Азербайджана хорошо усвоили уроки Евромайдана и не хотят его повторения в собственной стране.

Вместе с тем, в исследовании определены и точки сближения сторон, которыми являются вопросы внешнеполитической и энергетической безопасности. Баку желает более активного вовлечения ЕС в урегулирование конфликта в Нагорном Карабахе. И конечно Азербайджан заинтересован в том, чтобы продавать газ в Европу через Южный газовый коридор.

Одной из проблем восприятия и взаимодействия партнеров автор статьи видит конфликт статусов взаимодействия. Баку стремится строить отношения с Евросоюзом на равных, не приветствует программы ЕС подобные Инициативе восточного партнерства, в которых Европа выступает с позиции старшего и главного. Таким образом, Азербайджан стремится к формату стратегического партнерства с ЕС. Важным фактором является стремление азербайджанско-

го руководства балансировать между ЕС и Россией. Авторы подчеркивают, что в настоящее время у Евросоюза отсутствует четкая позиция в отношении Азербайджана. С одной стороны, некоторые его члены (прежде всего государства Северной Европы) открыто критикуют Азербайджан за нарушение прав человека, с другой стороны, Европа заинтересована в поставках газа и не стремится вводить какие бы то ни было санкции против Азербайджана.

Отношение к Европе также исследуется как важная часть понимания механизмов конфликтов, в которых формируется собственная идентичность. Пример такого подхода представлен в исследовании восприятия Европейского союза в Абхазии в контексте грузино-абхазского конфликта (Кварчелия, 2011).

Методика: глубинное интервью с представителями абхазской политической и административной элиты (властей, оппозиционных политических партий), представителями гагрской общественности; фокус-группы с представителями молодежи, гражданского общества, гальской и очамчирской общественности.

Большинство участников исследования считают, что наиболее важным направлением внешней политики Абхазии является российское. Отношения Абхазии с Россией развиваются, прежде всего, на уровне политических элит, хотя приходится преодолевать бюрократические барьеры различных министерств и ведомств. При этом, как полагают участники исследования, Абхазия должна стремиться переформатировать объективно асимметричные отношения с Россией в симметричные. Одновременно важно стремиться развивать отношения с другими международными акторами (в том числе с Европой), несмотря на объективные сложности в этом направлении. США в Абхазии воспринимаются как главный партнер Грузии, поэтому развивать отношения с ними бесперспективно. Европа не воспринимается как объективный и нейтральный игрок, но вместе с тем не вызывает такого неприятия как США. Важным аспектом взаимодействия Абхазии и ЕС видится претворение в жизнь формулы «взаимодействие без признания», на основе экономических интересов.

Восприятие Европы в грузинском обществе тоже опосредовано внешне- и внутриполитическим контекстом и перспективам урегулирования или разрешения конфликтов с Абхазией и Южной Осетией (Элбакидзе, Перцалава, 2012).

Методика фокус-группы и интервью: 6 фокус-групп и 18 интервью, всего 67 респондентов в разных регионах Грузии (Аджария, Кахетия, Тбилиси) с представителями разных социальных групп, среди которых были эксперты-политологи, журналисты (оппозиционные и правительственные), представители неправительственных организаций из Абхазии, студенты, рядовые граждане, представители грузинского правительства, оппозиционных политических сил и Грузинской православной церкви.

США и Европа представителями грузинского общества рассматриваются как стороны, которые могут влиять на процесс разрешения конфликтов Грузии

с Абхазией и Южной Осетией. При этом роль Европы, стран ЕС и евроструктур подчеркивается особенно. Однако большинство респондентов считают, что в ходе поиска путей разрешения конфликтов, нужно обращаться к Западу в целом. Некоторая часть опрошенных (относительно малая) выразила осторожно-подозрительное отношение к США и Евросоюзу. Они утверждают, что возлагать особые надежды на Европу не следует, поскольку страны ЕС имеют собственные интересы, зависят от России и не смогут пойти против своих внутрирегиональных интересов из-за Грузии. При этом даже эти скептики согласны с тем, что вопросы демократизации и мирной трансформации конфликтов во многом зависят от ЕС и европейских структур, от их активной роли в этих вопросах.

Поддержка со стороны Европы для большинства респондентов означает стабильность по многим направлениям: по вопросам безопасности, демократии, образования, здравоохранения, улучшения социально-экономических условий и т.д. Важной является интеграция европейских ценностей в грузинский менталитет и культуру. В числе самых главных европейских ценностей называются свободные выборы и демократическая смена власти без революций и узурпации. Часть респондентов продемонстрировала не совсем точное понимание политики ЕС, системы евроструктур и их функций. По вопросу о значении Грузии для ЕС мнения разошлись. Одни считают, что Грузия важна для ЕС только как «коридор» между Европой и Азией, другие считают, что значение Грузии для ЕС определяется ее водными ресурсами. Часть респондентов отмечают, что Грузия рассматривается ЕС как «маяк» демократии в регионе. Есть также мнение, что Грузия не имеет большого значения для Европы и даже точка зрения о том, что Европа еще не определилась о значении, которое имеет Грузия. Однако для Грузии ответ на этот вопрос является принципиальным.

Мнения респондентов также разошлись относительно того, является ли Грузия частью Европы. Респонденты подчеркивают, что с точки зрения политической культуры Грузия вобрала многие азиатские черты (нет культуры гражданского и политического мышления, общего равноправия, власть тяготеет к авторитарным формам правления), вместе с тем, Грузия принадлежит Европе, поскольку является частью христианской цивилизации.

По вопросу о том, какой путь должна выбрать Грузия, мнения разделились. Одни считают, что Грузия должна выбрать (точнее, уже выбрала) Европу и отдалиться от России; другие отмечают, что Грузия должна сделать выбор в пользу России; еще одно мнение состоит в том, что Грузия должна выбрать Европу, но при этом наладить отношения с Россией.

В вопросе относительно будущего Абхазии значительная часть респондентов считает, что Абхазия сможет стать частью Европы только вместе с Грузией. При этом есть те, кто полагает, что Грузия и Абхазия должны двигаться параллельно в направлении европейских ценностей, не строя планов объединения. Наконец, есть те, кто считает, что став частью Европы, Грузия и Абхазия смогут разрешить

конфликт и составить европейское единое целое. Таким образом, исследование демонстрирует влияние внешне- и внутривосточного контекста на восприятие Европы.

Восприятие Европы в странах — партнерах Европейского соседства находится в фокусе серии исследований. Интересным и с содержательной и с методической точки зрения является работа, посвященная восприятию Европы в Армении (Надежный и сильный как медведь, 2010).

Методика: опрос, с использованием проективной техники, метода ассоциаций. В ходе исследования было проанализировано 100 позиций лидеров общественного мнения Армении, а также 400 представителей широкой общественности.

Большинство респондентов считают, что у Армении хорошие отношения с Европейским сообществом. Жители Армении осознают наличие общих ценностей с ЕС. Большинство респондентов позитивно оценивают вовлеченность Европы во внутривосточные дела Армении, полагая, что ЕС может помочь установить мир и стабильность в Армении и во всем регионе. При этом значительное большинство (94%) жителей Армении хотели бы еще более активного вовлечения ЕС в жизнь их страны (прежде всего в экономической сфере).

Значительное число респондентов — жителей Армении — хорошо осведомлено о том, что происходит в Евросоюзе. Таковых в Армении значительно больше, чем в Азербайджане, Грузии, Молдове, России и Украине. В представлениях армянских респондентов, Европа ассоциируется, прежде всего, с медведем (среди других вариантов: слон, собака, лев). При этом подчеркивается не агрессивность этого медведя. Самые частые спонтанные проективные ассоциации с Европой: «сильный, могучий, большой»; «дружелюбный»; «мудрый и умный».

В контексте Европейской политики соседства Молдова представляет собой особый случай. Она обладает ярко выраженной европейской идентичностью и отличается сильной устремленностью к Европейскому союзу. Поэтому исследования восприятия Европы в Молдове (Ute Grabauyi, 2006) заслуживают отдельного внимания.

Методика: традиционный анализ документов.

Молдова воспринимается в Европе как слабое государство с произвольно проведенными границами и отсутствующей национальной идентичностью, лишенное природных ресурсов и сильно зависящее от России. Вместе с тем, она примыкает к границам ЕС, большинство ее населения разделяет культурную и языковую идентичность с Западной Европой (римское историческое наследие). Интеграция является высшим национальным выбором и главным направлением внешней политики. От Европейской политики соседства Молдова стремится получить экономические выгоды и рассматривает ее как залог внутренней стабильности и демократизации.

Взаимодействие Молдовы и Европейского сообщества происходит на фоне ухудшения отношений с Россией и поэтому носит рискованный характер. Молдова стремится преувеличивать значение Приднестровского конфликта как препятствия к проведению внутренних реформ, являющихся необходимыми для успешной интеграции в ЕС.

Исследования восприятия Европы в Молдове представляют яркий пример постоянного присутствия в общественном сознании «третьего» — России (Korosteleva, 2014).

Методика: интервью 1000 респондентов — лиц старше 18 лет, представляющих как городское, так и сельское население Молдовы. В интервью не участвовали жители района Бендеры на левом берегу Днестра (13% населения). Средняя продолжительность интервью — 35 минут. Вопросник состоял из трех тематических блоков, направленных на оценку осведомленности о Европейском сообществе как о региональном международно-политическом игроке; отношений Молдовы и ЕС в рамках Инициативы восточного партнерства; отношений Молдовы и России, в том числе восприятие Евразийского таможенного союза (ЕТС). Полученные результаты сравнивались с данными Восточного барометра соседства ЕС (2012).

Несмотря на то, что частота поездок граждан Молдовы в Европу возросла по сравнению с 2009 г., это мало отразилось на их осведомленности относительно институциональной структуры Европейского сообщества и его состава. Исследование отмечает значительное снижение общественного интереса к Европе и особенно уровня доверия; граждане Молдовы полагают, что Европейский союз рассматривает их как отстающего, второсортного партнера, как неправильную и слабую демократию. Несмотря на то, что часть респондентов продолжают ассоциировать Евросоюз с такими понятиями, как «доверие» и «энтузиазм», по сравнению с 2009 г. заметно увеличилось общественное недоверие и беспокойство, а также настроение безразличия и потери надежды.

Оценивая отношения Евросоюза и Молдовы, респонденты отмечают общее чувство стагнации отношений Молдовы с ЕС («много слов, мало дела»). Возросло количество респондентов, полагающих, что эти отношения отвечают больше интересам ЕС, чем Молдовы. От участия в политике партнерства жители Молдовы также ничего не ощущают; каждый третий респондент затруднился дать ответ на вопрос о том, какие европейские ценности соотносятся с его страной.

Уровень осведомленности о Евразийском таможенном союзе (ЕТС) в Молдове довольно высок (85%). Многие респонденты полагают, что ЕТС эффективен в решении таких важных проблем как экономические реформы, торговые отношения и занятость в Молдове. ЕТС ассоциируется с моделью «социальной демократии», которая является более привлекательной для населения Молдовы. Возрастающее количество респондентов полагает, что партнерство с Россией

более выгодно Молдове, нежели партнерство с Евросоюзом, очевидна поляризация мнений граждан относительно ЕТС и ЕС (Korosteleva, 2014).

Методика: 6 фокус-группы проведены в Молдове (2014), они являются вторым этапом в оценке общественного отношения к Евросоюзу, Инициативе восточного партнерства (ИВП), России и Евразийскому таможенному союзу (ЕТС). Исследование является продолжением опроса 2013 г. На фокус-группах обсуждались те же тематические блоки. Средняя продолжительность каждой фокус-группы — 2 часа. Обсуждение велось на молдавском языке. Фокус-группа состояла из 8–9 человек, смешанных по происхождению, полу и уровню образования.

Несмотря на уменьшение поддержки населением Молдовы Евросоюза (что отмечалось в исследовании 2013 г.), индивидуальные ответы в рамках фокус-групп показывают признаки идущей интернационализации нарративов Европы в общественном сознании. Участники фокус-групп демонстрировали убежденность сосредоточиться на перестройке государственного положения Молдовы, превратить ее в сильную, независимую, стабильную, функциональную, с чувством собственного достоинства нацию, являющуюся «домом» для своих граждан.

Как и интервью в 2013 г., фокус-группы показали, что их участники ощущают актуализирующееся соперничество между двумя региональными проектами — Инициативой восточного партнерства и Евразийским таможенным союзом, выражают растущую обеспокоенность перспективами конструктивного диалога между Евросоюзом и Россией и отражением этого соперничества на странах Восточного партнерства.

В контексте двухсторонних отношений и с Европой, и с Россией исследуется восприятие Европы в Беларуси (Korosteleva, 2013). Содержательные акценты исследования сделаны на восприятии гражданами Беларуси Евросоюза; отношения Беларуси и ЕС в рамках Инициативы восточного партнерства (ИВП); а также отношения Беларуси и России, включая восприятие Евразийского таможенного союза (ЕТС).

Методика: интервью с 1000 респондентами старше 18 лет, представляющими городское и сельское население Беларуси. Длительность интервью 40–50 минут. Полученные результаты сравнивались с данными исследования 2008–2009 гг.

Исследование показало, что по сравнению с 2009 г. осведомленность о Евросоюзе возросла, большее количество респондентов правильно описали институциональную структуру ЕС, указали точное количество государств-членов, продемонстрировали знание текущих дел ЕС; в два раза увеличилось количество граждан, знающих, что такое Инициатива восточного партнерства (ИСП), и считающих, что эта программа полностью соотносится с интересами Беларуси и ее народа; впервые давая характеристику основе отношений Беларуси

и ЕС, респонденты назвали не геополитические факторы, а основанную на общих ценностях идентичность (Мы – часть Европы).

Большинство респондентов правильно указали страны, вовлеченные в Инициативу восточного партнерства. Однако оценки отношений Беларуси и Евросоюза стали более критичными (треть респондентов указала на их стагнацию), большинство респондентов полагает, что у Беларуси негативный имидж в ЕС. В то же время возросло количество респондентов, которые связывают с ЕС положительные изменения внутри Беларуси (уровень жизни, эффективность управления и здравоохранение). По мнению большинства респондентов, Евросоюз представляет собой «модель либеральной демократии», в то время как Беларусь является «моделью социалистической демократии».

Осведомленность о Евразийском таможенном союзе (ЕТС) очень высока (90%), причем большинство респондентов считают, что он соответствует текущим экономическим и энергетическим ожиданиям Беларуси. Респонденты отмечают, что ЕТС ближе по духу Беларуси, так как в нем также воплощены ценности «модели социалистической демократии»; между ЕТС и ИВП существует соперничество, которое не позволит наладить в будущем сотрудничество между двумя структурами в направлении модернизации Беларуси.

Анализ деятельности и результатов взаимодействия Евросоюза со странами, входящими в программу *Восточного партнерства* (Kimber, Halliste, 2015), строится на тезисе автора о том, что ЕС является главным донором в регионе Восточного соседства. Однако общие усилия ЕС и его государств-членов по-прежнему не оцениваются в регионе в полной мере. Существует недостаток понимания со стороны граждан стран-партнеров, являющихся конечными бенефициарами, а также тех, кто призван формировать общественное мнение. Стратегической задачей ЕС является преодоление данного недостатка путем разработки плана поэтапных действий по налаживанию коммуникации со странами Восточного соседства.

Методика: данные опросов общественного мнения в странах Восточного соседства, а также традиционный анализ официальных документов ЕС, которые позволяют авторам проанализировать политику государств — членов Восточного партнерства в отношении целенаправленного формирования представлений граждан о Европе и Евросоюзе.

Армения. Авторы отмечают системную, целенаправленную работу органов власти по выстраиванию отношений с Европой и формированию общественного мнения в стране: министерства и другие правительственные структуры проводят целенаправленную работу по освещению вопросов, связанных с ЕС; политические лидеры регулярно посещают Брюссель, а представители ЕС приезжают в Армению; реализуются региональные программы ЕС. Вместе с тем, отсутствует артикулированная стратегия взаимодействия с ЕС. В качестве проблемы авторы отмечают, что большинство армянских журналистов не обладают

необходимой языковой подготовкой для того, чтобы черпать информацию из оригинальных источников ЕС.

Значительные усилия направлены на формирование представлений о Европе в молодежной среде: проводятся мероприятия, посвященные Евросоюзу, наиболее масштабным из них является День Европы, длящийся целую неделю. Активно используются социальные сети — Facebook, Twitter, You Tube. В Ереване открыт центр Евросоюза в Армении, который также проводит различные официальные мероприятия и неформальные встречи, а также специальные конкурсы для молодежи на знание ЕС. По инициативе центра Евросоюза в школах проводятся специальные уроки, а в университетах — учебные курсы, посвященные Европе.

Однако эти усилия не дают желаемого эффекта. По данным Барометра соседства ЕС (2014) 58% армянских респондентов считают Евросоюз важным партнером (в среднем по региону Восточного соседства — 67%). 56% — уверены, что у ЕС и Армении наличествует достаточное количество общих ценностей для развития сотрудничества (выше среднего показателя по региону). Уменьшилось количество армян, считающих, что ЕС несет мир и безопасность в их регион (48% по сравнению с 55% — шесть месяцами ранее). Всего 44% респондентов из Армении считают, что ЕС вносит значительный вклад в развитие их страны (по сравнению со средним показателем по региону — 58%).

Азербайджан занимает особое место среди участников партнерства, поскольку он — стратегический партнер ЕС в области энергетики и сотрудничество с ним сосредоточено в основном в данном секторе: развиваются проекты, финансируемые Евросоюзом в области энергетики (INOGATE) и транспорта (TRACECA). Другой важнейшей областью сотрудничества Азербайджана с Евросоюзом, по мнению авторов, является образование: Азербайджан активно вовлечен в программу «Эразмус +»; в 2013 г. был открыт центр повышения квалификации в европейских исследованиях при университете Азербайджанской дипломатической академии. Деятельность центра направлена на решение стратегической задачи — увеличение осведомленности госслужащих Азербайджана о Евросоюзе и различных аспектах взаимодействия с ним. В перспективе это должно облегчить реализацию подписанных соглашений и послужить углублению отношений между Азербайджаном и ЕС. Авторы также отмечают целый ряд специальных мероприятий, целью которых является расширение представлений участников о Европе и Евросоюзе. Важную роль в их проведении играет Представительство ЕС в Азербайджане. Ежегодно в мае отмечается День Европы: в течение недели проводятся различные тематические мероприятия, в том числе и в школах.

Согласно данным Барометра европейского соседства для Азербайджана (2014), отношения между ним и ЕС носят позитивный характер (только 15% респондентов считают, что они плохие). 42% респондентов полагают, что ЕС является важным партнером для их страны. Вместе с тем, 46% опрошенных уверены, что ЕС и Азербайджан разделят общие ценности, что в целом ниже средних показателей в странах Восточного партнерства.

Белоруссия. Авторы исследования отмечают особенности государственной политики республики Беларусь в отношении формирования образа Европы. Главной государственной структурой, ответственной за развитие отношений с Евросоюзом, является МИД Беларуси. Ему помогает министерство связи и информации, которое проводит ряд мероприятий, связанных с ЕС. Эти мероприятия проводятся на высоком уровне и получают отражение на сайтах соответствующих министерств и в социальных сетях (Twitter, Youtube, Instagram). Евросоюз оказывает поддержку развитию гражданского общества, поддерживает многочисленные проекты в области энергетики, охраны окружающей среды, продовольственной безопасности, регионального и местного развития, СМИ и социальной сферы. В Беларуси организуются различные культурные мероприятия, связанные с ЕС: Фестиваль европейского кино, День европейского образования и Ярмарка языков, продвигающие идею обучения в Европе. Выпускается ряд специальных изданий, посвященных ЕС.

Барометр европейского соседства для Беларуси (весна 2014 г.) показал, что 51% респондентов полагают, что их страна и Евросоюз имеют общие ценности; 42% респондентов уверены, что ЕС является важным партнером Беларуси (ниже, чем при предыдущем опросе); только 27% граждан Беларуси полагает, что ЕС несет мир и стабильность в регион (ранее так считало 38% респондентов). В целом все показатели ниже, чем в среднем по странам Восточного партнерства. Велико количество респондентов (24%), оценивающих деятельность ЕС отрицательно (положительно 22%). Только 26% опрошенных заявили, что доверяют ЕС (ранее 39%). Только 26% белорусов считают, что у их страны хорошие отношения с ЕС (средний показатель по Восточному партнерству — 53%), 39% — полагают, что отношения плохие.

Грузия. В исследовании отмечается системная работа государственного аппарата страны по формированию общественного мнения относительно Евросоюза. В плане институциональной структуры за развитие взаимодействия с ЕС отвечает аппарат государственного министра Грузии по европейской и евро-атлантической интеграции, определенную роль в этой политике играет министерство экономики и непрерывного развития. В Грузии принята стратегия взаимодействия с ЕС на период 2014–2017 гг., в которой отражены цели, методы взаимодействия и основные мероприятия. Действует Информационный центр НАТО и ЕС, представительства которого работают в 10 городах. Центр плотно взаимодействует с государствами — членами ЕС. Его целевая аудитория — молодежные организации, медицинские работники, фермеры, госслужащие разных уровней. Активно действует представительство ЕС в Грузии; выпускает информационные материалы и организует мероприятия (самое крупное «Давай встретим Европу»).

Однако опросы говорят о том, что большинство граждан Грузии не владеет достаточной информацией о взаимодействии Грузии и Евросоюза. Данные иссле-

дования Фонда партнерства Евразии (2014) свидетельствуют, что декларативная поддержка гражданами Грузии ЕС остается высокой, но только 13% считает, что их страна готова присоединиться к ЕС. Лишь треть респондентов полагают, что большинство граждан Грузии хотят вступления в ЕС. Данные Барометра соседства ЕС по Грузии (весна 2014 г.) свидетельствуют, что население Грузии искренне стремится к европейскому будущему и положительно воспринимает ЕС. Многие респонденты считают, что членство в ЕС позитивно отразится на развитии их страны.

Молдова. Институциональной основой взаимодействия Молдовы с Европой, по данным исследования, является министерство иностранных дел и европейской интеграции. Помимо прочего, оно занимается распространением информации о том, как осуществляется взаимодействие, организацией тренингов для журналистов. В числе других ведомств, вовлеченных в данную работу — министерство экономики и министерство юстиции. Весьма активно представительство ЕС в Молдове — организация культурных мероприятий, взаимодействие с молодежью и широкой общественностью, курирование проведения Дня Европы. Согласно исследованию Словацкой атлантической комиссии и Центрально-европейскому политическому институту (2014), ЕС остается привлекательным, но не исключительным вариантом для Молдовы. Так, за прошедшие годы значительно возросла привлекательность России, в то время как привлекательность ЕС снизилась. Сегодня большинство граждан Молдовы считают необходимым в первую очередь укреплять собственную государственность и престиж.

Согласно Барометру соседства ЕС, большинство участников опроса считают, что ЕС вносит существенный вклад в развитие их страны, что свидетельствует о тенденции увеличения позитивности восприятия ЕС. Также возросло количество тех граждан, кто считает ЕС важным партнером, равно как и тех, кто полагает, что Молдова и ЕС разделяют общие ценности. Более половины респондентов доверяют ЕС больше, чем ООН или НАТО. Большинство респондентов считает, что у ЕС установились хорошие отношения с их страной. В целом показатели Барометра по Молдове выше, чем средние по странам Восточного партнерства.

Украина. Исследователи подчеркивают, что в 2014 г. реформы в духе Европейской политики соседства привели к очень тяжелому политическому, экономическому, социальному конфликту, равно как и конфликту в области безопасности, был создан Кризисный медиа-центр для распространения объективной информации о конфликте на Украине для международного сообщества. В августе 2014 г. было учреждено Правительственное бюро европейской интеграции для воплощения в жизнь Соглашения об ассоциации. Проводятся различные общественные кампании, направленные на информирование граждан Украины о выгодах интеграции. Они проводятся совместно с посольствами государств — членов ЕС. Наиболее известной является кампания «Вместе сильнее». Представительство ЕС на Украине также проявляет большую активность,

организуя культурные мероприятия, учебные семинары, конкурсы, День Европы и приглашая представителей ЕС.

Согласно Барометру соседства ЕС по Украине, 63% респондентов полагают, что ЕС является важным партнером (на 11% больше, чем при опросе 6 месяцами ранее); 52% — считают, что Украина и ЕС разделяют общие ценности, обуславливающие более тесное сотрудничество (намного выше средних показателей по региону); 53% респондентов доверяет ЕС (по сравнению с 46% ранее) больше, чем ООН (43%) и НАТО (34%). Только 9% респондентов полагает, что отношения Украины и ЕС носят плохой характер (по сравнению с 28% 6 месяцами ранее).

В современных зарубежных исследованиях восприятие Европы, Евросоюза неразрывно связывается с представлениями о собственной стране, собственной идентичности, с вопросами выбора вектора развития страны. Нами выявлено наличие «треугольника восприятия» геополитических образов в общественном сознании на постсоветском пространстве. Он выражается в том, что представления о собственной стране, собственной идентичности рефлексированы в контексте двух значимых *Других*: Европы и России.

Библиографический список

1. Кварчелия, Л. (2011). *Восприятие ЕС в Абхазии и перспективы для сотрудничества*. Режим доступа: <http://mfaapsny.org/information/? ID=885>.
2. Элбакидзе, М., Перцалава, Э. (2012). *Восприятие ЕС в трансформации конфликта в Грузии*. Режим доступа: http://www.c-r.org/downloads/PPP_2012analysis2_RUS.pdf.
3. *Надежный и сильный как медведь*. (2010). Режим доступа: [http://www.enpi-info.eu/files/interview/a110070_ENPI_Armenia\(EUprcpts\)EAST\(ru\).v.2.pdf](http://www.enpi-info.eu/files/interview/a110070_ENPI_Armenia(EUprcpts)EAST(ru).v.2.pdf).
4. Ute Grabauyi, A. (2006). The European Neighbourhood Policy — the Perspective of Moldova. *Foreign Policy in Dialogue*, 7 (19), 52–57.
5. Korosteleva, E. A. (2014). *Moldova's Values Survey: Widening a European Dialogue in Moldova*. Retrieved from: <https://www.kent.ac.uk/politics/gec/research/documents/gec-moldova-survey-brief-2014.pdf>.
6. Korosteleva, E. A. (2014). *Moldova's Focus Groups "Widening a European Dialogue in Moldova"*. Retrieved from: <https://www.kent.ac.uk/politics/gec/research/documents/gec-moldova-focus-groups-brief-may-2014.pdf>.
7. Korosteleva, E. A. (2013). *Belarus and Eastern Partnership: a National Values Survey*. Retrieved from: <https://www.kent.ac.uk/politics/gec/research/documents/gec-belarus-survey-brief-2013.pdf>.
8. Kimber, A. & Halliste, E. (2015). EU-related Communication in Eastern Partnership Countries. *The Eastern Partnership Review*, 22. Retrieved from: <http://eceap.eu/wp-content/uploads/2015/05/EPR-22-final.pdf>.
9. Arikan, G. (2012). Attitudes Towards the European Union in Turkey: The Role of Perceived Threats and Benefits. *Perceptions*, 17 (3), 81–103.
10. *Turkish Perceptions Survey*. (2015). Retrieved from: http://www.gmfus.org/sites/default/files/TurkeySurvey_2015_web1.pdf.

11. Merabishvili, G. (2015). *The EU and Azerbaijan: Game on for a more normative policy?* Retrieved from: <https://www.files.ethz.ch/isn/189986/PB329%20EU%20Policy%20towards%20Azerbaijan%20G%20Merabishvili.pdf>.

Статья поступила в редакцию 15.09.2016.

.....

EUROPE IN PERCEPTION OF HER NEIGHBORS: PROBLEMS, METHODS AND RESULTS OF CONTEMPORARY FOREIGN RESEARCHES

Evtushenko A. S., Sazantovich A. B., Samarkina I. V.

Evtushenko Alexandr Sergeevich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropolskaya, 149. E-mail: e_alexander@mail.ru.

Sazantovich Aleksey Borisovich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropolskaya, 149. E-mail: vertgalant@mail.ru.

Samarkina Irina Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropolskaya, 149. E-mail: smrkn@mail.ru.

This article has been written with the Russian Humanitarian Scientific Fund project № 16–23–20001 "Perception of Europe among young people in the context of current geopolitical transformations (on materials of Krasnodar and Yerevan)".

The article covers foreign researches on perception of Europe and the European Union by the states which are situated in geographical proximity to Russia: countries of the Eastern Partnership programme (Ukraine, Georgia, Azerbaijan, Armenia, Belarus, and Moldova) as well as Turkey and Abkhazia. It analyzes researches of three groups: sociological studies made by the EU official experts; sociological studies made by independent researchers; articles based on the official EU documents. Particular attention is paid to analysis of the Russia's image in the context of forming in the neighboring countries their own perception of Europe. It comes to the conclusion that perception of Europe and the European Union has strong ties with the conception about own country and identity as well as with the problem of choice of the proper vector for the state development. Armenia is characterized by perception of the common values with the EU. On the contrary, Azerbaijan's index of common values with the EU lower than the average one across the Eastern Partnership countries. Being an important trade and economic partner of the EU, Azerbaijan is aimed at the relationships on equal terms, balancing between Europe and Russia. Georgia connects with European cooperation her issues of democratization and peaceful transformation of existing conflicts. Hence, it seems important an integration of European values into Georgian mentality and culture. Abkhazia considers her relations with the EU in the context of strengthening the symmetry of her cooperation with Russia. Moldova represents a special case. This country has a strong European identity. Besides, in her public consciousness there is a constant presence of the «third» represented by Russia. In Ukraine the EU is considered as an important partner of foreign policy and a counterbalance to Russia. In Belarus, on the contrary, the assessment of her relations with the EU has become more critical. It is strengthen the perception that cooperation with Russia within the Eurasian Customs Union is more compatible with economic and energy expectations of Belarus. Thus, it is revealed that in the social consciousness on the post-soviet area there is a so called "triangle of perception" of geopolitical images, It is represented by the idea that the conception about own country and its identity is reflected in the context of two significant Others: Europe and Russia.

Key words: Europe, EU, Eastern partnership, Turkey, European integration, identity, perception of Europe.

References

1. Kvarcheliya, L. (2011). *Vospriyatiye ES v Abkhazii i perspektivy dlya sotrudnichestva*. [The perception of the EU in Abkhazia and perspectives for cooperation]. Retrieved from: <http://mfaapsny.org/information/?ID=885>.
2. Elbakidze, M. & Pertsalava, E. (2012). *Vospriyatiye ES v transformatsii konflikta v Gruzii* [The perception of the EU and transformation of the conflict in Georgia]. Retrieved from: http://www.c-r.org/downloads/PPP_2012analysis2_RUS.pdf.
3. *Nadezhnyy i sil'nyy kak medved'* [Reliable and strong, like a bear]. (2010). Retrieved from: [http://www.enpi-info.eu/files/interview/a110070_ENPI_Armenia\(EUprcptns\)EAST\(ru\).v.2.pdf](http://www.enpi-info.eu/files/interview/a110070_ENPI_Armenia(EUprcptns)EAST(ru).v.2.pdf).
4. Ute Grabauyi, A. (2006). The European Neighbourhood Policy — the Perspective of Moldova. *Foreign Policy in Dialogue*, 7 (19), 52–57.
5. Korosteleva, E. A. (2014). *Moldova's Values Survey: Widening a European Dialogue in Moldova*. Retrieved from: <https://www.kent.ac.uk/politics/gec/research/documents/gec-moldova-survey-brief-2014.pdf>.
6. Korosteleva, E. A. (2014). *Moldova's Focus Groups "Widening a European Dialogue in Moldova"*. Retrieved from: <https://www.kent.ac.uk/politics/gec/research/documents/gec-moldova-focus-groups-brief-may-2014.pdf>.
7. Korosteleva, E. A. (2013). *Belarus and Eastern Partnership: a National Values Survey*. Retrieved from: <https://www.kent.ac.uk/politics/gec/research/documents/gec-belarus-survey-brief-2013.pdf>.
8. Kimber, A. & Halliste, E. (2015). EU-related Communication in Eastern Partnership Countries. *The Eastern Partnership Review*, 22. Retrieved from: <http://eceap.eu/wp-content/uploads/2015/05/EPR-22-final.pdf>.
9. Arikan, G. (2012). Attitudes Towards the European Union in Turkey: The Role of Perceived Threats and Benefits. *Perceptions*, 17 (3), 81–103.
10. *Turkish Perceptions Survey*. (2015). Retrieved from: http://www.gmfus.org/sites/default/files/TurkeySurvey_2015_web1.pdf.
11. Merabishvili, G. (2015). *The EU and Azerbaijan: Game on for a more normative policy?* Retrieved from: <https://www.files.ethz.ch/isn/189986/PB329%20EU%20Policy%20towards%20Azerbaijan%20G%20Merabishvili.pdf>.

РЕЛИГИОЗНАЯ ТРАНСГРЕССИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ МОЛОДЕЖИ НА ФРОНТИРНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИКАСПИЯ¹

.....

Топчиев М. С., Дрягалов В. С.

Топчиев Михаил Сергеевич, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, Татищева, 20а. Эл. почта: seo.gfn@gmail.com.

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, Татищева, 20а. Эл. почта: helios82@yandex.ru.

Статья посвящена исследованию специфики формирования религиозной идентичности молодежи на фронтальных территориях Северного Прикаспия и влияния на нее современных трансгрессивных процессов. В поликультурном регионе с высоким индексом мозаичности при наличии интенсивных миграционных потоков формирование религиозной идентичности происходит с учетом специфики фронтальных территорий. Целью исследования было выявление основных векторов формирования религиозной идентичности и протекания трансгрессивных процессов, а также отражение этих процессов в мировоззрении молодежи. Основной методологией исследования был фронтальный подход, который позволил рассмотреть территорию Северного Прикаспия как фронтальную, территорию «между», где исторически происходили процессы активных межкультурных контактов и культурных заимствований. Именно здесь трансгрессивные процессы в любой сфере — культурной, политической, религиозной — протекают активнее и динамичнее. Основными методами сбора и анализа эмпирических данных исследования являлись: анкетирование, глубинное интервью, фокус-групповое интервью, анализ одномерных и двумерных распределений, группировка данных, сравнительный анализ, анализ мер центральной тенденции, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, t-тесты. В результате исследования было выявлено изменение ценностных ориентаций молодежи, обусловленных изменением конфессионального ландшафта, выявлены основные векторы религиозной трансгрессии и дифференциация отношения респондентов к этому процессу. Как показали результаты исследования, основная масса опрошенных отнеслась к процессу религиозной трансгрессии нейтрально или с пониманием, если этот переход осуществлялся в рамках традиционных для данной территории религий, и нетерпимо, если это был процесс перехода в нетрадиционную религию. Для поликонфессионального региона Северного Прикаспия наиболее характерен вектор перехода из христианства в ислам.

Ключевые слова: поликонфессиональный регион, религиозная трансгрессия, религиозная идентичность, ислам, христианство, ценности, молодежь, фронт, Северный Прикаспий.

¹ Статья подготовлена в рамках гранта Президента РФ для молодых ученых – кандидатов наук, проект МК-7152.2015.6 «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части прикаспийского фронта».

Введение

Процессы глобализации и глокализации, интенсивная миграция в последнее время начинают влиять и на те территории, которые прежде считались достаточно стабильными в отношении межкультурных коммуникаций. Расширение информационного пространства, появление транснациональных сетевых структур, подчас недостаточно контролируемые миграционные потоки как внутренней, так и внешней миграции оказывают влияние на мировоззрение и ценностную систему современной молодежи. Однако, несмотря на все изменения, важной частью становления российской молодежи остается формирование ее культурной и религиозной идентичности. Религиозная идентичность связана с системой ценностей, во многом определяющей поведенческую жизненную позицию человека. Монокультурная и монорелигиозная среда практически с рождения человека формирует достаточно устоявшиеся механизмы религиозной самоидентификации. Фронтальные же пространства представляют собой территорию активных межкультурных контактов, в связи с чем трансгрессивные процессы, в том числе и религиозные, проявляются здесь более интенсивно и требуют внимательного изучения. Российская Федерация, территориально находящаяся на пересечении множества географических, политических и культурных интересов, соединяющих Запад и Восток, имеет целый ряд приграничных территорий, культурные абрисы которых неустойчивы и формируются подвижным, чаще мигрирующим, населением. К некоторым подобным областям имеется особый интерес в силу ряда исторических причин. На Юге России таким регионом является Астраханская область, территориально определяемая как российская территория Северного Прикаспия².

Религиозная идентичность

Северный Прикаспий — территория фронта и усиленных межкультурных и межрелигиозных контактов. Эта территория, и прежде всего Астраханский регион, с конфессиональной точки зрения является во многом уникальным даже для Юга России. Во-первых, отличительной особенностью ее этнического состава, по мнению экспертов, является наименьший по сравнению с другими краями, областями и некоторыми республиками Российской Федерации удельный вес этнической группы русских и наиболее высокий показатель этнической мозаичности Б. Эккеля (Зелетдинова, Лагуткин, 2008). По итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. он был выше, чем в других областях центральной части и Юга России — 0,4888.

Соответственно и более высок индекс конфессиональной мозаичности (Манаков, 2002), менее используемый в среде исследователей. Индекс конфессиональной

² Термин «Прикаспий» употребляется с XVIII в. по отношению к районам, прилегающим к Каспийскому морю. Прикаспий традиционно разделяют по сторонам света, и до распада СССР он практически весь, кроме Южного (Иран), входил в его состав. К Северному Прикаспию относят территорию Калмыкии и Астраханской области.

мозаичности показывает уровень поликонфессиональности территории и наглядно иллюстрирует существование в регионе или области многообразных конфессиональных групп различных мировоззренческих ориентаций. Он, как и индекс этнической мозаичности, рассчитывается по формуле:

$$P_j = 1 - \sum_{i=1}^m n_i^2,$$

где P_j — индекс религиозной мозаичности; m — число религиозных групп в j -м районе; n_i — удельный вес, доля представителей i -й религиозной группы в структуре населения j -го района (Савченко, 2010).

Рассчитанный нами индекс конфессиональной мозаичности Астраханской области — 0,6156. Для примера приведем индекс конфессиональной мозаичности Ставропольского края, который тоже не является монорелигиозным — 0,30725.

В поликультурном и поликонфессиональном регионе с высокой мозаичностью достаточно гибка грань между культурной и конфессиональной идентичностью. Даже в поле дефиниций идентичности формулируются однопорядково: культурная идентичность и процесс идентификации себя с определенной культурной группой (Ennaji, 2005), этническая идентичность — с определенной этнической группой (Wijeyesinghe, Jackson, 2001; Phinney, Ong, 2007), а конфессиональная идентичность — с чувством принадлежности к определенной конфессиональной группе (King, Elder, Whitbeck, 1997; Arweck, Nesbitt, 2010). Причем все эти идентичности формируются достаточно долго под влиянием окружающей среды, групповых культурных и этнических традиций, системы ценностей, присущих данной культурной, этнической или конфессиональной группе. В поликультурном и поликонфессиональном мозаичном пространстве, где у большинства жителей есть общая идентификация с российской культурой, со своей собственной этнической группой по рождению и конфессиональной, которая может не совпадать с общепринятой конфессией этнической группы, процесс формирования религиозной идентичности становится сложным и непредсказуемым. Сразу оговоримся, что в данной статье мы будем считать религиозную и конфессиональную идентичность синонимами. Важное место в процессе формирования религиозной идентичности на современном этапе занимают малоизученные трансгрессивные процессы, которые молодежь наблюдает в современном обществе. Особенно это характерно для фронтальных территорий, в том числе и Северного Прикаспия.

Следует отметить, что Северный Прикаспий как некую историко-культурную целостность стали рассматривать не так давно (Кундакбаева, 2005), хотя нарративных источников, в которых описываются путешествия по этому региону, немало (А. Г. Гмелин, А. Олеарий, Э. Дженкинсон и др.). В них содержатся в том числе и культурные характеристики основных народов, населяющих эти территории, указаны их конфессиональный состав и особенности межконфессиональных коммуникаций. Исторически сложилось так, что Северный Прикаспий являлся перекрестком трех мировых религий (Романова, 2005). Диахронному аспекту этой проблемы посвящено достаточно работ региональных исследователей (Victorin,

2000; Викторин, 2008; Сызранов, 2012; Романова, 2007). Системное изучение проблем Прикаспийского фронта начинается с 2005 г., после создания на базе Астраханского государственного университета лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики народов Нижнего Поволжья и Прикаспия, которая с 2008 г. становится совместной с Институтом философии РАН. Стратегию научной деятельности лаборатории определяют два российских ученых — А. П. Романова и С. Н. Якушенков. Несмотря на то, что применительно к Югу России трансгрессия рассматривалась и в нарративных источниках (Бадали, 2013) и в современных зарубежных исследованиях (Khodarkovsky, 2011; Баррет, 2000), именно в работах С. Н. Якушенкова и А. П. Романовой (Романова, Якушенков, 2012; Романова, 2014) впервые затрагивается исторический аспект религиозной трансгрессии на российской территории Северного Прикаспия, поскольку общеизвестно, что исследование специфики фронтальных территорий со времен Ф. Тернера (Turner, 1996) и Биллингтона (Billington, 1960), включает в том числе и проблемы, связанные с трансгрессией.

Религиозная трансгрессия

Трансгрессия является одним из феноменов современной культуры последних десятилетий. Глобальная миграция, вызванная процессами, происходящими в мировой экономике, постепенно изменяет географические, политические и религиозные границы мира. Исторически устоявшиеся культурные ареалы перекраиваются на новый лад, что часто становится причиной запуска процессов, которые в силу своей специфичности и малоизученности не поддаются прогнозированию или контролю. Термин «трансгрессия» изначально использовался преимущественно философами-постмодернистами и буквально означал «выход за пределы», своего рода опыт предела, фиксирующий ситуацию перехода границы, которая описывается в культуре как непреходимая, а также опыт, раскрывающий состояние этого перехода. Представление о трансгрессивном опыте сформулировано в работах Ж. Батая и многочисленных комментариях к ним М. Фуко, М. Бланшо, Ж. Деррида и др. М. Бланшо называет феномен трансгрессии «опытом-пределом», описывая открывающиеся в процессе трансгрессии горизонты как возможности, «представленные после осуществления всех возможных возможностей, которые низвергают все предыдущие и тихо их устраниают» (Бланшо, 1994). По мнению М. Фуко, «трансгрессия — это жест, который обращен на предел; там, на тончайшем изломе линии, мелькает отблеск ее прохождения, возможно, также вся тотальность ее траектории, даже сам ее исток» (Фуко, 1994).

В понимании Ж. Батая феномен трансгрессии — это «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам», переход, преодоление границ, выход за пределы условности социокультурных норм и моральных запретов (Батай).

Таким образом, трансгрессия непосредственно связана с феноменом границы. Она предполагает переход, который нарушает или стирает границу (Фуко, 1994).

В процессе трансгрессии устанавливаются иные способы отношений между центром и периферией, между центром и границами. Центр и периферия не противопоставляются друг другу. Происходит это за счет отсутствия единого центра, ведь в процессе трансгрессии в качестве временно локализуемого центра всякий раз может выступать что-то другое. Это приводит к невозможности установления иерархических отношений между элементами дискурса и магистральной бытийно-смысловой перспективы.

Когда исчезает единый фиксированный и рассеянный центр, то происходит изменение статуса границы. Она становится прозрачной и зыбкой. В перспективе трансгрессии отсутствие четкой границы приводит к перетеканию одного дискурса в другой. И становится невозможным определить границы одного и конец другого. Вместо однозначной определенности трансгрессия устанавливает свободное варьирование значимости, удаление от инвариантности.

Понятие «фронтир», "frontier", в отличие от непосредственно понятия «границы», "border", "limit", в гуманитарных исследованиях приобрело совершенно особый смысл. Фронтир — это то, что находится за пределами. Это линия, за которой мы уже не знаем, что ждет нас. Это жизнь на пределе или за пределом социальных устоев. У него нет «границ», и, поскольку на границе не равно «за границей», жизнь на фронтире коренным образом отличается от жизни за фронтиром (Якушенков, 2015; Якушенков, Романова, Баева, Хлыщева, Морозова, Якушенкова, 2014).

Отметим, что фронтир — это многогранный и комплексный феномен. Он включает в себя не только экономические, географические, политические или исторические, но и философские, культурные, а также духовно-ментальные аспекты. Дело в том, что границы являются самыми напряженными и потенциально конфликтными, смыслообразующими участками культурного пространства, которое будет определять отношения Свой — Чужой. Происходит это по причине наибольшего удаления данного места от центра «своего» мира, поэтому граница является пространством наименьшего влияния собственных защитных сил. Данная территория — это место, где действуют законы Другого, чужого мира. И если границы рассматривать как конкретные линии разграничения суверенитетов, обществ, стран, народов, безопасности, культуры, экономики и т.д., то фронтир — это все же некая незримая пространственная черта, до пределов которой распространяется общность идентичности населения.

Под фронтиром на данном этапе понимается особая система межкультурных коммуникаций, которая может возникнуть на пространстве соприкосновения различных культур (Романова, 2015).

Помимо этого, территория фронтаира обладает следующими характеристиками: это более высокая мобильность по сравнению с глубинной территорией, перемещение больших групп людей, новые формы культурных и социальных контактов. Но именно такие зоны наиболее уязвимы с точки зрения стабильности поликультурного общества, соседствующего с другими территориями и испыты-

вающего «миграционный нажим» (Хлыщева, 2013). Тем интереснее и актуальнее становятся результаты исследований, проводимых на базе лаборатории и посвящённых проблемам Прикаспийского фронта. Особенно интересны результаты социологических исследований, которые позволяют получить актуальный срез данных по интересующим вопросам. Первые исследования, в которых приняли участие авторы статьи, были проведены в 2010–2013 гг. с целью изучения этнической и религиозной самоидентификации и уровня толерантности в студенческой среде университета. В качестве объекта исследования выступала студенческая молодежь г. Астрахани. Предметом исследования являлись особенности этнической идентичности в поликультурном регионе. Основным методом исследования выбран опрос молодежи г. Астрахани (N = 200). Результаты исследования были опубликованы (Дрягалов, Топчиев, 2014).

Подробный анализ результатов ещё одного из комплексных социологических исследований, проведённого авторами данной статьи в рамках работ по гранту Президента РФ для молодых ученых кандидатов наук, Проект МК-7152.2015.6 «Социокультурный анализ механизмов религиозной трансгрессии на территории Астраханской области как части Прикаспийского фронта» приведён далее. Следует отметить, что работ, комплексно исследующих религиозную трансгрессию на территории Северного Прикаспия, практически нет. Не изучалось и влияние трансгрессивных процессов на формирование религиозной идентичности на фронтальных территориях.

Переходы из одной религии в другую долгое время оставались проблемой той конфессии, из которой происходил отток адептов, и определялись в основном внутренними предпочтениями и осознанным выбором переходящего, вынужденного преодолевать многочисленные препоны, в том числе и моральные. Современный аспект религиозной трансгрессии сложен в силу своей ориентации на информационную анархию, порождённую Интернетом, модой на принадлежность к религии, а также не способностью современной российской культуры адекватно реагировать на постоянные вызовы западной культуры, активно проживающей постмодернистскую фазу и буквально бомбардирующей молодое поколение всё более изощрёнными симулятивными образами через все доступные для атаки средства информации. В настоящий момент, когда усилились трансгрессивные процессы перехода в ислам из других конфессий, в основном представителей молодежи этнических групп, изначально не принадлежавших к мусульманству, анализ ситуации перехода и отношения к нему на поликонфессиональных фронтальных территориях становится весьма актуальным, тем более что данный аспект проблемы практически не исследован. Специфика прохождения данных процессов на фронте существенно отличается от протекания этих же процессов в регионах с исторически сложившимся моноэтническим и моноконфессиональным населением.

Соавтор исследования в одной из своих работ ранее подробно проанализировала типологию трансгрессий (Якушенкова, Якушенков, 2014), однако в данном

исследовании нас интересовала прежде всего религиозная трансгрессия, которую авторы обозначили как выход за пределы своей религии и переход в другое вероисповедание. Объективно такие переходы можно обнаружить на всех этапах существования человечества, поэтому, если внимательно изучить религиозные тексты, можно выявить указания и правила, контролирующие как этап «входа» в конкретную религию новых последователей, так и предотвращающие «выход» из неё или «переход» в другую религию.

Поэтому в данном случае основной акцент был сделан на индивидуальных переходах, основанных на принципах добровольности. Была выдвинута гипотеза, что на фронтирных территориях, в пространстве многокультурности и «подвижности» границ, в ситуации высокой конфессиональной мозаичности трансгрессивные процессы активизируются, а отношение к ним формируется как терпимое. Данная гипотеза была проверена статистическими методами.

Методология исследования

С целью изучения сформированной гипотезы в ноябре 2015 г. и в июне-июле 2016 г., на базе Астраханского государственного университета было проведено масштабное социологическое исследование, в процессе которого было изучено мнение более чем 900 студентов и магистрантов, обучающихся по различным специальностям.

Базовой методологией данного исследования являлся фронтирный подход, который позволил рассмотреть территорию Северного Прикаспия как фронтирную, территорию «между», где исторически происходили процессы активных межкультурных контактов и культурных заимствований. Именно здесь трансгрессивные процессы в любой сфере — культурной, политической, религиозной — протекают активнее и динамичнее. В работе использованы как диахронный, так и синхронный методы исследования. Поскольку «фронтир» не является категорией исключительно исторической, он продолжает возникать и существовать в различных пространствах и сферах: сетевой фронтир (Морозова, 2016), фронтир мегаполиса (Dufoix, 2005), научный фронтир (Баева, 2014).

Основными методами сбора и анализа эмпирических данных исследования являлись: анкетирование, глубинное интервью, фокус-групповое интервью, анализ одномерных и двумерных распределений, группировка данных, сравнительный анализ, анализ мер центральной тенденции, корреляционный анализ, дисперсионный анализ, t-тесты. Математический анализ данных проводился с помощью профессиональной компьютерной программы, предназначенной для статистической обработки данных — IBM SPSS Statistics 21.0.

Были проведены три фокус-групповых интервью с представителями различных конфессий и мировоззренческих ориентаций: одно со студентами (восемь участников: 2 — христианство, 2 — ислам, 2 — агностицизм, 1 — пантеизм, 1 — отказался отвечать на вопрос о своей конфессиональной принадлежности), одно с маги-

странтами (пять участников: 1 — ислам, 1 — отказался отвечать на вопрос о своей конфессиональной принадлежности, 3 — христианство) и одно с иностранными студентами, представителями различных конфессий (три участника представляли православие, три участника — ислам). Также были проведены шесть глубинных интервью с представителями различных конфессий (буддизм, ислам, христианство).

При проведении социологического исследования была применена доступная гнездовая выборка. Объем выборочной совокупности количественного исследования в 2015 г. составил 433 респондента.

Объем выборочной совокупности количественного исследования в 2016 г. составил 421 респондент.

Для упрощения анализа выборка была разделена на две части:

1. Первая возрастная группа от 17 до 25 лет (до 25 лет) — (782 человека).
2. Вторая возрастная группа от 26 до 59 лет (старше 25 лет) — (72 человека).

Практическая часть исследования

Перед исследователями были поставлены следующие задачи:

- 1) определить уровень религиозности студентов и магистрантов Астраханского государственного университета;
- 2) проанализировать процессы религиозной трансгрессии среди студентов и магистрантов Астраханского государственного университета.

Непосредственно для целей нашего исследований особенный интерес представляет отношение респондентов к следующим категориям (табл. 1).

Данные показывают, что респонденты старшей группы немного чаще выбирали ответ «Бог» в отличие от представителей младшей возрастной группы. Можно предположить, что если бы исследование проводилось среди более возрастной группы, то данную категорию выбирали бы чаще, однако на данный момент это просто предположение, которое требует проверки. Также нужно выделить одну определяющую тенденцию, весьма важную с точки зрения нашего исследования. Если религия доминирует над традицией, по мнению младшей возрастной группы, то у старшей возрастной группы религия и традиция воспринимаются уже как некий единый связный процесс.

Для уточнения вопроса, связанного с определением уровня своей религиозности, респондентам были заданы соответствующие вопросы, при ответе на которые были получены следующие результаты (табл. 2).

На основании полученных данных можно говорить о достаточно высокой степени религиозности студентов как первой, так и второй возрастных групп, что даёт возможность утверждать, что полученные данные отражают реальную картину астраханского студенчества.

Таблица 1

Краткая сводная таблица ценностных установок

Ноябрь 2015 г.			Июнь 2016 г. до 25 лет			Июнь 2016 г. старше 25 лет		
Ценность	Ранг	%	Ценность	Ранг	%	Ценность	Ранг	%
Бог	10	14,9	Бог	11	13,8	Бог	11	16,7
Религия	15	10,8	Религия	15	11,2	Религия	18	4,2
Традиции	20	2,4	Традиции	19	5,2	Традиции	19	4,2

Таблица 2

Религиозность

Относите ли Вы себя к людям, исповедующим какую-либо религию?	Ноябрь 2015 г.	Июнь 2016 г.	
		До 25 лет	Старше 25 лет
Да	42,0%	35,5%	35,2%
Скорее да, чем нет	23,3%	25,5%	28,2%
Скорее нет, чем да	11,1%	14,0%	16,9%
Нет	16,9%	19,5%	14,1%
Затрудняюсь ответить	6,7%	5,5%	5,6%

Косвенно эти данные подтверждаются распределением ответов при оценке своего согласия с формулировкой «Я верю в Бога» (табл. 3).

Таким образом, полученные статистические результаты позволяют говорить о том, что старшее поколение студентов настроено менее атеистично и больше склоняется к вере в Бога, чем их младшие коллеги. Это позволяет говорить о том, что с возрастом человек постепенно переосмысливает свой жизненный опыт и от простого следования традициям в рамках своей религии приходит к осознанию Бога и укреплению своей веры.

Данное предположение подтверждает распределение мнений по вопросу о профессиональной самоидентификации: несмотря на то, что свою религиозность все три группы оценили примерно одинаково, принадлежность к той или иной религии у второй возрастной группы в 2016 г. проявилась сильнее, чем у других (табл. 4).

По результатам серии глубинных интервью удалось выявить, что религиозность может быть приобретена как посредством воспитания в семье (приобщение к традициям предков с раннего детства, что может вести к некритическому восприятию религиозных догм), так и самостоятельно, в ходе получения жизненного опыта. Первый тип приобретения религиозности больше характерен для патриархальных семей с традиционным укладом жизни (представители сел Дагестана и Астраханской области), второй — для остальных социальных групп.

Таблица 3

Вера в Бога

Насколько Вы согласны с утверждением «Я верю в Бога» по 7-балльной шкале, где 1 — абсолютно не согласен, 7 — полностью согласен?	Ноябрь 2015 г.	Июнь 2016 г.	
		До 25 лет	Старше 25 лет
1 — абсолютно не согласен	9,8%	12,3%	3,0%
2	8,9%	8,2%	4,5%
3	7,2%	8,2%	7,5%
4	9,3%	10,3%	9,0%
5	8,6%	7,6%	17,9%
6	9,8%	7,9%	7,5%
7 — полностью согласен	46,4%	45,5%	50,6%

Таблица 4

Конфессиональная самоидентификация

Какой религии (мировоззрения) Вы придерживаетесь?	Ноябрь 2015 г.	Июнь 2016 г.	
		До 25 лет	Старше 25 лет
Христианство	45,1%	40,8%	54,2%
Ислам	30,6%	29,9%	36,1%
Буддизм	2,3%	3,4%	—
Иудаизм	0,5%	0,3%	1,4%
Атеизм	8,1%	10,3%	—
Другое	5,6%	5,7%	4,2%
Затрудняюсь ответить	7,9%	9,6%	4,1%

В рамках решения второй поставленной задачи перед респондентами был поставлен ряд вопросов, анализ ответов на которые позволяет сделать окончательный вывод о верности или ошибочности выдвинутой нами гипотезы.

Первый вопрос касался знания фактов религиозной трансгрессии. Результаты отображены в табл. 5.

Смещение мировоззренческих установок в зависимости от возраста подтверждается целым рядом данных. В частности, с целью анализа знаний респондентов о случаях религиозной трансгрессии в ближнем и дальнем круге изучалась социальная дистанция от фактов перехода (табл. 6).

Обращает на себя внимание тот факт, что среди респондентов, причисляющих себя к христианству, случаи перехода наблюдаются в основном в дальнем круге (80,2%), т.е. среди знакомых или незнакомых людей, с которыми у респондента нет социальных связей. Среди мусульман мы видим иную картину: по количеству

Таблица 5

Знание фактов перехода из одной религии в другую

Случалось ли Вам сталкиваться с ситуацией, когда верующие переходили из одной религии в другую?	Ноябрь 2015 г.	Июнь 2016 г.	
		До 25 лет	Старше 25 лет
Да	53,3%	59,6%	63,9%
Нет	46,7%	40,4%	36,1%

Таблица 6

Социальная дистанция от фактов перехода

Где именно Вам приходилось сталкиваться с ситуацией перехода из одной религии в другую?	Ноябрь 2015 г.	Июнь 2016 г.	
		До 25 лет	Старше 25 лет
В Вашей семье	11,3%	4,5%	7,0%
В семье Ваших родственников	7,8%	7,0%	7,0%
Среди близких и знакомых Вашей семьи	10,4%	14,6%	16,3%
Среди Ваших друзей	21,6%	26,1%	30,2%
Среди знакомых Ваших друзей	47,2%	46,2%	37,2%
Другое	1,7%	1,6%	2,3%

случаев перехода по-прежнему лидирует дальний круг, но уже с меньшим отрывом — 60%; в ближнем круге фиксируется 21,4% случаев, в среднем — 18,6% (табл. 7).

Таким образом, можно отметить, что респонденты, причисляющие себя к мусульманам намного чаще сталкиваются с явлением перехода непосредственно в среде своих родных и близких, с которыми они имеют достаточно тесные социальные связи и возможность объективней оценивать последствия подобного явления.

Доминирующим направлением перехода является переход из христианства в ислам, вторым по значимости является переход из ислама в христианство (23% и 28,9%). Различия по годам и возрастным группам не существенны и статистически не значимы (табл. 8).

Следует отметить, что на фокус-групповых интервью подавляющее число респондентов также говорило об известных случаях перехода из христианства в ислам, при этом ислам рассматривался в широком смысле, без уточнения конкретного направления или течения. Примечателен случай, который описывал один из информантов (взрослая женщина, с достаточно глубокими знаниями в сфере религии), где она сначала обозначила переход из христианства в ислам и только позже уточнила: «в самую радикальную форму ислама, в ваххабизм». Другими словами, опираясь на полученные данные, мы не можем знать, что именно имели

Таблица 7

Социальная дистанция от фактов перехода по конфессиям

Конфессиональная самоидентификация	Социальная среда		
	Ближний круг	Средний круг	Дальний круг
Христианство	12,3%	7,5%	80,2%
Ислам	21,4%	18,6%	60,0%

Таблица 8

Направленность перехода

Какой переход имел место быть?	Ноябрь 2015 г.	Июнь 2016 г.	
		До 25 лет	Старше 25 лет
Христианство — ислам	70,4%	63,2%	68,5%
Ислам — христианство	27,7%	24,2%	24,1%
Христианство — нетрадиционные религии	6,6%	6,0%	3,7%
Христианство — буддизм	2,8%	8,2%	5,6%
Ислам — буддизм	2,8%	2,7%	1,9%
Буддизм — христианство	2,3%	0,5%	–
Христианство — иудаизм	1,4%	0,5%	1,9%
Ислам — нетрадиционные религии	1,4%	2,2%	7,4%
Нетрадиционные религии — христианство	1,4%	0,5%	–
Христианство — христианство	0,9%	0,5%	–
Нетрадиционные религии — ислам	0,9%	0,5%	–
Ислам — ислам	0,5%	2,2%	9,3%
Буддизм — ислам	0,5%	1,1%	–

в виду респонденты под категорией ислам (классические направления, радикальные течения или ответвления, относящиеся к сектанским и деструктивным), так как, во-первых, могли не обладать достаточной квалификацией для различения видов течений; во-вторых, не имели необходимой информации, чтобы сделать какой-то вывод, и в своих суждениях опирались только на внешние признаки, которые смогли опознать.

Рассматривая отношение респондентов к различным типам направленности перехода, можно отметить, что большая часть участников исследования нейтрально относится к подобным явлениям. Большинство информантов не увидели никаких причин для беспокойства в фактах перехода из одной религии в другую, объясняя это личным выбором человека, совершившим переход, а также незначительным влиянием религии на жизнь современного человека, исходя из чего переход серьез-

но не отразится ни на поведении, ни на мировосприятии человека, совершившего его. Для общества он, вполне возможно, становится Другим, но не Чужим. В глазах большинства останется прежним, соответственно это не вызывает тревоги или непонимания у окружающих. При этом религиозные информанты (христиане) высказали негативное отношение к подобной практике, не сумев логично обосновать свою точку зрения, т.е. данная реакция была исключительно эмоциональной. Не лишним будет изучить распределение ответов респондентов по конфессиям по данному вопросу.

Представители ислама намного позитивней оценивают переход из традиционной религии в традиционную, чем христиане. Данный факт можно объяснить интуитивным знанием мусульманами преобладающей направленности перехода (из христианства в ислам) и отсутствием рисков, угрожающих конфессиональной безопасности. С христианами дело обстоит с точностью до наоборот: есть интуитивное чувство наличия рисков, угрожающих конфессиональной безопасности (высокая религиозность представителей ислама, высокая доля переходов из христианства в ислам), что проявляется в агрессивной защитной реакции.

Примечательно, что переход в атеизм одинаково порицается обеими конфессиями — на порядок больше, чем переход в другую традиционную религию. Но все же большую нетерпимость демонстрируют мусульмане.

Среди основных причин перехода из одной религии в другую информанты на фокус-групповых интервью выделяли следующие (стоит отметить, что данные причины относятся к случаям перехода из христианства в ислам, так как иные типы переходов не были известны информантам):

– переход в религию будущего (или предполагаемого) мужа девушки, которая решила связать свою жизнь с представителем ислама. Переход чаще всего осуществляется под давлением партнера и/или его семьи. Большинство информантов высказались негативно относительно данной причины смены религии, так как, во-первых, переход осуществлялся под давлением; а во-вторых, несерьезным отношением девушки к вопросам религии;

– переход в ислам молодых мужчин на основе сознательного выбора. Данный переход информанты фиксировали у мужчин 25–30 лет, возможно, он имел место быть в момент переосмысления жизни и возрастного изменения ценностных ориентаций личности при активной миссионерской деятельности приверженцев ислама, которые смогли убедить неофитов в том, что их религия отвечает изменившимся ценностным запросам личности;

– переход в ислам подростков, выросших в межэтнических семьях, где религия не была определена родителями с рождения и ребенку было дано право выбрать конфессию по достижению сознательного возраста либо данная религия не отвечала его религиозной самоидентификации, и при достижении сознательного возраста он принял решение изменить конфессиональную принадлежность на более соответствующую его системе ценностей и мировосприятию.

При обсуждении темы самостоятельного выбора религии ребенком подавляющее большинство информантов, даже религиозных, положительно отнеслось к подобной практике и не увидело в данном аспекте ничего необычного.

На основании полученных данных был проведён фактический анализ и сформулированы соответствующие выводы.

Дискуссия и выводы

Региональные исследователи отмечают исторически сложившуюся высокую религиозность населения Северного Прикаспия (Романова, Топчиев, 2011). Исследования, в которых мы принимали участие в 2010–2013 гг., показали, что 51,9% респондентов назвали именно религию главной объединяющей силой этноса (Дрягалов, Топчиев, 2014). Наши исследования 2015–2016 гг. показали, что уровень религиозности в регионе даже несколько повысился (56,2%).

Однако за последнее время изменился конфессиональный ландшафт Северного Прикаспия, прежде всего в Астраханской области. На конец XIX в., по данным Астраханского статистического губернского комитета, в регионе проживало около 66% христиан (в том числе православные, католики, протестанты, старообрядцы и пр.); 25% буддистов; 8% мусульман. Таким образом, все население Астраханского края принадлежало в основном к трем мировым религиям. Прочие религиозные конфессии (например, иудаизм) составляли менее 1% населения, так что можно говорить о стабильном распределении вероисповедания между тремя мировыми религиями (Романова, 2005; Романова, Карабущенко, Хлыщева, 2007). Если сравнить эти показатели с общемировыми на 1900 г., то соотношение основных мировых религий представляло приблизительно следующую картину: христиан — 34%; мусульман — 13,3%; буддистов — 7,7%; неверующих — 0,3% (Тульский, 2001). Таким образом, мы видим, что к началу XX в. в Астраханской губернии конфессиональное поле отличалось от общемирового.

К началу XXI в., если же говорить о приблизительном процентном соотношении верующих в Астраханской области, конфессиональный ландшафт значительно изменился: христиан — 30%, мусульман — 25%, буддистов — 1%, неверующих — 40%. (Викторин, Идрисов, 2004). То, что на второе место по численности выходит ислам, подтверждается заключениям группы экспертов Института этнологии и антропологии РАН под руководством академика В. А. Тишкова (Тишков, 2013).

Хотя ислам исторически традиционен для этого региона, мусульманские объединения активизировались на территории Астрахани только после перестройки. До 1991 г. их насчитывалось всего 7, к 2000 г. уже 43 (Социально-экономическое развитие..., 2001), а к 2008 г. — 61. Причем прирост мусульманских объединений в Астраханской области, например в 1997 г., был более показательным, чем в некоторых республиках Северного Кавказа. В Северном Прикаспии их было зарегистрировано 20, в Северной Осетии — 19, в Адыгее 14 и в Республике Ингушетия — 6 (Черноус, 2001).

В последнее время увеличивается не только представительство мусульманских конфессий на территории Северного Прикаспия, но, как показывает наше исследование, именно среди представителей ислама отмечается более высокая религиозность. Базовые ценности всех изучаемых религиозных групп одинаковы (семья, здоровье, любовь), но структура ценностей в общем разнится. В мусульманском мировоззрении религия играет более значительную роль, нежели у христиан и неверующих. Религиозная идентичность мусульман более устойчива. Только одна треть опрошенных информирована и о переходе из ислама в другие конфессии.

Надо заметить, что в последнее время диахронный аспект религиозной трансгрессии в ее литературном или искусствоведческом аспектах привлекает к себе внимание специалистов (Rostad, 2006; Lee, 2012). Исследуется религиозная трансгрессия и в локальных пространствах (Mendonça, 2012), и как часть событийной истории (Oosterbaan, 2011), как влияние новых культов на традиционный религиозный ландшафт (Collins-Kreiner, 2008).

На фронтальной территории Северного Прикаспия отмечается достаточно высокая доля случаев религиозной трансгрессии. Основным вектором такой трансгрессии является на данный момент переход из христианства в ислам, причем эти процессы происходят в основном в ближнем круге, т.е. респонденты знают лично тех, кто поменял религиозную принадлежность. Исследователь «русского мусульманства» Р. Сулейманов выделил четыре типа таких неофитов: идейные, семейные, конъюнктурщики и военнопленные (Сулейманов, 2016). Для молодежи Северного Прикаспия как диахронно поликонфессионального региона характерны два первых типа. Основной причиной перехода в первом случае является глубокий сравнительный анализ религиозных догматов, недовольство конкретными контактами с РПЦ, идейные искания, что подтверждается глубинными интервью, во втором — выход замуж и формализованное или истинное принятие ислама.

Переход из христианства в ислам на данный момент не является массовым, но, по оценкам специалистов, в свете прогнозируемого увеличения мусульманского населения планеты на 75% в к середине века фактор перехода, как и демография, сыграет свою роль (Lipka, Hackett, 2015).

Как показали результаты нашего исследования, основная масса опрошенных проявила свое нейтральное, терпимое отношение к процессу перехода. Это относится практически ко всем религиям, кроме нетрадиционных. Отношение к переходу в ислам тоже отличается от общероссийского. По мнению экспертов, «неофит не станет никогда окончательно своим для этнических мусульман, но для русского общества он перестает быть русским» (Сулейманов, 2016). Однако глубинные интервью показали, что в поликонфессиональном регионе большинство опрошенных с пониманием относится к процессу перехода из традиционной религии в традиционную, однако гораздо более негативно настроены к атеистически ориентированному населению.

Библиографический список

1. Бадели, Дж. (2013). *Завоевание Кавказа русскими 1720–1860 г.* Москва: Центр-полиграф.
2. Баева, А., В. (2014). Типология и проблемы изучения Южно-российского фронта. *Вестник Волгоградского государственного университета*, 2, 32–39.
3. Барретт, Т. М. (2000). Линии неопределенности. Северокавказский «фронт» России. В М. Дэвид — Фокс (ред.) *Американская русистика. Вехи историографии последних лет. Имперский период: Антология* (с. 163–194). Самара: Самарский университет.
4. Батай, Ж. *Запрет и трансгрессия*. Режим доступа: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm/2015/2015-06>.
5. Бланшо, М. (1994). Опыт-предел. В *Танатография эроса*, 63–79. Санкт-Петербург: Мифрил.
6. Викторин, В. М. (2008). *Ислам в Астраханском регионе. Общественно-политическое издание*. Москва: Изд-во «Логос».
7. Викторин, В. М., Идрисов, Э. (2004, Январь). Астраханский мир: прежние и новые грани межэтнического единства и сотрудничества. *Астраханские известия*, 3.
8. Дрягалов, В. С., Топчиев, М. С. (2014). Этническая и конфессиональная идентичности студентов в условиях обострения проблем культурной и конфессионально безопасности поликультурного региона. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 96–112.
9. Зелетдинова, Э. А., Лагуткин, О. Ю. (2008). Доминанты общественного сознания в религиозно-конфессиональной сфере в Астраханской области (конфликтологический аспект). *Полис*, 2, 72–81.
10. Кундакбаева, Ж. Б. (2005). *Политика Российской Империи в отношении народов Северного Прикаспия в XVIII веке*: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Москва.
11. Манаков, А. Г. (2002). Геокультурное пространство северо-запада Русской равнины: динамика, структура, иерархия. Псков: Центр «Возрождение» при содействии ОЦНТ.
12. Морозова, Е., Мирошниченко, И., Рябченко, Н. (2016). Фронт сетевых обществ. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (2), 83–97.
13. Романова, А. П. (2005). Астрахань на перекрестке религий (размышления о понятиях). *Россия и Восток. Обучающееся общество и социально-устойчивое развитие Прикаспийского региона*. Т. II, 105–108. Астрахань.
14. Романова, А. П. (2007). Влияние интеллектуального потенциала на межконфессиональную и межэтническую толерантность населения в мультикультурных регионах Юга России. *Россия и Восток: проблема толерантности в диалоге цивилизаций*. Ч. 2. 340–344. Астрахань.
15. Романова, А. П. (2014). Специфика раннего фронта на Кавказе. *Научный журнал КубГАУ*, 102, 446–458.
16. Романова, А. П., Топчиев, М. С. (2011). *Конфессиональная политика и конфессиональная безопасность Прикаспия: монография*. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич.
17. Романова, А. П., Якушенков, С. Н. (2012). Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-политической и экономической ситуации на Юге России. *Инноватика и экспертиза*, 2, 74–80.

18. Романова, А. П. (2015). Специфика межкультурных коммуникаций на фронтальных территориях. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3, 266–271.
19. Романова, А. П., Баева, Л. В. и др. (2007). *Астрахань — XXI век: социокультурная регионалистика*. Астрахань: ИД «Астраханский университет».
20. Романова, А. П., Якушенков, С. Н. и др. (2014). *Нижневожский фронт: культурная память и культурное наследие: учебное пособие*. Астрахань: Сорокин Роман Васильевич.
21. Савченко, С. И. (2010). Особенности конфессионального пространства Ставропольского края. *Вопросы географии и краеведения: материалы 3 конференции русского географического общества Ставропольского отдел*. Вып. 3., 141–144. Ставрополь.
22. Официальный доклад Администрации Астраханской области. (2001). Социально-экономическое развитие Астраханской области в 2000 г. Астрахань.
23. Сулейманов, Р. *Русские мусульмане*. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2016/03/03/russkie_musulmane
24. Сызранов, А. В. (2012). *Ислам в Нижнем Поволжье: монография*. Астрахань: ИД «Астраханский университет».
25. Тишков, В. А. (ред.) (2013). *Межэтнические и конфессиональные отношения в Южном Федеральном округе*. Экспертный доклад. Москва–Ижевск: Институт компьютерных исследований.
26. Тульский, М. (2001). Изменение религиозной принадлежности населения мира за последние 100 лет. *Россия и мусульманский мир*, 3, 111–113.
27. Фуко, М. (1994). О трансгрессии. В *Танатография эроса*, 110–132. Санкт-Петербург: Мифрил.
28. Хлыщева, Е. В. (2013). Фронт как граница между «своим» и «чужим». *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 2, 237–242.
29. Черноус, В. В. (ред.) (2001). *Ислам в этноконфессиональной ситуации на Северном Кавказе. Ислам и политика на Северном Кавказе*. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ.
30. Якушенков, С. Н. (2015). Фронт как культурная парадигма. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 42 (1), 288–298.
31. Якушенков, С. Н., Романова, А. П., Баева, Л. В., Хлыщева, Е. В., Морозова, Е. В., Якушенкова, О. С. (2014). Фронт как эвристическая модель культурного познания. *Материалы круглого стола*, 41 (4), 304–314.
32. Якушенков, С. Н., Якушенкова, О. С. (2014). Трансгрессия в условиях гетеротопных пространств фронта. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 3.
33. Arweck, E. & Nesbitt, E. (2010). Young peoples identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*, 25, 67–87.
34. Billington, R. A. (1960). *Westward Expansion: A History of the American Frontier*. N.Y.: Macmillan.
35. Collins-Kreiner, Noga. (2008, April). Religion and Politics: New Religious Sites and Spatial Transgression in Israel. *Geographical Review*, 98 (2), 197–213. Retrieved from: <http://www.jstor.org/stable/30034228>.

36. Dufoix, S. (2005). *More Than Riots: A Question of Spheres*. Retrieved from: <http://riotsfrance.ssrc.org/Dufoix/>
37. Ennaji, M. (2005). *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco*. Boston: Springer Science & Business Media.
38. Khodarkovsky, M. (2011). *Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca, NI: University Press.
39. King, V., Elder, G. H. & Whitbeck, L. B. (1997). Religious involvement among rural youth: An ecological and life-course perspective. *Journal of Research on Adolescence*, 7, 431–456.
40. Lee, J. (2012). *Transgression in Roman Religion (Doctoral dissertation)*. Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3535319).
41. Lipka, M. & Hackett, C. (2015, April. 23). *Why Muslims are the world's fastest-growing religious group?* [Web log post]. Retrieved from: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/04/23/why-muslims-are-the-worlds-fastest-growing-religious-group/>
42. Mendonça, Pollyanna Gouveia. (2012, Niterói). Religious orders and transgression in colonial Maranhão. *Tempo*, 32 (18). Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1590/S1413-77042012000100006>
43. Oosterbaan, M. (2011). *Samba Gospel: Carnival, Media and Religious Transgression in Rio de Janeiro*. Retrieved from: <http://www.rc21.org/conferences/amsterdam2011/edocs2/Session%2014/RT14-2-Oosterbaan.pdf>
44. Phinney, J. S. & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, 54, 271–281.
45. Rostad, Aslak. (2006). *Human transgression — divine retribution. A study of religious transgressions and punishments in Greek cultic regulations and lydian-phrygian reconciliation inscriptions*. (Doctoral dissertation). University of Bergen.
46. Turner, F. J. (1996). *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications.
47. Victorin, V. M. (2000). Ethno-religious Minorities and Islamic Thought: the Volga region and Northern Caucasus. *The Cristian-Muslim Frontier: Chaos, Clash or Dialogue?* 99–113. N.Y.: I. B. Tauris & Co LTD Publ.
48. Wijeyesinghe, C. L. & Jackson, B. W. (2001). *New perspectives on racial identity development*. N.Y.: NYU Press.

Статья поступила в редакцию 28.09.2016.

.....

RELIGIOUS TRANSGRESSION AND RELIGIOUS IDENTITY OF YOUTH IN THE FRONTIER TERRITORIES OF THE NORTHERN CASPIAN SEA REGION

Topchiev M. S., Dryagalov V. S.

Topchiev Mikhail Sergeevich, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20A Tatishcheva. E-mail: ceo.gfn@gmail.com.

Dryagalov Vyacheslav Sergeevich, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20A Tatishcheva. E-mail: helios82@yandex.ru.

This article has been written with the President grant for young scientists PhDs. Project МК-7152.2015.6 «Socio-cultural analysis of the mechanisms of religious transgression in the Astrakhan region as part of the Caspian frontier».

The article deals with the research of the particularity of young people's religious identity formation on the frontier territories of the Northern Caspian region and the influence of modern transgressive processes on it. In polycultural region with a high index of mosaicism with the existence of intensive migration flows the formation of religious identity comes with the particularity of frontier territories. The goal of the research is the detection of the main vectors of religious identity formation and the passing of transgressive processes and the reflection of these processes in the young people's world outlook as well. The main methodology of the research was a frontier approach which allowed studying the territory of the Northern Caspian region as frontier, the territory 'between', where historically the processes of active cross-cultural contacts and cultural borrowings have been taking place. Transgressive processes in any sphere — cultural, political, religious are passing more actively and dynamically precisely here. The main methods of collection and the analysis of empirical information of the research was a questionnaire poll, a depth interview, a focus group interview, the analysis of one-dimensional and two-dimensional distributions, a grouping of data, a comparison exercise, the analysis of measures of central tendency, a correlation and dispersive analysis, t-tests. In the result of the research the change of young people's value orientations has been evinced which were caused by the change of confessional landscape; the main vectors of religious transgression and the differentiation of respondents' attitude to this process have been observed as well. According to the results of the research work, the majority of responders has had a neutral attitude to the process of religious transgression or relates with understanding, if this transition was in the frames of traditional for these territories religions; and they have negative attitude in the case if it was a process of transition to nontraditional religion. For the polyconfessional northern Caspian region the vector of transition from Christianity to Islam is more peculiar.

Key words: a poly-confessional region, religious transgression, religious identity, Islam, Christianity, values, youth, frontier, Northern Caspian Sea region.

References

1. Badeli, Dzh. (2013). *Zavoevanie Kavkaza russkimi* [The Russian conquest of the Caucasus] 1720–1860 g. Moskva: Centrpoligraf.
2. Baeva, L. V. (2014). Tipologija i problemy izuchenija Juzhno-rossijskogo frontira. [The typology and problems of studying the Southern Russian frontier]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2, 32–39.
3. Barrett, T. M. (2000). Linii neopredelennosti. Severokavkazskij "frontir" Rossii [At the Edge of Empire. The North Caucasus frontier]. V M. Djevid — Foks (red.) *Amerikanskaja rusistika. Vehl istoriografii poslednih let. Imperskij period: Antologija* (s. 163–194). Samara: Samarskij universitet.
4. Bataj, Zh. *Zapret i transgressija* [Taboos and transgression] Retrieved from: <http://vispir.narod.ru/bataj2.htm/2015/2015-06>.
5. Blansho, M. (1994). Opyt-predel [Limit-Experience]. In *Tanatografija jerosa*, 63–79. Sankt-Peterburg: Mifril.
6. Viktorin, V. M. (2008). *Islam v Astrahanskom regione. Obshhestvenno-politicheskoe izdanie* [The Islam in the Astrakhan region. Socio-political edition]. Moskva: Izd-vo "Logos".
7. Viktorin, V. M. & Idrisov, Je. (2004, Janvar'). Astrahanskij mir: prezhnie i novye grani mezhhjetnicheskogo edinstva i sotrudnichestva [The Astrakhan world: former and new aspects of cross-ethnic unity and cooperation]. *Astrahanskije izvestija*, 3.

8. Drjagalov, V. S. & Topchiev, M. S. (2014). Jetnicheskaja i konfessional'naja identichnosti studentov v uslovijah obostrenija problem kul'turnoj i konfessional'no bezopasnosti polikul'turnogo regiona [Students' ethnic and confessional identities under the conditions of worsening problems of cultural and confessional safety of the multicultural region]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie*, 3, 96–112.
9. Zeletdinova, Je. A. & Lagutkin, O. Ju. (2008). Dominanty obshhestvennogo soznaniya v religiozno-konfessional'noj sfere v Astrahanskoj oblasti (konfliktologicheskij aspekt) [Social consciousness focuses in religious and confessional sphere in the Astrakhan region (conflictology aspect)]. *Polis*, 2, 72–81.
10. Kundakbaeva, Zh. B. (2005). *Politika Rossijskoj Imperii v otnoshenii narodov Severnogo Prikaspija v XVIII veke*: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk. [The Russian Empire policy towards peoples of the North Caspian Sea region in the XVIII century: extended abstract of the D. Sc. (History) thesis]. Moskva.
11. Manakov, A. G. (2002). *Geokul'turnoe prostranstvo severo-zapada Russkoj ravniny: dinamika, struktura, ierarhija* [The geocultural space in the North-West of the Russian Plain: dynamics, structure, hierarchy]. Pskov: Centr "Vozrozhdenie" pri sodejstvii OCNT.
12. Morozova, E., Miroshnichenko, I. & Rjabchenko, N. (2016). Frontir setevogo obshhestva [The network society frontier]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*, 60 (2), 83–97.
13. Romanova, A. P. (2005). Astrahan' na perekrestke religij (razmyshlenija o ponjati-jah). Rossija i Vostok [Astrakhan at the religious intersection (concept contemplation)]. *Obuchajushheesja obshhestvo i social'no-ustojchivoje razvitie Prikaspijskogo regiona*, T. II, 105–108. Astrahan'.
14. Romanova, A. P. (2007). Vlijanie intellektual'nogo potenciala na mezhkonfessional'nuju i mezhjetnicheskiju tolerantnost' naselenija v mul'tikul'turnyh regionah Juga Rossii [Intellectual potential impact on cross-confessional and cross-ethnic tolerance of population in South Russian polycultural regions]. *Rossija i Vostok: problema tolerantnosti v dialoge civilizacij*. Ch. 2, 340–344. Astrahan'.
15. Romanova, A. P. (2014). Specifika rannego frontira na Kavkaze [Specificity of early frontier in the Caucasus]. *Nauchnyj zhurnal KubGAU*, 102, 446–458.
16. Romanova, A. P. & Topchiev, M. S. (2011). *Konfessional'naja politika i konfessional'naja bezopasnost' Prikaspija: monografija* [Confessional policy and confessional security in the Caspian Sea region: monograph]. Astrahan': Sorokin Roman Vasil'evich.
17. Romanova, A. P. & Jakushenkov, S. N. (2012). Frontirnaja teorija: novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoj i jekonomicheskoj situacii na Juge Rossii [The frontier territory: the new approach to comprehension of socio-political and economic situation in the Russian South]. *Innovatika i jekspertiza*, 2, 74–80.
18. Romanova, A. P. (2015). Specifika mezhkul'turnyh kommunikacij na frontirnyh territorijah [Specific character of intercultural communications within frontier territories]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, 3, 266–271.
19. Romanova, A. P., Baeva, L. V. i dr. (2007). *Astrahan' — XXI vek: sociokul'turnaja regionalistika* [Astrakhan — the XXI century: the sociocultural region studies]. Astrahan': ID "Astrahanskij universitet".

20. Romanova, A. P., Jakushenkov, S. N. i dr. (2014). *Nizhnevolzhskij frontir: kul'turnaja pamjat' i kul'turnoe nasledie: uchebnoe posobie* [The frontier of Lower Volga: cultural memory and cultural heritage: teaching medium]. Astrahan': Sorokin Roman Vasil'evich.
21. Savchenko, S. I. (2010). Osobennosti konfessional'nogo prostranstva Stavropol'skogo kraja [The confessional space peculiarities of the Stavropol region]. *Voprosy geografii i kraevedenija: mat-ly 3 konferencii russkogo geograficheskogo obshhestva Stavropol'skogo otdel*, vyp. 3, 141–144.
22. Oficial'nyj doklad Administracii Astrahanskoj oblasti. (2001). Social'no-jekonomicheskoe razvitie Astrahanskoj oblasti v 2000 g. [Socio-economic development of the Astrakhan region in 2000]. Astrahan'.
23. Sulejmanov, R. *Russkie musul'mane*. [The Russian Muslims] Retrieved from: http://ruskline.ru/analitika/2016/03/03/russkie_musulmane
24. Syzranov, A. V. (2012). *Islam v Nizhnem Povolzh'e* [Islam in Lower Volga: monograph]: monografija. Astrahan': ID "Astrahanskij universitet".
25. Tishkov, V. A. (red.). (2013). *Mezhjetnicheskie i konfessional'nye otnoshenija v Juzhnom Federal'nom okruge. Jekspertnyj doklad* [Cross-ethnic and confessional relations in the Southern Federal District. Expert report]. Moskva–Izhevsk: Institut komp'juternyh issledovanij.
26. Tul'skij, M. (2001). Izmenenie religioznoj prinadlezhnosti naselenija mira za poslednie 100 let [Religious affiliation modification of the world's population in the last 100 years]. *Rossija i musul'manskij mir*, 3, 111–113.
27. Fuko, M. (1994). O transgressii [Transgression]. In *Tanatografija jerosa*, 110–132. Sankt-Peterburg: Mifril.
28. Hlyshheva, E. V. (2013). Frontir kak granica mezhdu "svoim" i "chuzhim" [Frontier as a border between "own" and "alien"]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, 2, 237–242.
29. Chernous, V. V. (red.). (2001). Islam v jetnokonfessional'noj situacii na Severnom Kavkaze [Islam in ethno-confessional situation in North Caucasus]. *Islam i politika na Severnom Kavkaze*. Rostov-na-Donu: Izdatel'stvo SKNC VSh.
30. Jakushenkov S. N. (2015). Frontir kak kul'turnaja paradigma [Frontier as a cultural paradigm]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, 42 (1), 288–298.
31. Jakushenkov, S. N., Romanova, A. P., Baeva, L. V., Hlyshheva, E. V., Morozova, E. V. & Jakushenkova, O. S. (2014). *Frontir kak jevristsheskaja model' kul'turnogo poznanija. Materialy kruglogo stola* [Frontier as a heuristic model of cultural cognition. The materials of roundtable discussion], 41 (4), 304–314.
32. Jakushenkov, S. N. & Jakushenkova, O. S. (2014). Transgressija v uslovijah geterotopnyh prostranstv frontira [Transgression in a condition of frontier heterotopia]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura*, 3.
33. Arweck, E. & Nesbitt, E. (2010). Young peoples identity formation in mixed-faith families: continuity or discontinuity of religious traditions? *Journal of Contemporary Religion*, 25, 67–87.
34. Billington, R. A. (1960). *Westward Expansion: A History of the American Frontier*. N.Y.: Macmillan.

35. Collins-Kreiner, Noga. (2008, April). Religion and Politics: New Religious Sites and Spatial Transgression in Israel. *Geographical Review*, 98 (2), 197–213. Retrieved from <http://www.jstor.org/stable/30034228>.
36. Dufoix, S. (2005). *More Than Riots: A Question of Spheres*. Retrieved from: <http://riots-france.ssrc.org/Dufoix/>
37. Ennaji, M. (2005). *Multilingualism, Cultural Identity, and Education in Morocco*. Boston: Springer Science & Business Media.
38. Khodarkovsky, M. (2011). *Bitter Choices: Loyalty and Betrayal in the Russian Conquest of the North Caucasus*. Ithaca, NI: University Press.
39. King, V., Elder, G. H. & Whitbeck, L. B. (1997). Religious involvement among rural youth: An ecological and life-course perspective. *Journal of Research on Adolescence*, 7, 431–456.
40. Lee, J. (2012). *Transgression in Roman Religion* (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database (UMI No. 3535319).
41. Lipka, M. & Hackett, C. (2015, April. 23). *Why Muslims are the world's fastest-growing religious group?* [Web log post]. Retrieved from: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2015/04/23/why-muslims-are-the-worlds-fastest-growing-religious-group/>
42. Mendonça, Pollyanna Gouveia. (2012, Niterói). Religious orders and transgression in colonial Maranhão. *Tempo*, 32 (18). Retrieved from: <http://dx.doi.org/10.1590/S1413-77042012000100006>
43. Oosterbaan, M. (2011). *Samba Gospel: Carnival, Media and Religious Transgression in Rio de Janeiro*. Retrieved from: <http://www.rc21.org/conferences/amsterdam2011/edocs2/Session%2014/RT14-2-Oosterbaan.pdf>
44. Phinney, J. S. & Ong, A. D. (2007). Conceptualization and measurement of ethnic identity: Current status and future directions. *Journal of Counseling Psychology*, 54, 271–281.
45. Rostad, Aslak. (2006). *Human transgression — divine retribution. A study of religious transgressions and punishments in Greek cultic regulations and lydian-phrygian reconciliation inscriptions* (Doctoral dissertation). University of Bergen.
46. Turner, F. J. (1996). *The frontier in American history*. N.Y.: Courier Dover Publications.
47. Victorin, V. M. (2000). Ethno-religious Minorities and Islamic Thought: the Volga region and Northern Caucasus. *The Cristian-Muslim Frontier: Chaos, Clash or Dialogue?*, 99–113. N.Y.: I. B. Tauris & Co LTD Publ.
48. Wijeyesinghe, C. L. & Jackson, B. W. (2001). *New perspectives on racial identity development*. N.Y.: NYU Press.

ИМИДЖЕВЫЕ КАМПАНИИ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ ЛЕЙБОРИСТОВ И КОНСЕРВАТОРОВ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ 1990–2010 ГГ.

Харитонов Е. М.

Харитонов Е. М., Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: ekharit@imemo.ru.

В статье рассматриваются и сравниваются правительственные инициативы, направленные на обновление имиджа Великобритании за рубежом. Одна из таких инициатив была запущена при правительстве лейбористов Т. Блэра, другая инициирована коалиционным правительством консерваторов и либеральных демократов, а затем продолжена при консервативном правительстве Д. Кэмерона. Британские политические элиты, принадлежащие к разным партийно-идеологическим лагерям, стремятся найти баланс между представлением за рубежом традиционных достижений страны и продвижением более современного образа Соединенного Королевства. После не вполне удачных попыток резко изменить зарубежный имидж Великобритании при лейбористском правительстве Т. Блэра, правящие круги вернулись к более сбалансированной политике, уделяя большое внимание обеспечению межведомственного взаимодействия. При этом представители ведущих британских партий связывают увеличение влияния и повышение привлекательности страны с благосостоянием и безопасностью нации и используют социально-экономические показатели для оценки эффективности реализуемых программ.

Ключевые слова: внешняя политика Великобритании, Лейбористская партия, Консервативная партия, имидж, образ страны, «мягкая сила».

Происходящая сегодня трансформация глобального миропорядка заставляет национальные правительства пересматривать внешнюю политику государства и искать новые формы и инструменты внешнеполитической деятельности, а ученых и экспертов — разрабатывать концепции и научные категории для описания и объяснения новых явлений, а также для прогнозирования путей развития системы международных отношений. Усиление взаимозависимости и одновременно конкуренции между отдельными странами и макрорегионами приводит к тому, что все большее значение приобретают сложные для осмысления и концептуализации явления, в том числе привлекательность образа и имиджа страны или группы стран, способность формировать политический дискурс на глобальном уровне.

В статье рассматриваются и сравниваются две инициативы британских правительственных элит конца 1990-х — 2010-х гг., направленные на улучшение имиджа Великобритании за рубежом. Одна из них известна под названием *Cool Britannia* («классная», «крутая» Британия) и относится к периоду правления правительства партии лейбористов под руководством Т. Блэра. Другая — текущая программа *Great Britain*, которая была запущена при коалиционном правительстве консерваторов и либеральных демократов, а затем продолжена при консервативном правительстве Д. Кэмерона.

Эти инициативы стали частью внешнеполитической стратегии Великобритании в указанный период и связаны со стремлением британских политических элит позиционировать страну в качестве одного из глобальных лидеров в новом современном понимании. Действуя иногда путем проб и ошибок, британские политики в последние два десятилетия по-разному подходили к выбору траектории движения и созданию привлекательного образа Соединенного Королевства для зарубежных аудиторий.

Инициатива *Cool Britannia*

Словосочетание *Cool Britannia* (т.е. «классная», «крутая» Британия, также словосочетание созвучно строчке известной песни *Rule, Britannia!* — «Правь, Британия!») используется в прессе для обозначения ряда инициатив «новых лейбористов» и их лидера Тони Блэра. После победы на всеобщих парламентских выборах в 1997 г. Лейбористская партия заявила о необходимости пересмотра сложившегося за рубежом имиджа Великобритании. Т. Блэр еще во время предвыборной кампании использовал образ «молодой страны», которой должна стать Великобритания (Blair, 1996), и после победы партии приступил к реализации ряда преобразований, а также заявил о необходимости изменения позиционирования страны в мире. Если использовать маркетинговые термины, то власти попытались провести «ребрендинг» Соединенного Королевства, придать ему новый имидж и тем самым повысить привлекательность среди целевых аудиторий.

Наиболее подробно аргументы сторонников «ребрендинга» Великобритании изложены в брошюре связанного с партией лейбористов аналитического центра *Demos*. Автор брошюры политолог Марк Леонард писал о необходимости преодолеть сложившиеся стереотипы о Великобритании, уйти от образа традиционной консервативной страны в состоянии застоя и представить ее в качестве современной, динамично развивающейся и технологичной. М. Леонард утверждал, что представления жителей других стран о Британии «застряли в прошлом» и Соединенное Королевство видят как «парк развлечений с королевской семьей и зелеными холмами», а также как страну с «плохой едой, плохой погодой и высокомерными людьми», и это серьезно вредит Великобритании, в первую очередь — ее экономике. Он утверждал, что еще одним подтверждением отста-

лости бренда «Британия» является то, что такие компании как *British Telecom*, *British Gas*, *British Home Stores* и *British Airport* избавились от прилагательного «*British*» в своих названиях. Кроме того, М. Леонард ссылался на маркетинговое исследование, проведенное ранее компанией *British Telecom* по всему миру. Результаты этого исследования показали, что в ряде стран, в частности, в Японии, слово «*British*» в названии бренда ассоциировалось с чем-то «из прошлого» и «колониальным» и не соответствовало представлениям об инновационной, технологичной и обращенной вперед индустрии. Именно это, по словам автора, привело к тому, что руководство компании поменяло название *British Telecom* на *BT* (Leonard, 1997).

Идея о модернизации имиджа страны в целом гармонично сочеталась с политикой «новых лейбористов», которые взяли курс на обновление во всех сферах. Среди инициированных правительством реформ важнейшую роль сыграл начатый в 1997–1998 гг. процесс деволюции британских территорий. Были приняты законы, согласно которым создавался парламент Шотландии, а также национальная ассамблея Уэльса и ассамблея Северной Ирландии, наделенные полномочиями в финансово-экономической, административно-политической и социальной сферах. Была проведена реформа Палаты Лордов и начата реформа избирательной системы (Перегудов, 2013).

Значительные, особенно по британским меркам, нововведения в политической жизни, оказали большое влияние на самовосприятие британцев и повлекли за собой общественные дискуссии, связанные с национальной идентичностью. На страницах прессы и в научных изданиях ставились и обсуждались вопросы о том, что такое Британия и что значит быть британцем (а не англичанином, шотландцем или ирландцем).

Свою роль в широкой общественной дискуссии о самовосприятии граждан страны и роли Британии в современном мире сыграла и приближавшаяся круглая дата: смена тысячелетий. Слово *Millennium* (тысячелетие) использовалось в названиях различных проектов и инициатив. Так, например, планировалось открытие международной выставки *Millennium Experience*, для которой было начато строительство масштабного выставочного центра под названием «Купол тысячелетия» (*Millennium Dome*). Не только в Великобритании, но и в других странах со сменой дат связывались надежды на обновление и представления о начале новой эпохи.

В 1990-е гг. американский политолог Джозеф Най сформулировал термин «мягкая сила», подразумевая под ним силу, основанную не на принуждении или подкупе, а на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешней политики (Nye, 1990). Эта концепция оказала большое влияние на британских политических деятелей и экспертов. Сегодня понятие «мягкая сила» широко используется в правительственных стратегических документах Великобритании, однако, безусловно, «мягкая сила» играла роль в британской внешней поли-

тике задолго до появления соответствующего термина. К концу XX — началу XXI в., вследствие развития информационных и коммуникационных технологий и появления сети Интернет, появились беспрецедентные возможности для использования «мягкой силы» как инструмента внешней политики, вовлечения во внешнеполитическую деятельность государства негосударственных акторов, реализации комплексных имиджевых и коммуникационных кампаний. С приходом к власти партии лейбористов под руководством Т. Блэра можно связать начало современного периода реализации британской политики «мягкой силы».

Популярность набирала также концепция «брендинга государств», предложенная С. Анхольтом в 1996 г. и предполагавшая, что государства могут управлять своим брендом так же, как это делают коммерческие компании. Эта концепция, как и идея «мягкой силы», гармонично ложилась на привычный британцам активный подход к формированию собственной идентичности и преобразованию окружающего мира.

Инициативы, которые правительство Т. Блэра запустило в 1997–1998 гг., были призваны изменить ситуацию и представить Великобританию как современную, инновационную и динамичную страну. В прессе кампания по обновлению имиджа страны получила название *Cool Britannia*. Словосочетание до этого использовалось в СМИ и даже в рекламе мороженого, однако окончательно закрепилось именно за кампанией «новых лейбористов». Зарубежные СМИ тиражировали следующее высказывание Т. Блэра: «Имидж Великобритании, который в прошлом сводился к шляпам-котелкам и брюкам в полосочку и был старомодным и запыхавшимся, был заменен на гораздо более динамичный, открытый и смотрящий вперед. Это то, что чувствует мое поколение, — что я горжусь прошлым своей страны, но я не хочу жить в нем» (цит. по: Hoge, 1997).

Инициативы правительства по ребрендингу Великобритании опирались на достижения британской промышленности и культуры: на первый план вышли так называемые творческие (креативные) индустрии: мода, дизайн и архитектура, разработка программного обеспечения, анимация, музыка, современное искусство и литература, ТВ и медиа. Кроме того, в рамках данной политики была создана Рабочая группа по творческим индустриям (*Creative industries task force*), а также Рабочая группа *Panel 2000* при Министерстве иностранных дел, призванная улучшить имидж Британии за рубежом, проводились выставки и приемы.

Однако надежды на «Новых лейбористов, Новую Британию» (лозунг Т. Блэра, с которым он возглавил партию в 1994 г.) не оправдались, и широко разрекламированная инициатива очень скоро стала объектом жесточайшей критики. Уже в 1998 г. влиятельный журнал *The Economist* заявил читателям, что нет ничего грустнее, чем попытки казаться крутым (*Cool Britannia*, 1998).

Критике подверглись и попытки привлечь к правительственным инициативам известных людей: так, в духе политики «обновления» Т. Блэр устроил прием

в официальной резиденции премьер-министра на Даунинг стрит, 10, пригласив на него выдающихся деятелей бизнеса, искусства и медиа. В числе приглашенных были, например, модельер и основательница стиля «панк» в моде Вивьен Вествуд, солист музыкальной группы популярнейшего на тот момент жанра брит-поп «Оазис», самый знаменитый представитель группы современных художников Дэмьен Херст (группа «Молодые британские художники» — *Young British Artists*) и другие. Блэра начали обвинять в том, что он воспользовался достижениями, сформировавшимися еще в период правления консерваторов: популярностью британской музыки и успехами дизайнеров, модельеров и других представителей творческих и инновационных отраслей для того, чтобы набрать политические очки. Обозреватели писали и о том, что само по себе участие известных людей в политической деятельности нехарактерно для Британии (в отличие от США, где звезды и представители бизнеса чувствуют себя комфортно на официальных приемах). По их словам, британская рок-культура является по своей сути бунтарской, в британских артистических кругах, которые, как правило, зависят от государственного финансирования и низко оплачиваются, общение с политиками рассматривается совсем с других позиций, чем в США (*Labour's luvvies lost*, 1998). Поэтому пришедшие на прием представители индустрии и деятели культуры очень скоро почувствовали себя использованными и обманутыми (*Cool Britannia dumps Blair*, 2007).

Инициатива Т. Блэра по «ребрендингу» Великобритании сегодня описывается специалистами по территориальному маркетингу в качестве хрестоматийного примера неудачной кампании. Деятельность, за которой закрепилось название *Cool Britannia*, приводят в качестве одной из самых противоречивых кампаний странового брендинга и связывают ее неуспешность с «истерически враждебной реакцией прессы» (Dinnie, 2010), учитывая тот факт, что средства массовой информации являются влиятельными акторами политического процесса в Соединенном Королевстве.

Чрезмерный акцент на модный, современный и передовой образ Британии не нашел отклика внутри страны. *Cool Britannia* оказалась слишком узкой концепцией, связанной исключительно с городским, и даже столичным, образом жизни. Не представленными оказались и различные территории британского государства. Упомянутые «креативные индустрии» были сконцентрированы на юго-востоке страны, в то время как такие значимые ее части как Шотландия и Уэльс, оказались за рамками кампании.

Кроме того, устоявшийся образ страны не мог быть изменен за короткое время. В 1999 г., через два года после прихода к власти «новых лейбористов», ведущая организация, отвечающая за продвижение британской науки, культуры, образования и английского языка, Британский совет, заказала исследование, посвященное образу страны в мире. Такое исследование было проведено международной социологической компанией Ipsos-MORI и опубликовано под названием

«В глазах других: как мир видит Великобританию». Результаты показали, что мнение о Великобритании в мире за последние несколько лет существенно не изменилось, несмотря на риторику политических лидеров. Исследование продемонстрировало, что отношение к Соединенному Королевству в мире в целом благожелательное. Однако в качестве недостатков, свойственных Великобритании, респонденты указывали чрезмерную традиционность, консерватизм и застой. В то же время значительная часть участников опроса отмечала традиции и богатое культурное наследие как сильные и привлекательные стороны Британии. В целом респонденты видели Великобританию скорее традиционной, чем современной страной (Ratcliffe, Griffin, 1999). Громко объявленная кампания по изменению имиджа страны за рубежом, казалось бы, не принесла результатов. «Вот вам и “Классная Британия”» (*So much for Cool Britannia*) — подытожил результаты исследования *The Economist* (Compellingly Dull, 1999).

Тем не менее такие результаты исследования не кажутся неожиданными. В то время как в риторике государственных деятелей обновление представлений о Великобритании связывалось с новым тысячелетием, в реальности добиться существенного изменения мнения о стране в мире за два-три года оказалось практически невозможно. Завышенные ожидания прессы и общественности от инициатив нового правительства не могли не привести к разочарованию. Сегодня британские эксперты, занимающиеся тематикой «мягкой силы», стремятся учитывать предыдущий опыт и отдельно отмечают необходимость адекватной коммуникации, сопровождающей инициативы в этой области. Так, в докладе Комитета Палаты лордов по «мягкой силе» и влиянию Великобритании, работавшего в парламентскую сессию 2013–2014 гг. подчеркивается необходимость доносить до британской общественности информацию о работе Правительства в этом направлении и объяснять, что часть действий и расходов на «мягкую силу» может принести ощутимые и измеряемые результаты только через определенное время, что требует терпения и упорства (Persuasion and Power in the Modern World, 2014).

К причинам негативного отношения к инициативе Т. Блэра относят и собственно решение полностью отказаться от привычных аудитории традиционных образов. «Современный и продвинутый» имидж страны можно отнести к отдельным направлениям, таким как современное искусство, мода или музыка, однако он оказывается недостаточным для того, чтобы охватить весь спектр представлений о стране (Fan, 2006). «Традиции» и «современность» не являются взаимоисключающими категориями, однако вместо поиска баланса между старым и новым был сделан выбор в пользу исключительно нового, что не могло не оттолкнуть часть аудитории как внутри страны, так и за ее пределами. Эту ошибку впоследствии учли лица, ответственные за подготовку новой кампании, направленной на позиционирование Великобритании уже при правительстве консерваторов.

Террористические акты 11 сентября 2001 г. оказали существенное влияние на внешнюю политику западных держав. Кроме того, эти события вызвали значительный рост интереса к тематике «мягкой силы» в среде экспертов как в США, так и в других странах. Однако внешнеполитические решения, принимавшиеся британскими лидерами в ответ на новые вызовы, повлекли за собой множество негативных последствий. Британская внешняя политика в начале 2000-х гг. зачастую характеризуется исследователями как «провальная» и «потерянная», лишившая Британию последних крупинок надежды стать «мировой державой».

Военная кампания в Ираке дорого стоила Соединенному Королевству, и остается наиболее негативно оцениваемым как в мире, так и внутри страны, наследием команды Т. Блэра. Однако и громкие инициативы, связанные с модернизацией образа страны, также остались в общественном сознании с негативной оценкой. Помимо описанных выше отрицательных отзывов о кампании *Cool Britannia*, другие проекты также оставили сомнительное впечатление. Запланированное еще при консервативном правительстве Дж. Мейджора и приобретенные новые масштабы при «новых лейбористах» строительство «Купола тысячелетия» (*Millenium Dome*) стало еще одной мишенью для критиков: после закрытия размещавшейся в нем выставки *Millenium Experience* огромное здание было практически невостребованным и большую часть времени стояло закрытым, а его строительство было связано со скандалами, превышением сметы и организационными проблемами (см., напр.: Maguire, Gibbons, 2000).

В целом, инициатива *Cool Britannia* получила в основном негативную оценку и связывается в политическом дискурсе с противоречивым наследием Т. Блэра и «новых лейбористов».

Программа *GREAT Britain*

Комплексная программа *GREAT Britain*, запущенная при коалиционном правительстве консерваторов и либеральных демократов, стала очередной попыткой обновить имидж Великобритании за рубежом. Программа призвана объединить усилия различных государственных и негосударственных акторов для того, чтобы повысить эффективность их работы и снизить издержки, избежать дублирования функций и разнонаправленных, противоречащих друг другу действий и высказываний.

Программа *GREAT Britain* (или *GREAT*) была запущена в преддверии летних Олимпийских игр в Лондоне в 2012 г. После того, как в 2005 г. заявка города на проведение Олимпийских игр была одобрена Международным олимпийским комитетом, началась подготовка к спортивному мероприятию, за которую отвечали специально созданный Лондонский организационный комитет Олимпийских игр и Комитет по подготовке к проведению Олимпиады. При этом государственной структурой, в ведении которой была межведомственная координация и контроль над расходованием бюджетных средств, стал специально созданный

Олимпийский исполнительный комитет Министерства культуры, СМИ и спорта. Комитет также должен был рассматривать Олимпийские игры в более широком контексте, с тем, чтобы они послужили дальнейшему процветанию Лондона и Соединенного Королевства.

Заявка на проведение Олимпиады в 2005 г. и значительная часть подготовительных работ осуществлялись при правительствах лейбористов. В начале 2011 г., уже после прихода к власти коалиционного правительства Д. Кэмерона — Н. Клегга, в правительственных структурах было запущено обсуждение нового бренда, призванного увеличить экономический эффект от проведения игр и использовать все преимущества момента. В результате этих обсуждений правительство учредило программу *GREAT*. Ее отличительной чертой стала координация различных ведомств и организаций: Министерства иностранных дел и по делам Содружества, Министерства культуры, СМИ и спорта, Британского совета, Департамента по торговле и инвестициям, Британского управления по туризму (*VisitBritain*) и других. Кампанию поддержали представители британского бизнеса, в том числе: авиакомпания *British Airways*, телекоммуникационная корпорация BT, производитель одежды, аксессуаров и парфюмерии класса люкс *Burberry*, автомобильные компании *McLaren* и *Land Rover Jaguar*; а также известные люди: модельеры Пол Смит и Вивьен Вествуд, основатель *Virgin Group* Ричард Брэнсон, актриса Джуди Денч и другие.

Слово *GREAT* объединило различные направления в рамках кампании: была выпущена линейка коммуникационных материалов (постеров, интернет-банеров, биллбордов и т.п.) с лозунгами, которые можно прочесть двояко: «*Education is GREAT*» / «*Education is GREAT Britain*» («Образование — это здорово» / «Образование — это Великобритания»), «*Innovation is GREAT*» / «*Innovation is GREAT Britain*», («Инновации — это здорово» / «Инновации — это Великобритания»), «*Heritage is GREAT*» / «*Heritage is GREAT Britain*» («Наследие — это здорово» / «Наследие — это Великобритания») и т.п.

Планируя программу *GREAT Britain*, правительство консерваторов и либеральных демократов стремилось дистанцироваться от инициативы *Cool Britannia* конца 1990-х — начала 2000-х гг. Чиновники, которые участвовали в создании и запуске *GREAT*, отмечают, что они сознательно старались сделать новую программу не похожей на кампанию *Cool Britannia*, не только потому, что последняя слишком сильно ассоциировалась с Т. Блэром, но и с целью подчеркнуть сильные стороны британского наследия. Директор кампании *GREAT Britain* в офисе Премьер-министра Конрад Берд подчеркивает тот факт, что инициаторы кампании «не хотели выплеснуть вместе с водой и ребенка» и стремились показать как современную, так и старинную Британию (*Revised transcript of evidence...*, 2013).

В отличие от инициативы новых лейбористов, кампания *GREAT* получилась гораздо более широкой и всеобъемлющей: вместо акцента исключительно на

модное и технологичное, она сочетает традиционное представление о Британии и более современный и динамичный образ нынешней страны. Это легко проследить как по лозунгам кампании, так и по визуальным образам, которые она использует — от традиционных британских пейзажей и элементов культурного наследия и до новинок современного дизайна и технологий. Узнаваемый британский флаг также нашел свое место в верстке материалов кампании.

Комитет по «мягкой силе» и влиянию Великобритании, ссылаясь на материалы, предоставленные правительством, отмечает, что кампания *GREAT* направлена на то, чтобы люди со всего мира приезжали в Великобританию, учились и занимались бизнесом в стране. Она объединяет всю деятельность по продвижению Великобритании за рубежом под общей вывеской для того, чтобы добиться большего результата и наилучшим образом использовать деньги налогоплательщиков (*Persuasion and Power in the Modern World*, 2014).

Поначалу кампания была воспринята с осторожностью и недоверием, прежде всего, британской прессой. Премьера-консерватора критиковали за непоследовательность: его слова во время запуска кампании *GREAT* о том, что Британия — это отличное (*great*) место для туризма, инвестиций и работы контрастировали со сделанными до этого заявлениями о «разрушенном / расколотом (*broken*) британском обществе» и «разрушенной / расколотой Британии» (см., напр.: Swaine, 2011). Кроме того, сказывалась репутация Т. Блэра и неизбежные ассоциации со связываемой с его именем кампанией *Cool Britannia*. Интересно, что в числе критиков оказался и идеолог «ребрендинга» Великобритании в конце 1990-х гг. М. Леонард.

Однако если в конце 1990-х и начале 2000-х гг. была предпринята попытка сместить фокус с традиций и истории в сторону технологичного, современного и модного образа, то сегодня в политике «мягкой силы», в том числе в рамках реализации программы *GREAT Britain*, прослеживается более взвешенный подход, стремящийся наиболее эффективно совместить современность и богатое культурное наследие.

Согласно официальной формулировке, кампания направлена на то, чтобы вдохновить мир на новое рациональное и эмоциональное восприятие Великобритании в настоящем и будущем, чтобы показать, что это наилучшая страна для туризма, инвестиций, получения образования и торговли.

По данным Национального офиса аудита Великобритании, финансирование программы с 2012 по 2015 г. составило 113,5 млн. ф. ст. При этом доходы от ее реализации за указанный период оцениваются в 1,2 млрд. ф. ст., а общий доход до 2019–2020 гг. должен составить от 1,7 до 1,9 млрд. ф. ст.

Разработанным в рамках программы брендом *GREAT* пользуется 17 правительственных департаментов и относящихся к ним организаций. Секретариат Кабинета министров координирует работу. Координационный совет програм-

мы возглавляет министр по культуре, СМИ и спорту. По состоянию на март 2015 г. кампанию поддержали 202 коммерческие компании и 164 известных лица. Дополнительное финансирование со стороны частного сектора составило 68 млн. ф. ст. (цифра включает в себя как финансовый вклад, так и поддержку в виде товаров или услуг) (National Audit Office, 2015).

Каждая из участвующих организаций осуществляет мониторинг эффекта от кампании по своей методологии. Так, организация *VisitBritain* оценивает дополнительные доходы от кампании в сфере туризма, а Британский совет стремится измерить влияние кампании на доходы от приема иностранных студентов. МИД Великобритании (Форин-офис) и правительственный Департамент по торговле и инвестициям отчитываются об оказанной в рамках кампании поддержке британскому бизнесу и ориентировочном дополнительном доходе, связанном с ее реализацией (National Audit Office, 2015).

Как показала практика, программа *GREAT* оказалась вполне успешной. Об этом говорит решение продолжать кампанию, первоначально задумывавшуюся как дополнение к Олимпийским играм в Лондоне, и после завершения Олимпиады. Результаты инициативы были рассмотрены Комитетом по «мягкой силе» и влиянию Великобритании в рамках парламентской сессии 2013–2014 гг., после чего Комитет рекомендовал Правительству продолжить реализацию кампании, уделяя внимание отдельным культурным мероприятиям, которые потенциально способны положительно повлиять на въездной туризм (*Persuasion and Power in the Modern World*, 2014).

Правительство в документе, составленном в ответ на доклад Комитета, сообщило, что благодаря инициативе *GREAT* экономика страны получила более 500 млн. ф. ст. и ожидается, что связанная с данной кампанией дополнительная прибыль за 2013–2014 гг. составит еще 600–800 млн. (UK Government, 2014).

В целом благоприятный эффект оставила и Олимпиада, проходившая с 27 июля по 12 августа 2012 г. По результатам опроса, который провела маркетинговая компания *Ipsos-MORI*, 60% британцев и 56%, опрошенных за рубежом, считают, что церемония открытия Олимпийских игр успешно представила лучшие достижения как традиционной, так и современной Великобритании (*Ipsos-MORI*, 2012).

Позитивные тренды показывает и туристическая отрасль страны, при этом современная культура играет определенную роль в привлечении туристов, хотя и менее значительную, чем культурное наследие (*Visit Britain*).

Очередное исследование, проведенное в конце 2013 — начале 2014 г. по заказу Британского совета и посвященное восприятию Великобритании в мире, продемонстрировало, что хотя в качестве представителей современной британской культуры респонденты в первую очередь называют У. Шекспира (среди других представителей также упоминаются футболист Д. Бэкхем, королева Елизавета II и писательница Дж. Роулинг), тем не менее усилия по продвижению современно-

го образа Великобритании не пропали даром. Так, большинство респондентов соглашается с утверждениями, что «система образования в Великобритании способствует творчеству и инновациям», «сфера искусства в Великобритании является креативной и инновационной» и «Великобритания обладает ведущими мировыми институтами (учреждениями) и достопримечательностями в сфере искусства и культуры» (Culligan, Dubber, Lotten, 2014).

Название программы — *GREAT Britain* или *GREAT* интересно также рассмотреть в более широком контексте. В значении «великий, великая» слово *great* используется в качестве связующего звена между прошлым и настоящим страны. Однако в данном случае величие в современном мире переосмысливается и связывается с новыми атрибутами: не армией, территорией или экономической мощью, а с такими явлениями, как образование, культурное наследие, инновации, туризм, шопинг, креативность и т.п. То есть авторы данной программы стремятся закрепить новое представление о величии и транслировать его как в мире, так и внутри страны. Вместо того чтобы ориентироваться на достижения прошлого и стремиться вернуть «величие» в старом понимании, с помощью данной кампании меняется и закрепляется новый дискурс, переформулируется сам термин «великий, великая». Слово *great* используют в двойном значении, понимая под ним также «здорово, отлично, круто», отвечая требованиям времени.

В этом отношении кампания отличается как от призыва знаменитого Премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер в начале ее политической карьеры «вновь сделать Великобританию великой», так и от слогана кампании кандидата в президенты США Дональда Трампа «Вновь сделать Америку великой». В данном случае кампания GREAT реализуется по заказу действующего правительства, и ее цель — не призывать к возвращению прошлого величия, а убеждать зарубежные аудитории в превосходстве Великобритании в новом современном понимании.

* * *

Несмотря на определенные различия между инициативами ведущих британских политических партий, направленными на улучшение имиджа страны за рубежом, в целом британские элиты придают большое значение деятельности в этой области. «Мягкая сила» и влияние страны, восприятие Великобритании за рубежом и отношение к ней связываются с безопасностью и благосостоянием нации, возможностями для работы британского бизнеса, привлечением инвестиций и туристов.

Сегодня ключевой вопрос относительно восприятия Британии за рубежом связан с запущенным процессом по выходу Великобритании из Евросоюза (так называемый Brexit) после референдума, проведенного в июне 2016 г. Еще до проведения референдума растущий евроскептицизм британцев и перспектива выхода из ЕС оценивались экспертами как величайший риск для «мягкой силы» Великобритании (House of Lords, 2014). После объявления неожиданных

для многих результатов волеизъявления граждан Соединенного Королевства степень неопределенности существенно возросла и пока неясно, как именно будут решаться практические вопросы, например, связанные с иммиграцией, научным и образовательным сотрудничеством и т.п. Однако уже сейчас очевидно, что решение о выходе из Евросоюза может в чем-то ограничить возможности и влияние Великобритании на международной арене. Остается неясным, будут ли инициативы, направленные на улучшение имиджа страны по-прежнему играть роль во внешней политике на фоне происходящих исторических преобразований.

Библиографический список

1. Перегудов, С. П. (2013). Стратегические новации британского истеблишмента в конце XX — начале XXI веков. *Российский совет по международным делам*. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2787
2. Blair, T. (1996). *New Britain: My Vision Of A Young Country*. London: Fourth Estate.
3. Britannia's 'committee for cool'. (1998). *BBC*. 1.04.1998. Retrieved from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/72375.stm.
4. Compellingly dull. (1999). *The Economist*. 25.11.1999. Retrieved from: <http://www.economist.com/node/326836>.
5. Cool Britannia. (1998). *The Economist*. 12.03.1998. Retrieved from: <http://www.economist.com/node/370877>.
6. Cool Britannia dumps Blair. (2007). *The Daily Mail*. 08.05.2007. Retrieved from: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-451830/Cool-Britannia-dumps-Blair.html>
7. Culligan, K., Dubber, J. & Lotten, M. (2014). *As Others See Us. Culture, attraction and soft power*. London: British Council. Retrieved from: <http://www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/as-others-see-us-report.pdf>.
8. Dinnie, K. (2010). *Nation Branding*. Abingdon (UK) and New York: Routledge.
9. Fan, Y. (2006). Branding the nation: What is being branded? *Journal of Vacation Marketing*, 12 (1), 5–14.
10. Hoge, W. (1997). London Journal; Blair's 'Rebranded' Britain Is No Museum. *The New York Times*. 12.11.1997. Retrieved from: <http://www.nytimes.com/1997/11/12/world/london-journal-blair-s-rebranded-britain-is-no-museum.html>.
11. House of Lords. (2014). Soft Power and The UK's Influence Committee. *Oral and written evidence*. V. 2. Stationery Office.
12. Ipsos-MORI. (2012). *2012's strong overseas impact for the UK*. 18.12.2012. Retrieved from: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3094/2012s-strong-overseas-impact-for-the-UK.aspx>.
13. Labour's luvvies lost. (1998). *The Economist*. 12.03.1998. Retrieved from: <http://www.economist.com/node/371369>.
14. Leonard, M. (1997). *BritainTM. Renewing our identity*. London, DEMOS. Retrieved from: <http://www.demos.co.uk/files/britaintm.pdf>.
15. Maguire, K. & Gibbons, F. (2000). Dome — a devastating verdict. *The Guardian*. 07.09.2000. Retrieved from: <http://www.theguardian.com/uk/2000/sep/07/dome.fiachragibbons1>.

16. National Audit Office. (2015). Exploiting the UK brand overseas. *Report*. 5.06.2015. Retrieved from: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>.
17. Nye, J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, 80, 153–171.
18. Persuasion and Power in the Modern World. (2014). *House of Lords Paper 150*. Session 2013–14. S.l.: Stationery Office.
19. Ratcliffe, R. & Griffin, J. (1999). *Through other eyes. How the world sees the United Kingdom*. London: The British Council.
20. *Revised transcript of evidence taken before The Select Committee on Soft Power and the UK's Influence Inquiry on Soft Power And The UK's Influence*. (2013). Evidence Session № 19 Heard in Public Questions 310–328. 2 December 2013. Witnesses: Conrad Bird and Alex Aiken. Retrieved from: <http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/c021213Ev19.pdf>.
21. Swaine, J. (2011). *David Cameron criticised over GREAT Britain campaign*. *The Telegraph*. 22.09.2011. Retrieved from: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/8780563/David-Cameron-criticised-over-GREAT-Britain-campaign.html>.
22. UK Government. (2014). *Response to the House of Lords Select Committee report on soft power 2013-14*. Retrieved from: <https://www.gov.uk/government/publications/response-to-the-house-of-lords-select-committee-report-on-soft-power-2013-14>.
23. Visit Britain. *Inbound Tourism Trends Quarterly*. Visit Britain website. Retrieved from: <http://www.visitbritain.org/insightsandstatistics/reports/tourismtrendsquarterly.aspx>.

Статья поступила в редакцию 08.09.2016.

.....

THE BRITISH LABOUR AND CONSERVATIVES FOREIGN POLICY IMAGE CAMPAIGNS FROM LATE1990S TO 2010S

Kharitonova E. M.

Kharitonova Elena Markovna, Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23. E-mail:
ekharit@imemo.ru.

The article researches and compares the United Kingdom government initiatives aimed at renewing the UK image abroad. One of these campaigns was launched by the T. Blair Labour Government, and the other programme was initiated by the Conservative and Liberal Democrats Coalition Government and later continued under the D. Cameron Conservative government. The British elites from different political camps are looking for a balance between showcasing the country's traditional achievements and heritage and projecting a more modern image of the UK. After the attempts of the T. Blair Labour government to significantly change British image abroad, the establishment proceeded in a more balanced way, paying attention to interaction between different government bodies and agencies. At the same time the representatives of the leading British political parties connect the country's image, its influence and attractiveness with the nation's prosperity and security and use social and economic indicators to assess the effectiveness of implemented programmes.

Key words: United Kingdom foreign policy, Labour party, Conservative party, country image, soft power.

References

1. Peregudov, S. P. (2013). Strategicheskie novacii britanskogo isteblishmenta v konce XX — nachale XXI vekov [Strategic innovations of the British establishment in the end of XX — beginning of the XXI century]. *Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam* [Russian Council]. Retrieved from: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2787.
2. Blair, T. (1996). *New Britain: My Vision Of A Young Country*. London: Fourth Estate.
3. Britannia's 'committee for cool'. (1998). *BBC*. 1.04.1998. Retrieved from: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/72375.stm.
4. Compellingly dull. (1999). *The Economist*. 25.11.1999. Retrieved from: <http://www.economist.com/node/326836>.
5. Cool Britannia. (1998). *The Economist*. 12.03.1998. Retrieved from: <http://www.economist.com/node/370877>.
6. Cool Britannia dumps Blair. (2007). *The Daily Mail*. 08.05.2007. Retrieved from: <http://www.dailymail.co.uk/news/article-451830/Cool-Britannia-dumps-Blair.html>
7. Culligan, K., Dubber, J. & Lotten, M. (2014). *As Others See Us. Culture, attraction and soft power*. London: British Council. Retrieved from: <http://www.britishcouncil.org/sites/britishcouncil.uk2/files/as-others-see-us-report.pdf>.
8. Dinnie, K. (2010) *Nation Branding*. Abingdon (UK) and New York: Routledge.
9. Fan, Y. (2006). Branding the nation: What is being branded? *Journal of Vacation Marketing*, 12 (1), 5–14.
10. Hoge, W. (1997). London Journal; Blair's 'Rebranded' Britain Is No Museum. *The New York Times*. 12.11.1997. Retrieved from: <http://www.nytimes.com/1997/11/12/world/london-journal-blair-s-rebranded-britain-is-no-museum.html>.
11. House of Lords. (2014). Soft Power and The UK's Influence Committee. *Oral and written evidence*. V. 2. Stationery Office.
12. Ipsos-MORI (2012). *2012's strong overseas impact for the UK*. 18.12.2012. Retrieved from: <https://www.ipsos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3094/2012s-strong-overseas-impact-for-the-UK.aspx>.
13. Labour's luvvies lost. (1998). *The Economist*. 12.03.1998. Retrieved from: <http://www.economist.com/node/371369>.
14. Leonard, M. (1997). *BritainTM. Renewing our identity*. London, DEMOS. Retrieved from: <http://www.demos.co.uk/files/britaintm.pdf>.
15. Maguire, K. & Gibbons, F. (2000). Dome — a devastating verdict. *The Guardian*. 07.09.2000. Retrieved from: <http://www.theguardian.com/uk/2000/sep/07/dome.fia-chragibbons1>.
16. National Audit Office. (2015). Exploiting the UK brand overseas. *Report*. 5.06.2015. Retrieved from: <https://www.nao.org.uk/wp-content/uploads/2015/06/Exploiting-UK-brand-overseas.pdf>.
17. Nye, J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*, 80, 153–171.
18. Persuasion and Power in the Modern World (2014). *House of Lords Paper 150*. Session 2013–14. S.l.: Stationery Office.
19. Ratcliffe, R. & Griffin, J. (1999). *Through other eyes. How the world sees the United Kingdom*. London: The British Council.

20. *Revised transcript of evidence taken before The Select Committee on Soft Power and the UK's Influence Inquiry on Soft Power And The UK's Influence.* (2013). Evidence Session № 19 Heard in Public Questions 310–328. December 2013. Witnesses: Conrad Bird and Alex Aiken. Retrieved from: <http://www.parliament.uk/documents/lords-committees/soft-power-uk-influence/c021213Ev19.pdf>.
21. Swaine, J. (2011). David Cameron criticised over GREAT Britain campaign. *The Telegraph*. 22.09.2011. Retrieved from: <http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/8780563/David-Cameron-criticised-over-GREAT-Britain-campaign.html>.
22. UK Government. (2014). *Response to the House of Lords Select Committee report on soft power 2013-14*. Retrieved from: <https://www.gov.uk/government/publications/response-to-the-house-of-lords-select-committee-report-on-soft-power-2013-14>.
23. Visit Britain. *Inbound Tourism Trends Quarterly*. Visit Britain website. Retrieved from: <http://www.visitbritain.org/insightsandstatistics/reports/tourismtrendquarterly.aspx>.

ТОПОНИМИКА СЕТЕВОГО ЛАНДШАФТА ONLINE-ПРОСТРАНСТВА¹

Рябченко Н. А.

Рябченко Наталья Анатольевна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодар, Ставропольская ул., 149. Эл. почта: rgnatali@mail.ru

В статье рассматриваются вопросы развития и трансформации топонимики сетевого ландшафта online-пространства и их влияния на развитие социального пространства. Выделяя и описывая два этапа развития топонимики сетевого ландшафта: этап формирования технологической структуры и этап социального проектирования, автор исследует практики использования информационно-коммуникационных технологий и инновационные практики социального проектирования, реализуемые посредством online-пространства, такие, например, как краудсорсинг и гражданские приложения. В статье дается определение топонимики сетевого ландшафта online-пространства как процесса образования и трансформации online-топонимов, анализа их влияния на процессы, протекающие в социально-политической действительности. Выделяются основные online-топонимы, определяющие и идентифицирующие топонимику сетевого ландшафта online-пространства: поисковые системы; социальные платформы; online-представительства органов власти; частные сайты; почтовые сервисы; online-СМИ; краудсорсинг и гражданские приложения. Рассматривается система доменных имен, которая послужила единицей построения и идентификации сетевого ландшафта online-пространства, которая формирует его структуру и позволяет функционировать некоторым его частям как микросистемам, создавая целые экосистемы. Также анализируется процесс получения РФ кириллического домена и социально-политические последствия его функционирования. Статья описывает изменение структурных особенностей топонимики сетевого ландшафта online-пространства, приводящее к идентификации социально-политических процессов на уровне пользователей и позволяющее применять для их оценки, анализа и прогнозирования новые методики и инструментарий, в том числе сетевой анализ. Это позволяет рассматривать online-пространство как глобальный социальный граф, а взаимодействие пользователей и контента, который они генерируют, как новую форму гражданского позиционирования — цифровой активизм.

Ключевые слова: online-пространство, сетевой ландшафт, блогер, социальные сети, краудсорсинг, гражданские приложения, цифровой активизм, online-СМИ, киберсквоттинг, домен.

Социальное пространство, понимаемое как социальное пространство в интерпретации П. Бурдьё, постоянно находится в состоянии трансформационных изменений, в том числе под влиянием процессов, протекающих в online-пространстве и являющихся частью политического мира или политического

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 15-03-00339 «Фронтير сетевого общества как пространство политического взаимодействия», 2015–2017 гг.

процесса, приведенного в бытие через сложные наборы взаимодействий между online- и offline-подпространствами социального пространства. Различные структурные элементы online-пространства одновременно являются потребителями и источниками общественно значимой информации, формируя при этом собственную систему защиты и идентичностей. Конечно же, определяющим свойством online-пространства является не наличие технических средств коммуникации, а способность применять их в сочетании с «умением не ограничиваться в какой-либо логике, требующей в том числе определенной самостоятельности, подразумевающей стремление к «равенству равных» (Балакирева, 2006).

Топонимика — это интегральная научная дисциплина и раздел ономастики на стыке лингвистики, географии, архитектуры, истории и других наук, изучающая географические названия (топонимы), их происхождение, смысловое значение, генезис и современное состояние, написание и произношение (Топонимика, 2016). Применительно к исследуемому нами online-пространству топонимикой сетевого ландшафта online-пространства мы назовем процесс образования и трансформации online-топонимов, анализ их влияния на процессы, протекающие в социально-политической действительности.

В данной работе мы выделим и обоснуем два этапа развития топонимики сетевого ландшафта online-пространства: первый этап с 1991 по 2004 г. — этап формирования технологической структуры, второй этап — с 2004 г. по настоящее время — этап социального проектирования.

В 1991 г. британский ученый Тимоти Бернес-Ли официально представил первый в мире интернет-ресурс — info.cern.ch, что можно считать точкой отсчета первого этапа развития топонимики сетевого ландшафта online-пространства, который характеризовался тем, что формировалось пространство и устанавливались правила функционирования Интернета — технологические правила. Была сформирована системы доменных имен, которая послужила единицей построения и идентификации сетевого ландшафта online-пространства, базовым уровнем идентификации которого стали сайты. Их популярность и эффективность измерялась количеством пользователей, посещающих их.

Топонимику сетевого ландшафта online-пространства на данном этапе составляют элементарные структурные единицы — доменные имена², которые присваиваются любым online-ресурсам. Технологии online-проектирования развиваются, но ни одна из них не предложила нового и более эффективного способа адресации в online-пространстве. Домен — это часть online-пространства, формирующая его структуру и в то же время позволяющая функционировать части этого пространства как микросистеме, создавая целые экосистемы, в которых пользователям предоставляются необходимые им возможности функ-

² Доменное имя — символическое имя, идентифицирующее единицы административных автономий в online-пространстве. Пространство имен функционирует благодаря системе доменных имен DNS — Domain Name System.

ционирования и доступ к информации. Некоторые пользователи не выходят за пределы экосистем и существуют только внутри них, например, в рамках социальных платформ.

До 1998 г. в глобальной сети существовала монополия на регистрацию имен общего пользования и регистрацией занималась только одна компания, что обеспечивало высокую стоимость регистрации и препятствовало увеличению количества зарегистрированных доменов. В 1998 г. при участии правительства США была создана международная некоммерческая организация для рассмотрения и урегулирования вопросов, связанных с IP-адресами, доменными именами и другими аспектами функционирования Интернета — ICANN (Internet Corporation for Assigned Names and Numbers) (Сайт ICANN, 2016).

ICANN ввела так называемую распределенную систему регистрации доменных имен, вследствие чего аккредитованные регистраторы по всему миру получили доступ к системе реестров доменных имен. Это сформировало достаточно конкурентный доменный рынок и увеличило количество доменных имен. Но, несмотря на все эти меры и уровень глобализации Интернета, организация ICANN так и оставалась подшефной правительству США. Каждый год ICANN готовила отчеты в Национальное управление по телекоммуникациям и информационным технологиям Министерства торговли США, что вносило некоторый диссонанс в работу самого Интернета и особенно в его систему управления.

С 1 октября 2009 г. ICANN получила автономный статус и контроль за ее деятельностью осуществляется Правительственным консультативным комитетом (Governmental Advisory Committee), членами которого являются более 80 стран мира. Данная система руководства должна обеспечить сбалансированное управление адресным пространством с учётом мнения всех участников этого процесса. Корпорация ежегодно проводит международные конференции, в октябре 2009 г. в Сеуле прошло окончательное обсуждение пакета документов, регламентирующих появление доменов верхнего уровня, запись которых будет вестись символами национальных алфавитов (IDN ccTLD). До принятия этого документа в Интернете существовала система написания доменных имен, поддерживающая только 37 символов ASCII, включающих в себя буквы латинского алфавита, арабские цифры и дефис.

Итогом конференции для России стала возможность подачи заявки на регистрацию и делегирование домена «.РФ» (предварительная заявка подавалась еще в 2008 г. на конференции ICANN в Каире). Начиная с 20 апреля 2010 г. регистрация доменных имен в зоне «.РФ» стала доступна всем желающим. В зоне «.РФ» существует четыре типа доменных имен: зарезервированные, географические, запрещенные, индивидуальные. К зарезервированным доменным именам относятся: доменные имена для государственных нужд (доменные имена, соответствующие сокращенным наименованиям федеральных органов исполнительной власти). Географические доменные имена: соответствующие наименования федеральных

округов Российской Федерации; соответствующие наименования субъектов и столиц субъектов Российской Федерации; соответствующие наименования столиц областных центров. К запрещенным к использованию доменным именам (стоп-лист) относятся: доменные имена, которые не могут быть зарегистрированы в домене «.РФ». Сюда входят обозначения, представляющие собой или содержащие слова, противоречащие общественным интересам, принципам гуманности и морали (в частности, слова непристойного содержания, призывы антигуманного характера, оскорбляющие человеческое достоинство либо религиозные чувства и т.п.).

Почему же выбрано было именно «.РФ»? Учитывая правила, используемые при регистрации доменных имен первого уровня и принадлежащих географическим объектам, выбор написания имени домена скорее всего был обусловлен графической уникальностью кириллического символа «Ф». Пользователи сети однозначно смогут определить принадлежность сайта к кириллическому домену, и к тому же согласно Конституции Российской Федерации наименования *Российская Федерация* и *Россия* равнозначны, следовательно, имя домена «.РФ» указывает на принадлежность сайта к определенной стране — России.

Многие пользователи Рунета высказывались за создание кириллического домена «.ру» схожего по звучанию с доменом «.ru». Возможно, для введения кириллического домена «.ру» нашлось бы много обоснований, но тот факт, что графическое написание кириллического домена «.ру» совпадало бы с графическим написанием на латинице национального домена верхнего уровня Парагвая, снимает различные вопросы, связанные с тем, почему не «.ру». Необходимо отметить, что возможные последствия такого совпадения, учитывая несовершенство российского законодательства в области Интернета, вероятнее всего вызвали бы еще большую волну киберсквоттинга в Рунете.

Киберсквоттинг — это захват доменных имен, подразделяющийся на направления (Виды киберсквоттинга, 2016):

- 1) отраслевой киберсквоттинг — регистрация доменов по видам коммерческой деятельности, по названиям товаров, услуг, отраслей экономики;
- 2) брендовый киберсквоттинг — регистрация доменов по названию фирм или торговых марок;
- 3) географический киберсквоттинг — регистрация доменов по названиям географических объектов, населенных пунктов, областей и т.п.;
- 4) именной киберсквоттинг — регистрация доменов, созвучных по написанию с именами знаменитых людей;
- 5) тайпсквоттинг — использование опечаток пользователя при наборе раскрученного доменного имени, в том числе нарушения правил написания слов или транскрипции.

Последствия таких действий могут приводить к социально-экономическим и политическим проблемам как в online-, так и offline-среде. Итак, Россия владеет

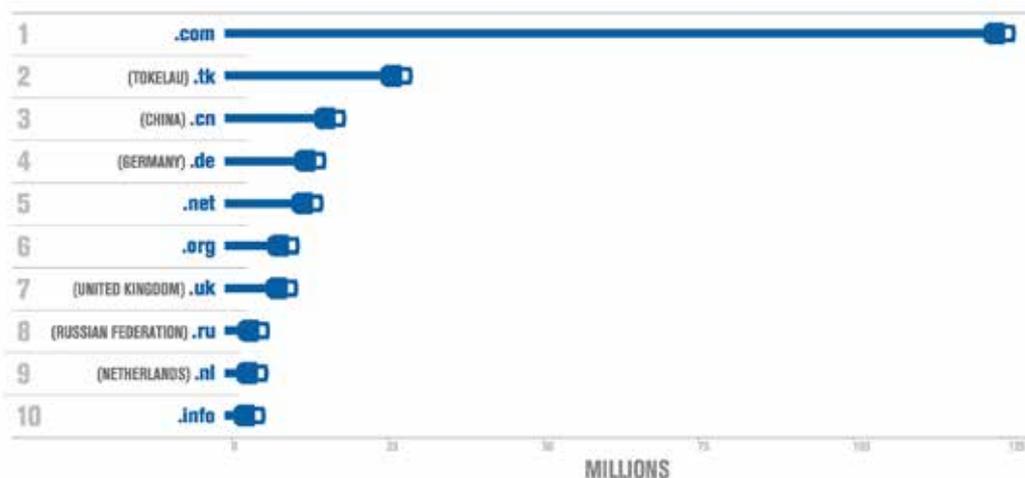

Рис. 1. Топ-10 крупнейших доменных зон (The domain name, 2016)

национальным кириллическим доменом «.РФ», полученным не без активной поддержки со стороны Правительства РФ и Президента РФ.

Насколько масштабным является online-пространство? Об этом свидетельствует более 326 млн. доменных имен в online-пространстве (Domain Name Industry Brief, 2016). Статистика распределения доменных имен по зонам верхнего уровня представлена на рис. 1.

Доменные имена верхнего уровня классифицируются следующим образом:

1) неспонсируемые домены (основные, существуют с 1995 г.) — «.com» (commercial) — для коммерческих организаций, «.net» (networks) — для сетевых структур, «.org» (organizations) — некоммерческие организации, «.biz» (business organizations) — только коммерческие организации (с ограничениями), «.info» (information) — домен, открытый для всех, «.name» (personal) — для персональных сайтов (с ограничениями), «.pro» (professionals) — для специалистов определенных профессий (с ограничениями);

2) спонсируемые домены — «.asia» — домен для резидентов Азиатско-Тихоокеанского региона, «.int» — общий домен верхнего уровня для международных организаций, «.aero» — организации и физические лица, так или иначе связанные с аэроиндустрией, «.cat» — предназначен для представителей каталонского лингвистического и культурного сообщества, «.coop» — для кооперативных организаций, «.eco» — для интернет-ресурсов, связанных с экологией, «.jobs» — домен для веб-сайтов с информацией о востребованных профессиях и вакансиях, «.mobi» — для сайтов и сервисов, ориентированных на работу с мобильными телефонами и беспроводными устройствами, «.moe» — для развития продуктов связанных с моэ, «.museum» — для музеев, «.post» — для почтовых организаций, «.tel» — для хранения и управления персональными

и корпоративными контактами, «.travel» — для туристической индустрии, «.eu» — Европейский союз;

3) домены ограниченного использования — «.edu» (educational) — для образовательных проектов и высших учебных заведений США, «.gov» (US Government) — зарезервирован для правительства США, «.int» (international organizations) — для международных организаций, «.mil» (US DeptofDefense) — для военных организаций и учреждений США.

4) зарегистрированные домены — «.arpa» — для инфраструктуры Интернета, ранее для адресов в закрытой (военной) части сети Интернет, «.root» — только для внутренних целей;

5) зарезервированные домены — «.example» — зарезервировано для примеров, «.invalid» — зарезервировано для примеров нерабочих адресов, «.localhost» — зарезервировано для того, чтобы избежать конфликтов с традиционным использованием localhost, «.test» — зарезервировано для использования в тестах;

6) национальные домены — домены, выделенные для конкретных стран. Всегда состоят из двух букв и, как правило, соответствуют кодам стран, закреплённым в стандарте ISO 3166.

В российском сегменте online-пространства в зоне «.ru» — 5 287 380 ресурсов, «.РФ» — 892 466 ресурсов и «.su» — 118 950 ресурсов. Зона «.su» — своеобразное цифровое наследие СССР, однако регистрация в этой зоне новых ресурсов продолжается по настоящее время.

Одним из первых ресурсов, зарегистрированных в зоне «.ru», стал сервер органов государственной власти РФ — «gov.ru» (ресурс открылся 14 марта 1998 г.). В 2010 г. был зарегистрирован домен второго уровня «Россия.рф», который стал кириллическим способом написания вышеописанного ресурса. Все сегменты государственной власти, по логике создания «gov.ru» / «Россия.рф», должны были бы располагаться в доменах третьего и четвертого уровня в зависимости от иерархии власти, выстроенной в стране. Но этого не произошло, и сегодня мы имеем совершенно неподдающуюся классификации и выстраиванию в общей логике систему сайтов представительств государственных органов власти различных уровней. Например, сайт Министерства внутренних дел РФ — «<http://www.mvd.ru>», хотя по логике создания «gov.ru» он должен был бы быть «<http://www.mvd.gov.ru>». В случае использования доменных имен третьего уровня для «gov.ru» была бы частично снята проблема киберсквотинга государственных ресурсов.

Научные исследования на этом этапе развития топонимика сетевого ландшафта online-пространства сводились к анализу количества пользователей Интернета и динамики использования ими тех или иных ресурсов. Помимо этого, появились первые исследования политического использования Интернета, в том числе исследования новых политических коммуникаций и политического пиара в online-пространстве.

В 1993 г. сенатор Эдвард Кеннеди стал первым политиком, который создал свой персональный сайт и первым стал использовать Интернет для общения и привлечения сторонников (Casey, 1996). В 1999 г. военный конфликт в Косово спровоцировал первую в истории политики и online-пространства кибервойну. Online-пространство использовалось для порицания военных действий как со стороны НАТО, так и со стороны Югославии путем нарушения работы сайтов и получения полного контроля над ними. Пользователи сети обменивались различного рода информацией (текстами, видеороликами), которая не содержалась в offline-СМИ. В газете «Los Angeles Times» вышла статья «Crisis in Yugoslavia — Battle Spill in govern to the Internet», в которой говорилось о том, что конфликт в Косово превратил Интернет в нематериальную военную зону, где сражение за умы и сердца ведется с помощью электронных изображений, групповых почтовых рассылок и хакерских нападений (Dunn, 1999). В online-пространстве стали формироваться политические практики, направленные на изменение публичного политического пространства. На этом этапе происходит формирование первых online-СМИ, работающих по принципу «каждый гражданин — репортер». Так, в 2000 г. в Южной Корее выходит online-издание OhmyNews, основные принципы работы которого сводятся к формированию гражданской журналистики.

Возникающие новые политические практики и возможность гражданского общества критически реагировать на действия властей заставляют некоторые государства, преимущественно с авторитарными типами политических режимов, отказаться от использования online-пространства и полностью запретить доступ к нему. Так, в 2001 г. исламское движение «Талибан», находившееся у власти в Афганистане, запретило доступ граждан в Интернет. Это решение властей в первую очередь связано с тем, что талибы не могли выстроить систему контроля и регулирования online-пространства и избрали самый доступный способ — полный запрет. Несмотря на то, что большая часть страны жила без электричества, те, кто мог себе позволить доступ к цифровым источникам информации, используя линии телефонной связи, предоставленной государством Пакистан, были лишены и этой возможности (Taliban, 2001).

Второй этап развития топоники сетевого ландшафта online-пространства характеризуется в первую очередь появлением и развитием online-социальных платформ, таких как Facebook и ВКонтакте. Их использование привело к тому, что идентификация ландшафта online-пространства сменила базовый уровень «интернет-ресурс» на базовый уровень «пользователь». Это произошло благодаря тому, что во всех социальных платформах каждому пользователю присваивается уникальный идентификационный номер ID. Это позволяет исследовать Интернет как глобальный социальный граф, анализируя связи пользователей и целых сообществ. При этом социальный граф может быть описан четырьмя классами моделей социальных сетей (Рябченко, 2015):

1) иерархические сети — сети с односторонней ориентацией связей от центральной вершины к периферийным. Подобного рода сети необходимы для формирования систем оповещения и оперативной работы групп волонтеров в условиях чрезвычайных ситуаций;

2) случайные сети — основываются на теории случайных графов и описываются распределением вероятности или случайным процессом, создающим эти сети (Райгородский, 2011);

3) сети «малого мира» — сети, характеризующиеся относительно постоянным средним количеством промежуточных вершин и связей между ними. К сетям «малого мира» применимы сетевые технологии «массовой информационной мобилизации», которые заключаются в том, что если в сеть поместить информационный мобилизующий образ, то он будет распространяться в сети лавинообразно, образуя цифровую эпидемию. Точно подобранная информация вызывает массовую социальную реакцию, при этом важны два фактора: первый — социально-политическое поле должно состоять из сетей «малого мира», второй — должна быть выстроенная актуализированная система информационных образов;

4) безмасштабные сети. Процессы, протекаемые в наблюдаемых online социальных сетях, чаще всего описываются моделями безмасштабных сетей: в социальных сетях есть небольшое количество пользователей с большим количеством связей (в классификации пользователей это сенсоры или лидеры мнений) и огромное количество пользователей с несколькими связями (в классификации пользователей это читатели). В последнее время подобные сети стали называть сложными сетями (scale free networks), поскольку именно безмасштабные сети способны описать сценарий входа сложных систем в критическое состояние — точку бифуркации.

Использование различных социальных сервисов привело к развитию краудсорсинговых технологий и гражданских технологических сообществ, включающих в себя практически все сферы социальной деятельности от публичной политики до НКО и городского планирования.

Анализируя весь период развития online-пространства, можно выделить основные структурные элементы — online-топонимы, определяющие и идентифицирующие топонимику сетевого ландшафта online-пространства:

- 1) поисковые системы;
- 2) социальные платформы;
- 3) online-представительства органов власти;
- 4) частные сайты;
- 5) почтовые сервисы;
- 6) online-СМИ;

7) краудсорсинг и гражданские приложения.

Наибольший интерес с точки зрения анализа топонимики сетевого ландшафта online-пространства в рамках изучения социально-политических процессов представляют поисковые системы, социальные платформы, гражданские приложения online-СМИ, поскольку именно они формируют основные тренды социально-политических изменений, формирующихся в online-пространстве.

Online-представительства органов власти различного уровня, созданные, как правило, на первом этапе развития online-пространства и регулируемые Федеральным законом «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ (Федеральный закон № 8-ФЗ, 2016), не фокусируют на себе внимание online-пользователей и никак не учитывают тенденции развития социальных online-технологий, появившихся и развивающихся на втором этапе — краудсорсинг, маппирование данных, гражданские приложения, открытые данные.

Согласно данным автоматизированной информационной системы «Мониторинг государственных сайтов» в 2016 г. (Сайт «Мониторинг государственных сайтов», 2016):

– рейтинг государственных ресурсов федерального уровня (первая тройка) включил: сайт Федеральной службы судебных приставов, сайт Федеральной налоговой службы, сайт Министерства финансов Российской Федерации;

– рейтинг государственных ресурсов регионального уровня (первая тройка) включил: официальный интернет-портал Правительства Мурманской области, сайт администрации Томской области, официальный информационный портал Республики Саха (Якутия);

– рейтинг государственных ресурсов муниципального уровня (первая тройка) включил: официальный портал Администрации города Таганрога, сайт администрации города Шахты, официальный сайт города Казани.

Если мы рассмотрим online-пространство как часть разработки и реализации локальной политики, то в этом случае именно сайты органов муниципальной власти становятся единицей измерения топонимики сетевого ландшафта online-пространства. Однако, как показывает рейтинг государственных ресурсов муниципального уровня, несмотря на единую систему требований к подобного рода ресурсам и запросы со стороны населения, уровень online-представительств муниципальных органов власти в online-пространстве разный. Так, официальный портал Администрации города Таганрога, находящийся в топе рейтинга, при численности населения муниципального образования 251 050 чел. имеет ежемесячную аудиторию в 159 748 просмотров. Официальный портал города Орск, занимающий в рейтинге 143 место, с численностью населения 231 104 чел., имеет ежемесячную аудиторию в 65 379 просмотров. Это означает, что потребность со стороны населения в сайтах увеличивается согласно повышению качества самих ресурсов.

Таблица 1

Рейтинг популярности среди пользователей поисковых систем, 2015 г.

1-е место	Яндекс	64,11%
2-е место	Google	32,51%
3-е место	Поиск@Mail.ru	2,22%
4-е место	Rambler (поиск Яндекс)	0,48%
5-е место	Bing.com	0,46%

Поисковая система — online-сервис, предназначенный для поиска контента, соответствующего запросу пользователя. В октябре 1996 г. в только формирующимся сегменте российского online-пространства появилась первая российская поисковая система «Рамблер», она, как и практически все первые online-проекты в России, была создана как частная инициатива первопроходцев Рунета. Спустя несколько месяцев был создан первый счетчик Рунета «Рамблер-Топ-100», фиксирующий и определяющий рейтинг ресурсов online-пространства России. При помощи этого счетчика был составлен первый каталог online-ресурсов, что в свою очередь положило начало развитию аналитического инструментария Рунета. На данный момент «Рамблер-Топ-100» содержит более 142 тыс. сайтов с ежедневным обращением к аналитике более 300 раз («Рамблер-Топ-100», 2016). «Рамблер» существует и по сей день, однако его технологии поиска полностью основываются на технологиях самой популярной поисковой системы в России — «Яндекс» (см. табл. 1).

«Яндекс» — поисковая система, созданная в 1997 г. компанией ComТек; среднемесячная аудитория поисковой системы составляет более 45 млн. чел. (СервисПоиск, 2016). Сегодня «Яндекс» — не просто поисковая система, это одна из крупных IT-компаний России, которая в том числе занимается проведением различных исследований online-пространства, например, посвященных особенностям поиска контента пользователями системы «Яндекс». В апреле 2012 г. «Яндекс» посетило более 19 млн. пользователей, при том что аудитория телевизионного федерального «Первого канала» составила 18,2 млн. чел. («Яндекс» стал «главной кнопкой», 2012). В результате был инициирован законопроект о внесении поправок в закон об иностранных инвестициях, который расширяет список компаний, имеющих для России стратегическое значение, и включающий в него интернет-компании, оказывающие социально значимые услуги³. В результате под действие этого законопроекта попала не только компания «Яндекс», но и компания «ВКонтакте», представляющая самую популярную социальную платформу в России.

³ Социально значимые услуги — услуги по поиску информации в online-пространстве, включающие электронную почту, сервисы по загрузке, хранению и просмотру аудио и видео, справочные сервисы, файлообменники.

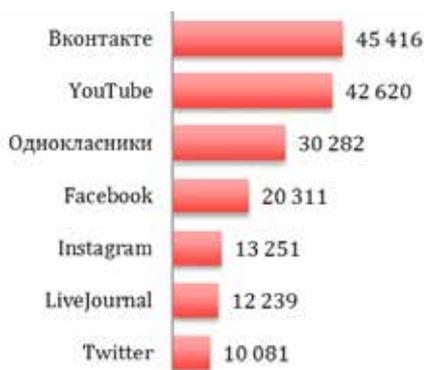

Рис. 2. Рейтинг социальных платформ в России, тыс. чел.

Социальная платформа — online-сервис, платформа или сайт, используемые для построения и отображения социальных сетей и социальных связей между людьми. До развития социальных сервисов и платформ топонимика online-пространства имела единицу измерения — доменное имя. С появлением социальных платформ стало возможным при исследовании топонимики перейти на уровень пользователей и сообществ, применяя в том числе теорию социальных графов. Эта возможность обусловлена тем, что каждому пользователю или сообществу в социальной платформе присваивается идентификационный номер ID⁴. Рейтинг социальных платформ в России представлен рис. 2. Именно благодаря номеру ID возможно устанавливать связи между пользователями и их действиями в online-пространстве, составляя социальные графы и анализируя характеристики получаемых социальных графов, также соотнося их с типами социальных сетей.

Развитие социальных платформ и формирование на их основе различных социальных сетей позволило выделять среди всех пользователей online-пространства тех, кто оказывает значительное влияние на формирование информационно-новостного поля — блогеров. Степень этого влияния определяется тем, что с 1 августа 2014 г. все владельцы популярных сайтов и социальных платформ обязаны исполнять российское законодательство вне зависимости от профиля сайта и социальной платформы, места его размещения и регистрационной зоны. Эти требования устанавливаются Федеральным законом № 97-ФЗ от 5 мая 2014 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, инфор-

⁴ ID — идентификационный номер, необходимый для присвоения персональной странице пользователя или сообщества на различных интернет-ресурсах персонального порядкового номера. Например, социальная платформа «ВКонтакте» использует цифровой идентификатор для привязки всех файлов и ссылок к одной анкете. То есть, даже если вы смените в настройках имя или фамилию и укажете другой адрес страницы, то вся информация будет поступать к вам, исходя не из нового адреса, а используя номер страницы, т.е. ее неменяющийся ID.

мационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», известный в online-пространстве как «Закон о блогерах» (Федеральный закон № 97-ФЗ, 2014).

Блогеры — это лидеры мнений, которые выступают посредниками между властью, СМИ и собственной группой, осуществляющие выбор и интерпретацию передаваемого в online-пространство контента. Для привлечения и формирования online сетевых сообществ с помощью online социальных сетей и блог-платформ достаточно привлечь внимание лидеров мнений, которыми и являются политические блогеры. Политические блогеры как лидеры мнений распространяют информацию методом «снежного кома», транслирую свою точку зрения на те или иные социально-политические события в стране (Рябченко, 2012).

Информационно-аналитическая система «Медиалогия» в сентябре 2016 г. составила рейтинг цитируемости российских блогеров в СМИ на основе анализа количества цитирований контента, генерируемого блогерами, в СМИ (Блогеры, 2016):

- 1-е место — Мария Захарова (официальный представитель МИД РФ);
- 2-е место — Рамзан Кадыров (глава Республики Чечня);
- 3-е место — Екатерина Кронгауз (журналист).

Так, основная часть контента, генерируемого блогерами в сентябре, была посвящена отношениям России и США, войне в Сирии, внутренней политике и итогам выборов в Государственную Думу. Именно этот контент составил основу информационно-новостного поля в online и offline-СМИ. В целом нужно отметить что именно развитие блогосферы положило начало формированию гражданской журналистике и online-СМИ.

Online-СМИ — web-ресурсы, основное назначение которых выполнять функцию средств массовой информации в online-пространстве, руководствуясь принципами журналистики. В общем виде online-СМИ можно разделить на две категории: первая — основой для которых являются печатные издания; вторая — web-ресурсы, не имеющие печатных версий и существующие только в online-пространстве. Рейтинг соответственно и доля участия в формировании информационно-новостного поля online-пространства во много зависит от индекса цитируемости (ИЦ). Приведем топ-10 самых цитируемых online-СМИ (см. табл. 2), составленных в сентябре 2016 г. компанией «Медиалогия» и представленных на сайте Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям (Федеральные СМИ, 2016).

Если сравнить индекс цитирования по всем видам СМИ (и online, и offline), то можно обнаружить, что рейтинг online-СМИ возглавляет «Life.ru» с ИЦ 2027,46; рейтинг радиостанций возглавляет «Говорит Москва» с ИЦ 711,11; рейтинг ТВ-каналов возглавляет «Россия 24» с ИЦ 391,99. Отметим значительный отрыв

Таблица 2

Топ-10 самых цитируемых online-СМИ, 2016 г.

№	СМИ	ИЦ
1	Life.ru	2027,46
2	Rbc.ru	1 831,57
3	Lenta.ru	1 477,78
4	Gazeta.ru	1 159,05
5	Fontanka.ru	537,72
6	Kp.ru	281,36
7	Dni.ru	222,03
8	Meduza.io	206,46
9	Nsn.fm	204,40
10	Vesti.ru	201,07

в цитировании представителей online-СМИ, региональные рейтинги показывают в целом равенство ТВ-каналов и online-СМИ и существенное отставание в цитировании традиционных СМИ.

Online-СМИ в online-пространстве в первую очередь ориентированы на артикуляцию существующих в обществе интересов как в online-, так и в offline-пространстве, сопоставление мнений и взглядов, формирование общественного мнения, обсуждение и экспертизу деятельности власти. Все это прямо или косвенно приводит к выстраиванию канала обратной связи, необходимого, например, для полноценного функционирования краудсорсинговых проектов и гражданских приложений.

Краудсорсинг — надстройка online-пространства, создающая связующее звено между offline- и online-пространствами. Offline-пространство формулирует действенный посыл, а online-пространство предоставляет инструменты посредничества между той или иной группой людей и способно трансформировать, видоизменять действенный посыл, исходя из потребностей общества.

В целом краудсорсинг, используемый в социально-политической сфере, можно разделить на следующие направления:

- создание публичного политического профиля (в 2013 г. в ходе предвыборной кампании в австралийский парламент один из кандидатов Кевин Радд использовал краудсорсинг для создания предвыборного слогана и фирменного стиля, который использовался в изготовлении футболок);

- предоставление народу возможности участия в принятии значимых имиджевых решений (в 2010 г. правительство Индии при помощи краудсорсинга создало новый дизайн национальной валюты — рупии, тем самым сделав рупию узнаваемым во всем мире символом);

- сбор средств и пожертвований (большое количество самых разнообразных политических кампаний в мире используют краудсорсинговую платформу Fundly);
- помощь гражданскому населению в районах кризисов (примером этого направления краудсорсинга служат платформа «Ушахиди» и проект, реализуемый в России, «Карта пожаров»);
- использование социальных платформ для разработки и реализации политико-управленческих решений (процесс принятия Конституции Исландии в целом был выстроен как краудсорсинговый проект национального уровня, где основные каналы коммуникации были выстроены на базе популярных социальных платформ Facebook и Twitter).

Краудсорсинговые платформы могут продуцироваться «снизу» в результате сетевого взаимодействия активных и заинтересованных граждан, создавая социальные сети или актуализируя уже существующие, для мобилизации различных ресурсов по разрешению какой-либо общественно-значимой проблемы. В качестве примера краудсорсинга «снизу» можно рассмотреть создание и функционирование проекта «Краудсорсинг.ру» и в особенности карты краудсорсинговых проектов, размещенных на этом портале. Карта создана участниками проекта «Краудсорсинг.ру» и независимым экспертом Светланой Гордеевой (Портал крауд-сервисов, 2016).

Краудсорсинг «сверху» предлагает активную позицию органов публичного управления в проектировании и запуске электронного ресурса, способствующего мобилизации ресурсов граждан в разрешении определенной проблемы. Примером краудсорсинга «сверху» является деятельность властей г. Москвы, которая выражается в создании и функционировании таких проектов, как «Активный гражданин» и «Краудсорсинговые проекты правительства Москвы» (Порталпроекта, 2016).

Использование краудсорсинговых технологий неизбежно привело к формированию гибридных междисциплинарных коллективов, деятельность которых послужила толчком для развития новых направлений в социальном проектировании, в частности, привело к развитию гражданских приложений, основанных на том, что гражданское общество с помощью инновационных технологий может самостоятельно решать целый пласт проблем, например, ликвидация последствий стихийных бедствий. Civicapp — прикладное программное обеспечение, направленное на активизацию пользователей online-пространства для участия в конструктивном общественном развитии. Такие приложения создаются с целью повышения уровня общественного блага, гражданской активности и в целом для увеличения социального капитала, они работают online, в том числе как мобильные приложения (Mobileapp).

Развитие информационно-коммуникационных технологий, с одной стороны, усложняет социальное пространство, с другой — предоставляет дополнитель-

ные возможности для реализации самых разнообразных задач, тем самым формируя целое направление в гражданском позиционировании — цифровой активизм, которое, опираясь на все структурные элементы online-пространства, изменяет и трансформирует не только топонимику сетевого ландшафта online-пространства, но и преобразует социальное пространство в целом.

Библиографический список

1. Балакирева, Н. Ю. (2006). *Информационное пространство политики современной России: формирование сетевой организации*. Орел: Издательство ОРАГС.
2. *Блогеры. Сентябрь 2016*. (2016). Режим доступа: <http://www.mlg.ru/ratings/blogers>
3. *Виды киберсквоттинга, рынок купли продажи доменов*. (2016). Режим доступа: <http://cybersquatting.ru/>
4. *Портал крауд-сервисов*. (2016). Режим доступа: <http://crowdsourcing.ru/>
5. Портал проекта «Краудсорсинговые проекты правительства Москвы». (2016). Режим доступа: <http://crowd.mos.ru>
6. Райгородский, А. М. (2011). *Модели случайных графов*. Москва: МЦНМО.
7. *«Рамблер-Топ-100»*. (2016). Режим доступа: <http://top100.rambler.ru>
8. Рябченко, Н. А., Гнедаш, А. А. (2015). Online социальные сети в публичной политике России: методика стохастического моделирования поведения. В Л. В. Сморгунов *Управление публичной политикой: коллективная монография* (с. 83–91). Москва: Издательство «Аспект Пресс».
9. Рябченко, Н. А., Мирошниченко, И. В. (2012). *Институционализация публичной политики в online-пространстве современной России*. Краснодар: Просвещение-Юг.
10. *Сайт ICANN*. (2016). Режим доступа: <http://www.icann.org>
11. *Сайт автоматизированной информационной системы «Мониторинг государственных сайтов»*. (2016). Режим доступа: <https://gosmonitor.ru>
12. *Сервис Поиск*. (2016). Режим доступа: <https://stat.yandex.ru/Russia/Search?view=chart>
13. *Топонимика*. (2016). Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0>
14. *Федеральные СМИ. Сентябрь 2016*. (2016). Режим доступа: http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/
15. *Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 г. № 8-ФЗ (действующая редакция, 2016)*. (2016). Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/
16. *Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ*. (2014). Режим доступа: <https://rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html>
17. *«Яндекс» стал «главной кнопкой»*. (2012). Режим доступа: http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2012/05/25/obognal_televizor

18. Casey, C. (1996). *The Hill on the Net: Congress enters the information age*. Boston: AP Professional.
19. *Domain Name Industry Brief*. (2016). Retrieved from: http://www.verisign.com/en_US/innovation/dnib/index.xhtml
20. Dunn, A. (1999). Crisis in Yugoslavia — Battle Spilling over onto the Internet. *Los Angeles Times*, April 3.
21. *Taliban Bans Internet?* (2001). Retrieved from: <http://www.mediapost.com/publications/article/12301>
22. *The domain name industry brief*. (2016). Retrieved from: <http://www.verisign.com/assets/infographic-dnib-Q12016.pdf>

Статья поступила в редакцию 14.08.2016.

.....

TOPONYMY OF NETWORK LANDSCAPE IN ONLINE-SPACE

Ryabchenko N. A.

Ryabchenko Natalia Anatolievna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar, Stavropol St., 149. E-mail: rrrnatali@mail.ru

This article has been written with the Russian Humanitarian Scientific Fund project № 15–03–00339 "Frontier of the network society as a space of political cooperation", 2015–2017.

This article discusses the development and transformation of of toponomy of landscape network in online-space and their impact on the development of the social space. Identifying out and describing the two phases of the network landscape toponymy: a step of forming a technological structure and stage of social engineering — the author explores the practice of using information and communication technologies and innovative practices of social engineering implemented by online-space, such as crowdsourcing and civic applications. The article defines the toponomy of landscape network in online-space as a process of formation and transformation of online names, analysis of their influence on the processes occurring in the socio-political reality. Notable online names, defining, and identifying the toponomy of network landscape in online-space: search engines; social platforms; online-representative government; private sites; email services; online media; crowdsourcing and civic applications. The author consider the domain name system, which has served as the unit of construction and identification of the network landscape in online-space, which forms the structure and allows to operate some of its parts as microsystems, creating whole ecosystems. Also analyzes the process of obtaining a Russian Cyrillic domain and socio-political consequences of its functioning. This article describes the changing structural features of the toponyms of the network landscape in online space, leading to the identification of the socio-political processes at the user level and allows to apply for their assessment, analysis and forecasting new methods and tools, including network analysis, that allows to consider online-space as a global social graph and the user interaction and content that they generate — as a new form of civic positioning — digital activism.

Key words: online-space, a networkoflandscape, blogger, socialnetwork, crowdsourcing, civicapplications, digitalactivism, online media, cybersquatting, domain.

References

1. Balakireva, N. Ju. (2006). *Informacionnoe prostranstvo politiki sovremennoj Rossii: formirovanie setevoy organizacii* [The information policy of modern Russia: formation of network organizations]. Orel: Izdatel'stvo ORAGS.

2. *Blogery*. (2016). [Bloggers]. Retrieved from: <http://www.mlg.ru/ratings/blogers>
3. *Vidy kiberskvottinga, rynek kupliprodazhi domenov*. (2016). [The types of cybersquatting, a market of sale of domains]. Retrieved from: <http://cybersquatting.ru/>
4. *Portal kraud-servisov*. (2016). [The crowd-services portal]. Retrieved from: <http://crowd-sourcing.ru/>
5. *Portal proekta "Kraudsorsingovye proekty pravitel'stva Moskvy"*. (2016). [The portal of the project "Crowdsourcing projects of the government of Moscow"]. Retrieved from: <http://crowd.mos.ru>
6. Rajgorodskij, A. M. (2011). *Modeli sluchajnyh grafov*. [Models of random graphs]. Moskva: MCNMO.
7. *"Rambler-Top-100"*. (2016). Retrieved from: <http://top100.rambler.ru>
8. Rjabchenko, N. A. & Gnedash, A. A. (2015). Online social'nye seti v publichnoj politike Rossii: metodika stohasticheskogo modelirovanija povedenija [Online social networks in public policy Russia: methodology of stochastic simulation of behavior]. In L. V. Smorgunov *Upravlenie publichnoj politikoj: kollektivnaja monografija* (s. 83–91). [Management of public policy: the Collective monograph]. Moskva: Izdatel'stvo "Aspekt Press".
9. Rjabchenko, N. A. & Miroshnichenko, I. V. (2012). *Institucionalizacija publichnoj politiki v online-prostranstve sovremennoj Rossii* [The institutionalization of public policy the online space of modern Russia]. Krasnodar: Prosveshhenie-Jug.
10. *Sajt ICANN*. (2016). [The web site of ICANN]. Retrieved from: <http://www.icann.org>
11. *Sajt avtomatizirovannoj informacionnoj sistemy "Monitoring gosudarstvennyh sajtov"*. (2016). [The web site of the automated information system "Monitoring of public sites"]. Retrieved from: <https://gosmonitor.ru>
12. *Servis Poisk*. (2016). [The Search Service]. Retrieved from: <https://stat.yandex.ru/Russia/Search?view=chart>
13. *Toponimika*. (2016). [Toponymy]. Retrieved from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A2%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D0%BD%D0%B8%D0%BC%D0%B8%D0%BA%D0%B0>
14. *Federal'nye SMI. Sentjabr' 2016*. (2016). [The Federal mass media. September 2016]. Retrieved from: http://www.mlg.ru/ratings/federal_media/
15. *Federal'nyj zakon "Ob obespechenii dostupa k informacii o dejatel'nosti gosudarstvennyh organov i organov mestnogo samoupravlenija" ot 09.02.2009 № 8-FZ (dejsvujushhaja redakcija, 2016)*. (2016). [Federal law "On providing access to information on activities of state bodies and bodies of local government" from 09.02.2009 № 8-FZ (as amended, 2016)]. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/
16. *Federal'nyj zakon "O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon "Ob informacii, informacionnyh tehnologijah i o zashhite informacii" i otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii po voprosam upravlenija obmena informaciej s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh setej" ot 5 maja 2014 g. № 97-FZ* (2014). [Federal law "On amendments to the Federal law "On information, information technologies and about information protection" and certain legislative acts of the Russian Federation on streamlining the exchange of information using information and telecommunication networks" dated 5 may 2014 № . 97-FZ]. Retrieved from: <https://rg.ru/2014/05/07/informtech-dok.html>

17. *"Jandeks" stal "glavnoj knopkoj"*. (2012). ["Yandex" has become a "home button"]. Retrieved from: http://www.vedomosti.ru/technology/articles/2012/05/25/obognal_televizor
18. Casey, C. (1996). *The Hill on the Net: Congress enters the information age*. Boston: AP Professional.
19. *Domain Name Industry Brief*. (2016). Retrieved from: http://www.verisign.com/en_US/innovation/dnib/index.xhtml
20. Dunn, A. (1999). Crisis in Yugoslavia — Battle Spilling over onto the Internet. *Los Angeles Times*, April 3.
21. *Taliban Bans Internet?* (2001). Retrieved from: <http://www.mediapost.com/publications/article/12301>
22. *The domain name industry brief*. (2016). Retrieved from: <http://www.verisign.com/assets/infographic-dnib-Q12016.pdf>

ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО В РОССИЙСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ: НА ПУТИ К НОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

.....

Вотченко Е. С.

Вотченко Елена Сергеевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: evotchenko@gmail.com.

Настоящая научная статья затрагивает актуальную тему современных отношений власти и бизнеса — государственно-частное партнерство в системе российского публичного дискурса. Анализируя подходы и методологию становления и развития отношений бизнеса и государства, автор попытался обобщить накопленный опыт взаимодействия публично-правовых образований и бизнес-структур. В статье анализируется исторический аспект развития темы настоящего исследования, упоминается видение Президента РФ, а также анализируется региональный аспект социального партнерства. В итоге автором делается интересное заключение о том, что в современном научном сообществе формируется и становится устойчивой новая институциональная парадигма. Корпоративная социальная ответственность бизнеса в узком понимании данной дефиниции выходит за рамки благотворительности и филантропии и сегодня выражается в широком смысле — как корпоративное гражданство, предполагающее взаимную ответственность бизнеса и власти перед обществом.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, взаимодействие бизнеса и государства, корпоративная социальная ответственность, корпоративное гражданство, социальные инвестиции, институциональный подход, гражданское общество.

Современная политическая научная школа имеет достаточно обширный опыт исследований проблематики государственно-частного партнерства, взаимодействия бизнеса, власти и общества, социального сотрудничества. Представляется, что российская специфика формирования парадигмы государственно-частного партнерства выросла из мощного практического опыта и применения корпоративных технологий, а уже затем наработанные профессиональные знания зачастую оформлялись в легализованные документы, стандарты, политики, декларации.

С исторической точки зрения момент институционализации теории о конструктивном взаимодействии публичной власти и бизнес-сообщества вариативно оценивается философами разных периодов и государств. Наличие социального, или государственно-частного, партнерства было зафиксировано еще на ранних этапах зарождения гражданского общества, например в работах мыслителей эпохи Просвещения (Г.В.Ф. Гегеля, Дж. Локка, Ш.-Л. Монтескье).

В качестве обоснования актуальности настоящей публикации представляется интересным и заключение исследователя С. В. Хмелевского, который подчеркивает, что «гражданское общество, в отличие от политического с его вертикально структурированными иерархическими взаимосвязями, с необходимостью обуславливает наличие горизонтальных взаимоотношений, основанных не на принципе «власти — подчинения», а опирающихся на расширенное общественное производство, значимым участником которого является социально-ответственное бизнес-сообщество» (Хмелевский, 2013). По мнению автора настоящей статьи, именно на основе продвинутого, современного, взаимовыгодного и порядочного партнерства бизнес-сообщества с представителями публичной власти все стороны подобного социального взаимодействия могут быть определены как акторы социально ответственного государства. Основным механизмом активизации работы такого «социального государства» могут выступать социальные инвестиции в будущее развитие нации, направленные на формирование благоприятного окружения и климата в стране, отдельно взятой организации, обществе в целом.

Нельзя не отметить, что государственно-частное взаимодействие в политическом процессе включает множество участников: государство, бизнес-корпорации, организации и объединения, некоммерческие и неправительственные организации, само гражданское общество. Принципы отношений участников строятся на определенных правилах игры: в них входят законы, регламенты, обычаи, договоренности, стандарты, декларации. Все они формируют методологию осуществления государственно-частных интеракций. Каким образом осуществляется взаимодействие бизнеса и власти, на какие модели опирается их сотрудничество, мы рассмотрим при анализе основных современных теоретико-методологических подходов, представленных в российской политической науке. Отметим, что большинство таких направлений объединены одной общей целью — оценить грани взаимодействия акторов публичной власти и корпоративного блока, выделить сами стороны из спектра участников, определить принципы построения их взаимоотношений на практике.

Так, неокорпоративистское направление в науке рассматривает взаимоотношения бизнеса и власти с точки зрения сетевых практик и структур (Афанасьев, 2000; Голосов, Шевченко, 2000). Государство в таком взаимодействии представлено государственным аппаратом и органами политической власти, а общество — организациями, корпорациями, группами интересов, некоммерческими объединениями (НКО), ассоциациями, вовлеченными в институциональную инфраструктуру государства. А концепции элитизма предлагают осмыслить взаимодействие бизнеса и государства как часть внутри- и межэлитарных взаимоотношений, в которых социальные группы, элиты могут быть представлены как во власти, так и на уровне правления корпораций, их могут связывать родственные, семейные отношения, а также общность интересов, политическая, экономическая и социальная сплоченность (Гаман-Голутвина, 2006). Странники

корпоративизма представляют связи бизнеса и власти как отношения между формализованными общностями людей — корпорациями (Перегудов, Лапин, Семененко, 1999; Павроз, 2010). Функцию достижения компромисса, разработки общей позиции по социальным и политическим вопросам в партнерстве «бизнес — власть — общество» выполняют как раз бизнес-сообщества. В этом ключе представители новой институциональной школы рассматривают государственно-частное партнерство на фоне рыночных отношений в стабильных и развивающихся государствах. Здесь по теории неоинституционалистов взаимодействие государственных и негосударственных организаций происходит благодаря особым формальным и неформальным правилам игры и партнерству институтов гражданского общества, различных союзов, некоммерческих ассоциаций (Шаститко, 2010; Плиско, 2013).

Как свидетельствуют перечисленные идеи, концепции, теории, школы, исследования, взаимоотношения органов государственной власти и бизнес-сообщества в России — один из самых спорных и противоречивых вопросов в новейшей истории России, и, таким образом, вопрос, требующий детального рассмотрения в перспективе. Например, аналитик межкорпоративных и государственных связей С.П. Перегудов (Перегудов, 2006) в своих и сегодня актуальных работах выявляет и систематизирует ключевые субординационные аспекты во взаимоотношениях между институтами публичной власти и крупнейшими бизнес-корпорациями в государствах — членах ЕС, в США и Российской Федерации. Ученый особо указывает на возросшую потребность властных структур во внешней экспертизе разрабатываемых и реализуемых ими политических проектов, решений. Автор настоящей статьи полностью разделяет позицию ученого, подчеркивая, что и сегодня органы государственной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, нуждаются в экспертном мнении профессионального бизнес-сообщества, организуя различные конференции, круглые столы, форумы как по вопросам политического спектра, так и по проблемам социально-экономического развития. При таком взаимодействии государства и общества мы можем наблюдать изменение функций и ролей бизнеса, особенно корпоративного. Корпорации идут в социальную сферу, становясь проводником или драйвером социальных изменений, инвестируя ресурсы в сферы своих филантропических интересов. На этом этапе формируется, как нам представляется, новая институциональная парадигма конструктивного сотрудничества, называемая государственно-частным партнерством (ГЧП) (Public-Private Partnerships, PPPs). Данное направление, институционализируясь во времени, потребовало от органов государственной власти и представителей бизнеса большей легитимации прав и обязанностей, к примеру, предвосхищая в России принятие закона о государственно-частном партнерстве.

Автор считает также важным отметить принципиально актуальную и требующую дальнейшего изучения тенденцию при анализе интеракций бизнеса и публичной власти. Тенденция заключается в том, что партнерские отношения

корпораций и государства, возросшая социальная активность бизнес-сообщества привели к тому, что группы бизнеса часто формализуются, структурируются и представляют собой легальные институты публичной власти — бизнес-ассоциации, союзы, некоммерческие партнерства, о которых мы упоминали ранее и еще затронем в настоящей статье в качестве примера-кейса работы бизнес-сообщества в отдельно взятом регионе. Такие бизнес-ассоциации становятся проводником социальных изменений и формируют новый феномен так называемой экспертократии, предоставляя уникальную профессиональную информацию и экспертные оценки для представителей органов власти по различным направлениям: финансовым и социальным инвестициям, международной стандартизации процессов, экологической безопасности и др.

Государственно-частное партнерство в сфере принятия политических решений затрагивает еще одну актуальную и обширную область гражданского общества и социального государства, в которой экспертами как раз и выступают корпорации, их руководители, сотрудники — это социальные инвестиции и социальная ответственность бизнеса. Именно бизнес-сообщество имеет общие стандарты поведения, принятые на мировом уровне (стандарты ИСО, Европейской комиссии, ООН и другие глобальные договоры социальной отчетности) при планировании социальных инвестиций, может влиять на процесс принятия политических решений, быть инициатором развития социального партнерства с органами политической власти в духе общепризнанных норм этики, морали и социальных нужд.

В этой связи серьезного внимания заслуживают исследования Ю. Е. Благова (Благов, 2004, 2011). В своих научных работах автор анализирует эволюцию развития концепции социальной ответственности бизнеса и видит связь данной теории со стратегическим управлением. Представляют прикладной интерес и исследования группы экспертов фонда «Институт экономики города» во главе с М. И. Либоракиной (Либоракина, 2003). В отчетах представлен комплексный подход к содержанию понятия социальной ответственности бизнеса и анализ ее форм в современной России. Кроме этого, проблемами взаимодействия корпоративного бизнеса, общества и государства, корпоративной социальной ответственности и корпоративного гражданства, а также анализом национальных моделей социальной ответственности бизнеса занимается российский эксперт и публицист С. П. Перегудов (Перегудов, 2003, 2008). С точки зрения взаимодействия власти и бизнеса рассматривают социально ответственную компанию Д. А. Еремина (Еремина, 2012) и Г. В. Мирзоян (Мирзоян, 2010).

Научное сообщество вносит большой вклад в развитие направлений социального партнерства бизнеса и власти. Однако в нашей стране на достаточно высоком уровне силами заинтересованных и зачастую некоммерческих организаций проводятся масштабные исследования по проблематике взаимодействия власти и бизнеса. Наиболее заметными практическими исследованиями в области корпо-

ративной социальной ответственности на русском языке можно назвать: «Доклад о социальных инвестициях в России — 2004», «Доклад о социальных инвестициях в России — 2008», «Крупный российский бизнес: социальная роль и социальная ответственность (позиция населения и оценки экспертов)» (2005), «Крупный бизнес в регионах России: территориальные стратегии развития и социальные интересы. Аналитический доклад» (2005), «Из России с любовью. Национальный вклад в глобальный контекст КСО» (2008), «Практики компаний в области благотворительности и социальных инвестиций» (по материалам проекта «Корпоративный донор России», 2008), «Социальное партнерство в России. Сборник лучших практик (2015), «Лидеры корпоративной благотворительности — 2015, 2016», «Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП» за 2013–2014 и 2014–2015 гг. В них отмечается важность и актуальность исследований и использования механизма социального партнерства бизнеса и власти в рамках взаимодействия с местными сообществами и осуществления социальной политики регионов.

Отметим также, что в России исследователи, как и на Западе, продолжают предлагать большое количество авторских определений взаимодействия бизнеса с обществом посредством выстраивания корпоративных стандартов и ответственного ведения деятельности. Данные концепции, как и в зарубежной литературе, имеют дефиниции «корпоративная социальная ответственность», «корпоративное гражданство», «социальная ответственность бизнеса», «социальные инвестиции».

Одной из самых обсуждаемых тем в текущей деятельности компании при взаимодействии с государством и обществом является концепция корпоративной социальной ответственности (или сокращенно КСО). Часто дебаты по КСО не только ограничены обсуждением на уровне коммерческого сектора, но и выходят на уровень управления государством, неправительственными и некоммерческими организациями, межправительственными организациями (такими, как ООН или Всемирный банк). В разные годы предлагалось много определений социальной ответственности бизнеса, однако после выхода в 2010 г. Международного стандарта ISO 26000 «Руководство по социальной ответственности» большинство экспертов сошлись во мнении, что определение, которое дает именно этот стандарт, является на сегодня наиболее точным и полным: «социальная ответственность — ответственность организации за воздействие ее решений и деятельности на общество и окружающую среду через прозрачное и этическое поведение, которое: содействует устойчивому развитию, включая здоровье и благосостояние общества; учитывает ожидания заинтересованных сторон; соответствует применяемому законодательству и согласуется с международными нормами поведения; введено во всей организации» (ИСО 26000, 2010).

Стандарт описывает основные преимущества, которые могут быть достигнуты за счет внедрения ISO 26000, повысив при этом результативность организации в области социальной ответственности: увеличить конкурентное преимуще-

ство корпорации, улучшить репутацию компании, способность привлекать и удерживать работников, клиентов, пользователей, поддерживать моральный климат, приверженность сотрудников и производительность труда, восприятие инвесторов, владельцев, доноров, спонсоров и финансового сообщества, отношения с компаниями, правительствами, средствами массовой информации, поставщиками, партнерами и клиентами сообщества, в котором он работает (ISO 26000, 2010).

Государственно-частное партнерство, социальное партнерство, социальные инвестиции закономерно выступают элементами нового современного стандарта качества отношений бизнеса и власти — корпоративного гражданства. Как известно, феномен «корпоративного гражданства» был введен в научный оборот в 1991 г. американским исследователем А. Кэрроллом, который подразумевал, что корпоративное гражданство в целом, и быть корпоративным гражданином в частности — означает работать во благо общества, улучшать качество жизни общества, и более того, быть на вершине «пирамиды» социальной ответственности (Carroll, 1991).

В современной литературе социальные аспекты взаимодействия бизнеса и власти, социальная ответственность корпорации перед обществом и государством могут быть интерпретированы и как феномен корпоративного гражданства, при котором краткосрочные издержки компании не обеспечивают немедленную финансовую прибыль, а вместо этого способствуют продвижению позитивных социальных изменений в будущем. Сегодня корпоративное гражданство отражает переход компаний от благотворительности к фокусированным инвестициям на национальном и региональном уровнях, направленным на решение самых актуальных для страны проблем в сфере занятости, борьбы с бедностью, образования, безопасности, охраны здоровья и окружающей среды. Тем самым, как мы упоминали ранее в настоящей работе, в российской научной практике формируется принципиально новая парадигма исследований в области государственно-частного партнерства.

Представляется, что в этой связке «государство — бизнес — общество» социальные инвестиции являются ключевым элементом теории и практики корпоративного гражданства. Корпоративное гражданство, в свою очередь, выступает драйвером социальных инвестиций, предполагает взаимную ответственность сторон, учитывает интересы бизнесменов в экономической, социальной и политической сфере. На взгляд автора, влияние и вес бизнес-актора в политической жизни общества сегодня как никогда раньше заметно на фоне процессов глобализации и появления новых глобальных вызовов: топ-менеджер сегодня обязан чутко реагировать на изменяющееся законодательство в сфере своих интересов, глобальные стандарты и принципы отчетности, а также учитывать влияние или воздействие его корпорации на политическую среду в месте расположения его предприятия (начиная от выпуска качественных товаров и услуг, заканчивая

управлением экологическими изменениями в зоне дислокации). Глобальные вызовы человечества, с которыми все чаще сталкиваются российские менеджеры, имеют прямое отношение к стандартам корпоративной социальной ответственности.

Как мы уже отмечали, социальные инвестиции расширяют понятие социальной ответственности бизнеса. От простых пожертвований или актов благотворительности руководство компаний переходит к обобщенным стандартам и трансформирует политику в области социальной ответственности в фокус социальных инвестиций на национальном и региональном уровнях. Такая политика как раз и направлена на реализацию актуальных и глобальных целей человеческого развития в отдельно взятой стране: проблем повышения качества жизни населения, занятости, образования, безопасности как политической, так и продовольственной, жилья, борьбы с бедностью, социальным неравенством и борьбы с глобальными болезнями человечества, охраны здоровья, материнства и детства, среды обитания, биоразнообразия и чистого воздуха.

В связи с данным высказыванием социальные инвестиции в процессе государственно-частного партнерства зачастую направлены не столько на социум, общество, а столько на политическую окружающую среду в целом, включающую, на взгляд автора, само гражданское общество, его институты в виде неправительственных или некоммерческих организаций, ассоциации, союзы, государственный аппарат. Иными словами, социальные инвестиции могут быть тождественны политическим инвестициям, где базовыми партнерами выступают организованное бизнес-сообщество и институты государственной власти, т.е. акторы ГЧП).

Как мы можем судить из уровня развития законодательной базы России, развитие механизмов государственно-частного партнерства — один из ключевых вопросов федеральной повестки дня. Одним из последних документов, принятых в современной России в 2014 г., можно назвать «Методические рекомендации по развитию институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства в субъектах РФ» — «Региональный ГЧП-стандарт» (Методические рекомендации, 2014). Методические рекомендации подготовлены НП «Центр развития ГЧП» совместно с Министерством экономического развития Российской Федерации для органов исполнительной власти субъектов РФ, уполномоченных на реализацию государственной политики в сфере государственно-частного партнерства. Для подготовки рекомендаций редколлегия проанализировала опыт государственного регулирования сферы ГЧП 85 субъектов Российской Федерации, т.е. лучшие региональные практики развития институциональной среды в сфере ГЧП нашли отражение в данных рекомендациях.

В том же 2014 г. распоряжением Правительства Российской Федерации утверждён перечень показателей оценки эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов РФ по созданию благоприятных условий ведения

предпринимательской деятельности (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2014 г. № 570-р), среди которых в том числе показатель «Уровень развития ГЧП в субъекте». Как следует из доклада, сегодня уровень распространения региональных практик заключения контрактов в сфере ГЧП находится на стадии своего становления. В этой связи основной целью настоящих рекомендаций является содействие регионам РФ в выработке мер развития институциональной среды в сфере ГЧП на основе анализа лучших практик. Так, актуальным на сегодня представляется тот факт, что специально созданный для нужд развития ГЧП в регионах российский портал о ГЧП «PPPCenter.ru» стал проводить ежегодный рейтинг субъектов РФ. Результаты рейтинга регионов 2013–2014 гг. (Рейтинг регионов, 2013–2014) показали, что более чем в половине субъектов РФ (без учета Республики Крым на момент проведения анализа) уровень развитости сферы ГЧП ниже среднего. При этом уровень развитости сферы ГЧП, которого необходимо достигнуть к 2018 г., в среднем по регионам составляет 70%. Следовательно, в ближайшей перспективе на региональном уровне должны быть намечены конкретные шаги, которые позволят стимулировать развитие институциональной среды в сфере ГЧП и будут способствовать реализации проектов. К примеру, на региональном уровне: если перед руководством Ростовской области в первую очередь, по словам авторов, стоит задача реализации пилотных проектов ГЧП (регион характеризуется развитой институциональной средой), то в Краснодарском крае сначала необходимо создавать условия и комфортную среду для реализации проектов ГЧП (т.е. реализовывать задачу, направленную на создание институтов для развития ГЧП, расширение нормативно-правовой базы).

Примечательно, что в отчете за 2015 г. среди регионов Южного федерального округа (Рейтинг регионов, 2015) наиболее развитыми регионами в сфере ГЧП являются Краснодарский край и Ростовская область, далее следуют Волгоградская, Астраханская области, Республика Калмыкия, замыкают Республики Крым и Республика Адыгея. При этом социальное инвестирование в системе регионального государственно-частного партнерства занимает одну из ведущих ролей в отношениях «государство — бизнес — общество», на него приходится третья часть всех ГЧП проектов. Социальные инвестиции посредством ГЧП были направлены по следующим отраслям: здравоохранение, образование, спорт, туризм, культура, социальное обслуживание.

Упомянутый ранее «Региональный ГЧП-стандарт» стал базой для подготовки субъектов РФ к принятию основного Закона о ГЧП 2015 г. Согласно Федеральному закону от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Путин, 2015а) его целью является создание правовых условий для привлечения инвестиций в экономику Российской Федерации и повышения качества товаров, работ, услуг, организация обеспечения которыми потребителей относится к вопросам ведения органов государственной власти, органов местного самоуправления.

В Российской Федерации развитие социального партнерства и инвестиций в человеческий капитал определяется в качестве одного из приоритетных направлений перехода российской экономики к инновационному социально-ориентированному типу развития. Этот постулат отражен в Концепции долгосрочного развития РФ до 2020 г. (Путин, 2008). Следует отметить, что бизнес готов планировать социальный бюджет не только для программ, направленных на своих сотрудников, но и для общего улучшения социальной среды и повышения качества жизни местного сообщества в городах и регионах расположения своих предприятий.

В Послании Президента России от 3 декабря 2015 г. В. В. Путин отметил, что «власть должна слышать людей, объяснять суть возникающих проблем и логику своих действий, видеть в гражданском обществе и в бизнесе равных партнёров»; «нам нужно и дальше укреплять доверие между властью и бизнесом, улучшать деловой климат в стране»; «мы гарантируем стабильные налоговые и другие базовые условия для инвесторов, которые готовы вкладывать средства в проекты импортозамещения. Это предусмотрено таким механизмом, как специальный инвестиционный контракт. Предлагаю в рамках таких контрактов предоставить право регионам снижать до нуля ставку налога на прибыль» (Путин, 2015).

Как мы можем наблюдать сегодня, лидеры российского бизнеса развивают социальные, экологические и партнерские программы в регионах, где функционируют их предприятия, причем при реализации этих программ используется все более системный подход. Их примеру следуют и другие компании. Корпоративная социальная ответственность бизнеса по отношению к обществу постепенно получает более широкое распространение в регионах России.

Краснодарский край также входит в число субъектов РФ, в которых реализуется ключевой стратегический документ развития, соответствующий российской Концепции социально-экономического развития до 2020 г. Согласно Закону Краснодарского края «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года», принятого в 2008 г., эффективным проводником для реализации потенциала Краснодарского края в перечисленных областях может стать система социального партнерства, или государственно-частного партнерства, реализуемая на основе взаимовыгодного сотрудничества властных структур и бизнес-сообщества (Ткачев, 2008).

На региональном уровне, к примеру в г. Краснодаре, принято Краснодарское городское трехстороннее соглашение на 2014–2016 гг. (Евланов, 2013), целью которого является недопущение снижения достигнутого уровня и качества жизни населения, устойчивое функционирование экономики, обеспечение гарантий занятости населения, достойного труда и отдыха работников организаций на основе принципов социального партнерства. Другим позитивным трендом модели социальных инвестиций является тот факт, что в Краснодаре с 2003 г. успешно работает Южный региональный комитет Ассоциации европейского бизнеса (АЕБ) в России, который объединяет больше 20 иностранных компа-

ний-инвесторов, представляющих разные отрасли промышленности (пищевую, табачную, сельскохозяйственную, нефтяную, газовую). Ассоциация выступает связующим звеном, институтом, способствующим взаимовыгодному партнерству бизнеса и власти, о котором мы уже упоминали, когда рассматривали концепции взаимодействия государственного и частного секторов. Южный комитет Ассоциации организует конференции, круглые столы по вопросам взаимодействия бизнеса и власти, развитию благоприятного инвестиционного климата в регионе, аспектам обеспечения социальной стабильности персонала компаний — членов АЕБ, вопросам корпоративной социальной ответственности.

Наряду с партнерством с властными структурами, Южный комитет АЕБ активно сотрудничает и с образовательными учреждениями, вузами Краснодарского края. Данная работа строится на таких моментах, как приглашение бакалавров и магистров на прохождение производственной практики с перспективами будущего трудоустройства в компании — члены АЕБ, проведение презентаций, мастер-классов и практикумов для студентов по выбранной специальности и профилю компании. Познавательно, что с 2015 г. в рамках концепции социального партнерства АЕБ организует при университетах города специальные бизнес-школы, лекторами которых являются топ-менеджеры зарубежных компаний, а слушателями — студенты, аспиранты.

Отметим, что сегодня корпоративная социальная ответственность понимается не только как инициативы корпорации по оценке своего вклада в общество и возможности принять на себя ответственность за воздействие компании на окружающую среду и социальное благополучие ее сотрудников. Этот термин часто относится к усилиям бизнеса, которые выходят за рамки защиты окружающей среды, и направлены на партнерство с регулирующими органами, правительством, администрацией.

Как нам представляется, крупные компании способны осуществлять систематическую поддержку социальной сферы или науки, решать — в масштабах региона или страны в целом — проблемы в области образования или здравоохранения. Именно такие проекты носят характер социальных инвестиций. Корпорации разрабатывают специальные благотворительные программы, проводят грантовые конкурсы. Средний и малый бизнес обычно поддерживает конкретные учреждения — детский дом, хоспис, общество инвалидов, ветеранов. Некоторые предприятия выделяют для помощи не деньги, а свою продукцию (продукты — для детского дома, приюта) либо услуги (строительная фирма помогает возводить храм). На подобных единичных примерах строится новая систематизированная отрасль — государственно-частное партнерство в сфере социальных инвестиций.

Социальные программы общества и государства нуждаются сейчас в развитии этих моделей взаимодействия больше, чем когда-либо, так как кризис ударяет по экономически уязвимым слоям населения наиболее серьезно.

Настоящие обстоятельства показывают компаниям, что необходимо строить стратегические программы, разрабатывать долгосрочные инициативы по реализации социальных перемен, вводить новые или следовать уже имеющимся стандартам корпоративной отчетности. В конечном счете комплексный подход к корпоративному гражданству и государственно-частному партнерству даст больший шанс достичь максимального эффекта даже в условиях меняющейся экономической ситуации.

Библиографический список

1. Афанасьев, М. Н. (2000). *Клиентелизм и российская государственность: исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияние на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России*. Москва: Московский общенациональный научный фонд.
2. Благов, Ю. Е. (2004). Концепция корпоративной социальной ответственности и стратегическое управление. *Российский журнал менеджмента*, 2 (3), 17–34.
3. Благов, Ю. Е. (2011). *Корпоративная социальная ответственность: эволюция концепции*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
4. Гаман-Голутвина, О. В. (2006). *Политические элиты России: вехи исторической эволюции*. Москва: РОССПЭН.
5. Голосов, Г. В., Шевченко, Ю. Д. (2000). *Социальные сети и электоральное поведение. Политическая социология и современная российская политика*. Санкт-Петербург.
6. Евланов, В. А. (2013, Декабрь 25). *Краснодарское городское трехстороннее соглашение между администрацией муниципального образования город Краснодар, Краснодарским городским советом отраслевых профсоюзов, Краснодарским городским объединением работодателей на 2014–2016 годы*, 4–3. Режим доступа: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW177; n=120733; div=LAW; dst=100009,0; rnd=189271.5184657304070989>.
7. Еремина, Д. А. (2012). *Государственная политика как фактор формирования социальной ответственности бизнеса в современной России*: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Санкт-Петербург.
8. ИСО 26000. *Социальная ответственность*. (2010). Режим доступа: <http://www.iso.org/iso/ru/home/standards/iso26000.htm>.
9. Либоракина, М. И. (ред.). (2003). *Город и бизнес: формирование социальной ответственности российских компаний*. Москва: Фонд Институт экономики города.
10. *Методические рекомендации по развитию институциональной среды в сфере государственно-частного партнерства в субъектах РФ «Региональный ГЧП-стандарт»*. (2014). Москва: Центр развития государственно-частного партнерства.
11. Мирзоян, Г. В. (2010). *Социальное партнерство в российском обществе: социально-философский анализ*: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-на-Дону.
12. Павроз, А. В. (2010). *Бизнес и государство в России: фундаментальные проблемы взаимодействия и стратегии их преодоления. Бизнес и власть в современной России: теория и практика взаимодействия*. Москва: Издательство РАГС.

13. Перегудов, С. П. (2002). Корпоративный капитал и институты власти: кто в доме хозяин? *ПОЛИС: Политические исследования*, 5, 74–84.
14. Перегудов, С. П. (ред.). (2003). *Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений*. Москва: Наука.
15. Перегудов, С. П. (ред.). (2008). *Корпоративное гражданство: концепции, мировая практика и российские реалии*. Москва: Прогресс-Традиция.
16. Перегудов, С. П. (2006). *Крупная корпорация как субъект публичной политики*. Москва: ГУ–ВШЭ.
17. Перегудов, С. П., Лапина, Н. Ю., Семенов, И. С. (1999). *Группы интересов и российское государство*. Москва: Эдиториал УРСС.
18. Плиско, С. А. (2013). *Политико-управленческое взаимодействие крупных корпораций в сфере электроэнергетики с органами исполнительной власти в современной России*: дис. ... канд. полит. наук. Москва.
19. Путин, В. В. (2008, Ноябрь 17). *Концепция долгосрочного развития Российской Федерации. Распоряжение Правительства РФ № 1662-р. «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»*. Режим доступа: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc20081117_01.
20. Путин, В. В. (2015, Декабрь 3). *Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации*. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.
21. Путин, В. В. (2015а). *Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 224-ФЗ (ред. от 29.12.2015) «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»*. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660.
22. *Рейтинг регионов ГЧП (2013–2014)*. Режим доступа: <http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingreg2014.pdf>.
23. Рейтинг регионов России по уровню государственно-частного партнерства за 2014–2015 гг. (2015). *НП «Центр развития ГЧП»*. Режим доступа: http://pppcenter.ru/assets/docs/raytingREG-Block_26-03-2015_web.pdf.
24. Ткачев, А. Н. *Закон Краснодарского края от 16.04.2008 «О Стратегии социально-экономического развития Краснодарского края до 2020 года»*. Режим доступа: <http://www.krasnodar.ru/content/38/show/49460/>.
25. Хмелевский, С. В. (2013). Теоретико-методологические подходы к исследованию социального (государственно-частного) партнерства, легитимации интересов бизнес-структур в процессе взаимодействия с институтами публичной власти. *Социально-политические науки*, 3, 33–43.
26. Шаститко, А. Е. (2010). *Новая институциональная экономическая теория*. Москва: ТЭИС.
27. Carroll, Archie, B. (1991). The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders. *Business Horizons*, 34 (4), 39–48.
28. *ISO 26000. International Organization for Standardization*. Режим доступа: www.iso.org.

Статья поступила в редакцию 15.04.2016.

PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIPS IN RUSSIAN PUBLIC DISCOURSE: TOWARDS TO A NEW INSTITUTIONAL PARADIGM

Votchenko E. S.

Votchenko Elena Sergeevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: evotchenko@gmail.com.

This scientific article touches a vital topic of contemporary relations between business and government — public-private partnerships in Russian system of public discourse. Analyzing the approaches and methodology of formation and development of business and government relations, the author tried to summarize the accumulated experience of interaction between public law entities and business structures. The article analyzes the historical aspect of the topic of this study, the paper is referred to the vision of the President of the Russian Federation, and also analyzes the regional aspect of social partnership. In the end, the author makes an interesting conclusion that in the modern scientific community is formed and becomes stable a new institutional paradigm. Corporate social responsibility in the narrow sense of the definition goes beyond charity and philanthropy, and today it is expressed in a broad sense — as corporate citizenship, which implies mutual responsibility of business and government to the public.

Key words: public-private partnerships, interactions between business and government, business and government relations, corporate social responsibility, corporate citizenship, social investments, institutional approach, civil society.

References

1. Afanas'ev, M. N. (2000). *Klientelizm i rossijskaja gosudarstvennost': issledovanie klientarnyh otnoshenij, ih roli v jevoljucii i upadke proshlyh form rossijskoj gosudarstvennosti, ih vlijanie na politicheskie instituty i dejatel'nost' vlastvujushhih grupp v sovremennoj Rossii* [Clientelism and Russian statehood: a study clientelistic relations and their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their impact on the political institutions and the activities of the ruling groups in modern Russia]. Moskva: Moskovskij obshhestvennyj nauchnyj fond.
2. Blagov, Ju. E. (2004). *Koncepcija korporativnoj social'noj otvetstvennosti i strategicheskoe upravlenie* [The concept of corporate social responsibility and strategic management]. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta*, 2 (3), 17–34.
3. Blagov, Ju. E. (2011). *Korporativnaja social'naja otvetstvennost': evoljucija koncepcii* [Corporate social responsibility: evolution of the concept]. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo SPbGU.
4. Gaman-Golutvina, O. V. (2006). *Politicheskie jelity Rossii: vehi istoricheskoi jevoljucii* [The political elites of Russia: milestones of historical evolution]. Moskva: ROSSPJeN.
5. Golosov, G. V. & Shevchenko, Ju. D. (2000). *Social'nye seti i jelektoral'noe povedenie. Politicheskaja sociologija i sovremennaja rossijskaja politika* [Social networks and electoral behavior. Political sociology and contemporary Russian politics]. Sankt-Peterburg.
6. Evlanov, V. L. (2013, Dekabr' 25). *Krasnodarskoe gorodskoe trehstoronnee soglasenie mezhdu administraciej municipal'nogo obrazovanija gorod Krasnodar, Krasnodarskim gorodskim sovetom otraslevyh profsojuzov, Krasnodarskim gorodskim ob#edineniem rabotodatelej na 2014–2016 gody* [Krasnodar city tripartite agreement between the administration of the municipal formation of city Krasnodar, city council of trade unions, employers' union of Krasnodar city on 2014–2016 years], 4–3. Retrieved from: <http://base>.

- consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc; base=RLAW177; n=120733; div=LAW; dst=100009,0; rnd=189271.5184657304070989.
7. Eremina, D. A. (2012). *Gosudarstvennaja politika kak faktor formirovanija social'noj otvetstvennosti biznesa v sovremennoj Rossii* [Public policy as a factor of social responsibility of business in modern Russia]: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. Sankt-Peterburg.
 8. ISO 26000. *Social'naja otvetstvennost'* [Social responsibility]. (2010). Retrieved from: <http://www.iso.org/iso/ru/home/standards/iso26000.htm>.
 9. Liborakina, M. I. (ed.). (2003). *Gorod i biznes: formirovanie social'noj otvetstvennosti rossijskih kompanij* [City and business: the formation of the social responsibility of Russian companies]. Moskva: Fond Institut jekonomiki goroda.
 10. *Metodicheskie rekomendacii po razvitiiju institucional'noj sredy v sfere gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v sub#ektah RF "Regional'nyj GChP-standart"* [Guidelines for the development of the institutional environment in the area of public-private partnership in the regions of the Russian Federation "Regional PPP-standard"]. Moskva: Centr razvitija gosudarstvenno-chastnogo partnerstva.
 11. Mirzozan, G. V. (2010). *Social'noe partnerstvo v rossijskom obshhestve: social'no-filosofskij analiz* [Social partnership in Russian society: the socially-philosophical analysis]: avtoref. diss. ... d-ra filos. nauk. Rostov-na-Donu.
 12. Pavroz, A. V. (2010). *Biznes i gosudarstvo v Rossii: Fundamental'nye problemy vzaimodejstvija i strategii ih preodolenija. Biznes i vlast' v sovremennoj Rossii: teorija i praktika vzaimodejstvija* [Business and government in Russia: fundamental problems of interaction and strategies to overcome them. Business and power in modern Russia: the theory and practice of interaction]. Moskva: Izdatel'stvo RAGS.
 13. Peregudov, S. P. (2002). Korporativnyj kapital i instituty vlasti: kto v dome hozjain? [Corporate capital and power institutions: who is the boss?]. *POLIS: Politicheskie issledovanija*, 5, 74–84.
 14. Peregudov, S. P. (ed.). (2003). *Korporacii, obshhestvo, gosudarstvo: jevoljucija otnoshenij* [Corporation, society, state: evolution of relations]. Moskva: Nauka.
 15. Peregudov, S. P. (ed.). (2008). *Korporativnoe grazhdanstvo: koncepcii, mirovaja praktika i rossijskie realii* [Corporate citizenship: concepts, world experience and Russian realities]. S. P. Peregudov, I. S. Semenenko. In-t mirovoj jekonomiki i mezhdunar. otnoshenij RAN. Moskva: Progress-Tradicija.
 16. Peregudov, S. P. (2006). *Krupnaja korporacija kak sub'ekt publichnoj politiki* [A large corporation as the subject of public policy]. Moskva: GU-VShJe.
 17. Peregudov, S. P., Lapina, N. Ju. & Semenenko, I. S. (1999). *Gruppy interesov i rossijskoe gosudarstvo* [Interest groups and Russian state]. Moskva: Jeditorial URSS.
 18. Plisko, S. A. (2013). *Politiko-upravljencheskoe vzaimodejstvie krupnyh korporacij v sfere jelektrojenergetiki s organami ispolnitel'noj vlasti v sovremennoj Rossii* [The political and administrative interaction between large corporations in the field of electric power with the executive power in modern Russia]: diss. ... kand. polit. nauk. Moskva.
 19. Putin, V. V. (2008, Noyabr' 17). *Koncepcija dolgosrochnogo razvitija Rossijskoj Federacii* [The concept of long-term development of Russian Federation]. *Rasporzazhenie Pravitel'stva RF № 1662-r*, 17.11.2008. O Koncepcii dolgosrochnogo social'no-jekonomicheskogo razvitija

- Rossijskoj Federacii na period do 2020 goda. Retrieved from: http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicplanning/concept/doc20081117_01.
20. Putin, V. V. (2015, Dekabr' 3). *Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii V. V. Putina Federal'nomu Sobraniju Rossijskoj Federacii* [Message from Russian President Vladimir Putin to the Federal Assembly of Russian Federation] 3.12.2015. Retrieved from: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>.
 21. Putin, V. V. (2015a). *Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 N224-FZ (red. ot 29.12.2015) O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, municipal'no-chastnom partnerstve v Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii* [The federal law from 13.07.2015 N224-FZ (ed. By 12.29.2015) On public-private partnership, municipal-private partnership in the Russian Federation and the Introduction of Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation]. Retrieved from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_182660.
 22. *Rejting regionov GChP 2013/2014* [Regions PPP rating 2013/2014]. Retrieved from: <http://pppcenter.ru/assets/docs/rajtingreg2014.pdf>.
 23. *Rejting regionov Rossii po urovnju gosudarstvenno-chastnogo partnerstva za 2014–2015 gg. (2015)* [Russian regions Rating in terms of public-private partnership for the 2014–2015 period]. NP "Centr razvitija GChP". Retrieved from: http://pppcenter.ru/assets/docs/rajtingREG-Block_26–03–2015_web.pdf.
 24. Tkachev, A. N. *Zakon Krasnodarskogo kraja O Strategii social'no-jekonomicheskogo razvitija Krasnodarskogo kraja do 2020 goda, ot 16.04.2008* [Law of the Krasnodar region About the Strategy of socio-economic development of the Krasnodar region until 2020, dated 16.04.2008]. Retrieved from: <http://www.krasnodar.ru/content/38/show/49460/>.
 25. Hmelevskij, S. V. (2013). Teoretiko-metodologicheskie podhody k issledovaniju social'nogo (gosudarstvenno-chastnogo) partnerstva, legitimacii interesov biznes-struktur v processe vzaimodejstvija s institutami publichnoj vlasti [Theoretical and methodological approaches to the study of social (public-private) partnerships, legitimization interests of business structures in the process of interaction with the institutions of public authority]. *Social'no-politicheskie nauki*, 3, 33–43.
 26. Shastitko, A. E. (2010). *Novaja institucional'naja jekonomicheskaja teorija* [New institutional economics]. Moskva: TJeIS.
 27. Carroll, Archie, B. (1991). The pyramid of corporate social responsibility: Toward the moral management of organizational stakeholders. *Business Horizons*, 34 (4), 39–48.
 28. *ISO 26000. International Organization for Standardization*. Retrieved from: www.iso.org.

ПРОЯСНЕНИЕ ТЕМАТИКИ «СОЛИДАРНОСТЬ» В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ (АНАЛИЗ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ КОНЦЕПЦИЙ)

.....

Кузьменко И. С.

Кузьменко Ирина Сергеевна, Краснодарский университет МВД России, 350051,
Россия, Краснодар, ул. Ярославская, 128.

В тексте статьи раскрывается содержание современной концепции солидарности в трудах видных представителей как отечественной, так и зарубежной социологической теории. Автор исходит из того обстоятельства, что причиной, из-за которой понятие солидарности на длительное время вышло из научного обихода социологов заключается в том, что само по себе явление, обозначаемое данным понятием, является чрезвычайно сложным, что делает проблематичным как его однозначное определение, так и оперирование им в построении конкретных социологических теорий. В контексте обозначенной проблемы производится обзор основных концепций солидарности.

Ключевые слова: солидарность, социальная система, общество, концепции солидарности.

Проблема солидарности представляет собой одну из центральных в социальном знании, поскольку отражает интегративные принципы формирования общественных отношений. В той или иной степени большинство актуальных проблем социального дискурса обнаруживают взаимосвязь с тематикой солидарности, при этом обращение к ней в равной мере оправдано как при анализе конструктивных тенденций (во многом связанных с процессом солидаризации членов общества и локальных структур), так и при рассмотрении различного рода конфликтных процессов. Многообразие проблем, связанных с тематикой солидарности, свидетельствует одновременно как о высокой степени ее актуальности, как проблемного поля, так и о существенной сложности в исследовании.

Анализ публикаций, в которых упоминается тематика солидарности, свидетельствует о том, что в течение длительного периода времени социологическому анализу данного феномена в исследовательской традиции уделялось незначительное внимание, при этом — на уровне политологии, экономики, социальной философии и даже теологии данное понятие пользовалось широкой популярностью (Гофман, 2012; Гофман, 2013).

Одной из причин, из-за которых понятие солидарности на длительное время вышло из научного обихода социологов заключается в том, что само по себе явление, обозначаемое данным понятием, является чрезвычайно сложным, что

делает проблематичным как его однозначное определение, так и оперирование им в построении конкретных социологических теорий. В результате сформировалась тенденция обращения к частным аспектам проблемы солидарности без непосредственного ее упоминания, что неизбежно повлекло бы за собой необходимость терминологического уточнения. Большинство из частных аспектов солидаризации в различной форме уже находят отражение на уровне социального дискурса, что предполагает обращение к широкому спектру исследовательских подходов. В этом смысле рассмотрение развития идей солидаризма может быть произведено двояко: на уровне анализа непосредственного обращения к тематике солидарности в исследовательской литературе и на уровне анализа роли частных аспектов проблемы солидарности в формировании ведущих социальных теорий (и, в частности, способа отражения данных аспектов проблемы солидаризации на их уровне). Познавательная ценность второго подхода очевидна, однако на его уровне производится скорее детализация знания относительно характеристик солидарности, как объекта социального исследования. Вместе с тем, в рамках настоящей работы производится анализ исторических изменений концепции солидарности, что предполагает обращение к теориям, в которых реализуется ее непосредственное предметное рассмотрение.

Важный шаг на пути прояснения тематики солидарности заключается в детальной проработке логико-категориального аспекта проблемы, в рамках которой производится разносторонний анализ содержательной определенности понятий, отражающих центральные аспекты проводимого исследования. Это предполагает общий анализ сферы приложения концептов, проведение классификации основных разновидностей их трактовки, а также произведение попытки определения существенных признаков, которые лежат в основе формулировки основных понятий, отражающих исследуемое проблемное поле. Рассмотрение логико-категориальной определенности центральных понятий, в которых выражается поставленная проблема, способствует формированию первоначального теоретико-методологического инструментария для ее разработки.

На первый взгляд, не существует значимой разницы между исследованием конкретного понятия и его содержательной определенности. Однако, в силу полипарадигмальной специфики современного научного знания, одна и та же теоретическая конструкция может быть выражена на уровне множества различных терминов (Ворона, 2013). Иными словами, понятие имеет символическую структуру, и одно и то же означаемое может иметь различные формы отражения. Это обусловлено тем, что в рамках различных концепций одно и то же явление разрабатывается не идентичным образом: реализуется рассмотрение различных его сторон. Так, например, на уровне психологического знания солидарность рассматривается, как переживание сопричастности, что отражает чувственно-эмоциональный аспект проблемы, однако не позволяет прояснить социальное значение термина. На уровне политологии солидарность рассматривается как форма проявления

общности интересов, причем акцент делается на моменте участия в реализации интересов определенной стороны (будь то отдельная социальная группа или участник внешнеполитического взаимодействия), что отражает функциональный аспект солидарности. Наиболее полное выражение тематика солидарности приобретает на уровне социологического знания, поскольку в нем солидарность не сводится к какому-либо одному своему аспекту, а рассматривается целостно, в качестве сложной интегративной функции общества, реализуемой как на уровне социального сознания, так и в сфере актуальных запросов функционального взаимодействия. В определенной мере можно судить о том, что на уровне социологического знания реализуется синтетическое объединение различных аспектов тематики солидаризации в обществе. В этом смысле социальная модель солидарности может быть рассмотрена в качестве результирующего знания. Вместе с тем, очевидно, что для более адекватного понимания специфики сформированной сводной модели солидарности целесообразно обращение к исходным формам ее рассмотрения. Рассмотрим, каковы исторические предпосылки социологического рассмотрения проблемы солидарности.

Как отмечает А. Гофман, понятие солидарности в изначальном своем прочтении возникло на уровне теологической мысли и отражало проблематику общности людей, в основе которой лежат этические установки христианской веры. В данной трактовке солидарность рассматривается, как единение в Боге, основание которого имеет онтологический статус и выходит далеко за рамки социальных отношений и их мотивов. Солидарность, взятая в теологическом смысле, рассматривает людей через призму взаимоотношения божественного и человеческого, и, в частности — усмотрения в каждом человеке частички божественного существа. Эта традиция характерна как для европейских, так и для отечественных мыслителей. В особенности ярко она проявляется в русской философской мысли, в которой длительное время социально-философские проблемы состояли в неразрывной связи с проблемами теологическими. Так, например, глубоко разрабатываемая В. Соловьевым категория солидарности имеет несомненный христианский подтекст. Те же религиозные мотивы рассмотрения солидарности в западной мысли можно обнаружить в учениях Ж. де Местра, Ламенне и других религиозных мыслителей.

Первая значимая трансформация в применении понятия солидарности связана с попыткой объяснения консолидирующего отдельных людей принципа, выходящего за рамки религиозных императивов. Однако в данном случае речь идет не только о социологическом рассмотрении интегративных процессов в обществе: категория солидарности сохраняет свой этический подтекст, попадая в объектив социально-философских и политических учений. В этом ключе данная категория рассматривается не столько с позиции анализа существующего в обществе явления, сколько в связке с идеей долженствования. Мыслимая в таком ключе, солидарность представляет собой своеобразный идеал общественных отношений. Именно

такое, социально-философское прочтение солидарности можно встретить в трудах представителей утопического социализма, таких как А. И. Герцен, П. Л. Лавров, М. А. Бакунин, Л. И. Мечников, П. А. Кропоткин, Н. К. Михайловский. В их работах солидарность рассматривается как одна из основных социальных ценностей, при этом постановка проблемы проводится таким образом, что ее рассмотрение производится на уровне предельных социально-философских обобщений. Так, например, категория солидарности рассматривается в непосредственной взаимосвязи с категорией свободы, выступая в качестве ее ограничительного принципа, не позволяющего свободе скатиться к произволу. Такое прочтение солидарности приравнивает ее к этичности, доброй воле относительно других людей.

Повсеместное распространение проблемы солидарности связано, в первую очередь, с ее актуализацией во французской социально-философской, политической и социологической мысли. В середине XIX-го — начале XX-го века солидаризм стал одной из ведущих социально-философских, политических, социологических концепций во Франции, что связано с именами таких философов, как А. Фулье, Ш. Ренувье, Ш. Секретан, А. Марион (Гофман, 2013). Также тематике солидаризма посвящены экономические разработки Ш. Жида, исследования в области права таких мыслителей, как Л. Дюги и М. Ориу. Отдельно следует отметить социологические исследования, посвященные феномену солидарности. К числу исследований, посвященных тематике солидарности, относятся работы А. Эспинаса, Ж. Изуле, Р. Вормса, Г. Дюпра. Также упоминания тематики солидарности можно встретить в работах основоположника социологии О. Конта, рассматривавшего ее наравне с проблемой альтруизма в качестве одной из ведущих проблем социальной мысли, а отдельные элементы теории солидарности легли в основу теории структурного функционализма в социологии (Мертон, 2006; Парсонс, 1998).

Одним из ведущих исследователей в области социологии, осуществивших систематическое рассмотрение данного вопроса по праву считается Э. Дюркгейм, в работах которого была произведена глубокая разработка тематики солидарности (Дюркгейм, 1996). Поскольку его разработка данной теоретической области во многом имела парадигмальное значение, ее рассмотрение с целью построения первичной модели исследуемого явления крайне значимо. На уровне его теории производится глубокое рассмотрение принципов, определяющих как конструктивную взаимосвязь различных по своим социальным признакам членов общества, так и выявление условий, возникновение которых может повлечь за собой его серьезные структурные нарушения. Ценность подхода Дюркгейма заключается в том, что он усмотрел различные формы социальной солидарности, концептуальное выражение которых позволяет пролить свет как на конструктивные процессы общественного развития, так и на негативные социальные процессы, ведущие к разрушению общественной структуры.

В рамках сформированного Дюркгеймом подхода рассматривается два принципиально различных способа консолидации участников социальных отношений — механистическая и органическая солидарность. Под механистической солидарностью французский социолог рассматривает общность, основанную на сходстве социальных признаков. Органическая солидарность, напротив, базируется на взаимодополняющем характере социальных качеств членов общества, принципиально отличающихся друг от друга по ряду аспектов. Эти два элемента солидаризации — сходство и функциональная дополнительность рассматриваются как самостоятельные детерминанты консолидации членов общества, при этом сам по себе процесс развития социальной структуры Дюркгейм рассматривает как основание изменения преобладающего типа солидарности. Развитие трудовой специализации и усложнение структуры общества становится основанием для смещения баланса процессов солидаризации в сторону преобладания органического типа солидарности. При этом объектом солидарного отношения, с точки зрения Дюркгейма, может являться как отдельный человек, так и крупная общественная структура. Отчасти это связано с тем, что первоосновой органической солидарности, по Дюркгейму, является осознание целостной общественной структуры и включенности в нее отдельных социальных акторов.

Данная позиция Дюркгейма встретила глубокую критику в работах Ф. Хайека, рассматривавшего солидарность исключительно как отношение, доступное членам общества на уровне локального взаимодействия. По мнению Хайека, всякое сотрудничество, выходящее за рамки межличностных отношений, представляет собой результат не чувства солидарности (как это имеет место в теории Дюркгейма), но внешней нормативной регуляции общественной структуры (Хайек, 1992). Подход Хайека представляется спорным в силу того, что он редуцировал принцип солидарности, сведя его исключительно частного взаимодействия, одновременно наделив область внешней регуляции чрезмерно высоким уровнем функциональности. Внешнее регулирование социальной активности имеет существенное значение, однако не меньшую значимость имеет исходящее от носителей социальной деятельности отношение общности и единства, ярким примером которого может являться подъем патриотизма в период серьезных политических конфликтов. Возникающее чувство общности представляет собой частный случай солидарности, вместе с тем, по своему масштабу объект солидаризации значительно превышает уровень индивидуального взаимодействия и формирования малых групп.

Несмотря на спорный характер положений Хайека, его полемика с Дюркгеймом привела к актуализации ряда проблемных аспектов теории солидарности, получивших дальнейшую теоретическую разработку в рамках современных социологических теорий. К их числу следует отнести проблему соотношения механистической и органической солидарности в современном мире, нашедшую глубокую разработку в трудах А. Гофмана и проблему уровней солидаризации, детально рассмотренную Зверевым М. К.

В своем исследовании проблем солидарности А. Гофман произвел проблематизацию роли механистической солидарности в протекании социальных процессов и пришел к выводу, что, несмотря на очевидные социальные сдвиги, механистический тип солидарности сохраняет свою значимость, и, более того — фактически не может быть вытеснен ввиду необходимости консолидации не только по прагматическому критерию функциональной значимости. Исследования Гофмана выводят на новый уровень рассмотрение типов солидарности и их значения в современном обществе.

Что касается теоретической позиции М. Зверева, ее особенностью является (во многом вслед за Хайеком) рассмотрение масштаба солидаризации. При этом авторская позиция в корне противоречит идеям Хайека в силу того, что в качестве участников социального взаимодействия, между которыми могут устанавливаться отношения солидарности, Зверев рассматривает не только отдельных членов общества, но и институционализированные социальные структуры. Это позволяет ему произвести анализ степени развития солидарности на различных уровнях общественной организации (Зверев, 2009). Ценность данного подхода заключается в том, что на его уровне становится возможным сопоставление социальных процессов различного порядка с точки зрения теории солидарности.

В целом, анализируя современные подходы к проблеме солидарности, следует отметить, с одной стороны, высокую теоретическую ценность производимых разработок, с другой — высокий исследовательский потенциал данной предметной области, что связано с ее актуальностью, общностью, многогранностью и сравнительно невысокой разработанностью.

Библиографический список

1. Ворона, И. И. (2013). К вопросу терминологической синонимии. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 3–2 (21), 50–54.
2. Гофман, А. Б. (2013). Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции. *Социологический ежегодник 2012: сб. научных трудов*. М.: ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ.
3. Гофман, А. Б. (2012). Социальная солидарность: пробуждение социологической идеи. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие: Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса* (с. 32–39). М.: РОС.
4. Дюркгейм, Э. (1996). *О разделении общественного труда*. М.: Канон.
5. Зверев, М. К. (2009). *Особенности социальной солидарности в современном российском обществе*: дисс. ... канд. филос. наук. Иркутск.
6. Мертон, Р. (2006). *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ.
7. Парсонс, Т. (1998). *Система современных обществ*. М.: Аспект Пресс.
8. Хайек, Ф.А. (1992). *Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма*. М.: Новости.

Статья поступила в редакцию 19.05.2016.

CLARIFY THE SUBJECT OF "SOLIDARITY" IN CONTEMPORARY SOCIOLOGY (ANALYSIS OF DOMESTIC AND FOREIGN CONCEPTS)

Kuzmenko I. S.

Kuzmenko Irina Sergeevna, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 350051, Russia, Moscow, ul. Jaroslavskaja, 128.

The text of the article reveals the contents of the modern concept of solidarity in the works of prominent representatives of both domestic and foreign sociological theory. The author proceeds from the fact that the reason due to which the concept of solidarity for a long time out of the scientific use of sociologists is that in itself a phenomenon referred to this concept, is extremely difficult, which makes it problematic its unambiguous definition and operating them in the construction of concrete sociological theories. In the context of the designated problem made an overview of the basic concepts of solidarity.

Key words: solidarity, social system, society, the concept of solidarity.

References

1. Vorona, I.I. (2013). K voprosu terminologicheskoy sinonimii [The question of terminological synonyms]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Questions of theory and practice], 3–2 (21), 50–54.
2. Gofman, A.B. (2013). Solidarnost' ili pravila, Djurkgejm ili Hajek? O dvuh formah social'noj integracii. [Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? About two forms of social integration]. *Sociologicheskij ezhegodnik 2012: sb. nauchnyh trudov* [Sociological Yearbook 2012: coll. scientific papers]. M.: INION; Department of General Sociology of HSE.
3. Gofman, A.B. (2012). Social'naja solidarnost': probuzhdenie sociologicheskoy idei. [Social solidarity: the awakening of the sociological ideas]. *Sociologija i obshchestvo: global'nye vyzovy i regional'noe razvitie: Materialy IV Ocherednogo Vserossijskogo sociologicheskogo kongressa* [Sociology and Society: Global Challenges and Regional Development: Proceedings of the IV Ordinary All-Russian Congress of Sociology] (p. 32–39). M.: ROS.
4. Durkheim, E. (1996). *O razdelenii obshhestvennogo truda* [On the division of social labor]. M: Kanon.
5. Zverev, M. K. (2009). *Osobennosti social'noj solidarnosti v sovremenном rossijskom obshchestve*: diss. ... kand. filos. nauk. [Features of social solidarity in modern Russian society: diss ... cand. philos. sciences]. Irkutsk.
6. Merton, R. (2006). *Social'naja teorija i social'naja struktura* [Social theory and social structure]. M.: ACT.
7. Parsons, T. (1998). *Sistema sovremennyh obshchestv* [The system of modern societies]. M.: Aspekt Press.
8. Hayek, F. A. (1992). *Pagubnaja samonadejannost': Oshibki socializma* [Harmful self-confidence: Socialism errors]. M.: Novosti.

ЛИЧНОСТНЫЕ РЕГУЛЯТОРЫ СТРАТЕГИЙ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА СУБЪЕКТАМИ ГРУППОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

.....

Совмиз З. Р.

Совмиз Зарема Рустемовна, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, 350015, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Буденного, д. 161. Эл. почта: zarema83888@yandex.ru

Статья посвящена исследованию личностных регуляторов преодоления стресса субъектами групповой деятельности. Цель исследования — выявить особенности взаимосвязи групповых и индивидуальных копинг-стратегий с личностными показателями (на примере спортсменов командных видов спорта, как субъектов групповой деятельности, отличающейся высоким уровнем стрессогенности). В исследовании использованы методы психодиагностики и математической статистики. Результаты исследования свидетельствуют о том, что личностные параметры по-разному действуют на вероятность выбора групповым субъектом конструктивных или деструктивных командных и индивидуальных стратегий преодоления стресса. Различия проявляются в том, что одни личностные параметры укрепляют вероятность выбора адаптивных копингов, другие — снижают вероятность применения дезадаптивных и дисфункциональных. Компоненты социального интеллекта снижают деструктивные копинги, а поддержка автономии спортсмена тренером, компоненты психосоциальной зрелости, коммуникативные и организаторские способности и избегание конфликта повышают вероятность применения конструктивных. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация действуют в двух направлениях в зависимости от уровня группового развития. В более развитых группах данные параметры укрепляют адаптивные копинги, в менее развитых командах, наоборот, снижают вероятность выбора деструктивных копинг-стратегий. Чрезмерно высокий уровень эмпатии групповых субъектов, менее развитых по социально-психологическим параметрам, ведет к снижению адаптивных копингов. Результаты исследования позволяют прогнозировать реакцию субъекта на стресс, исходя из его личностных особенностей. Таким образом, ресурсом укрепления командных адаптивных копинг-стратегий групповых субъектов являются преимущественно компоненты эмоционального интеллекта, социально-психологической адаптации, а также психосоциальная зрелость, поддержка автономии спортсмена тренером, коммуникативные и организаторские способности, избегание как стиль разрешения конфликта.

Ключевые слова: субъект групповой деятельности, индивидуальные и групповые копинг-стратегии, эмоциональный интеллект.

В современных исследованиях в области общей психологии и психологии спорта прослеживается повышение внимания к проблеме поиска личностных ресурсов, благодаря которым субъект сможет эффективно противостоять

стрессовым воздействиям. Акцент в большинстве научных работ данного направления смещен на изучение индивидуальных копинг ресурсов субъекта, без должного внимания остается вопрос преодоления стресса субъектами групповой деятельности. Как пишут Е. П. Белинская и А. А. Икрамова, исследования преодоления стресса групповым субъектом направлены преимущественно на изучение диадных отношений (семейных) и больших социальных групп (Белинская, Икрамова, 2015).

Исследования феномена группового субъекта связаны с именами таких современных ученых, как А. Л. Журавлев, В. А. Штроо, К. М. Гайдар и др. (Журавлев, 2009; Штроо, 2010; Гайдар, 2013).

А. Л. Журавлев в своей концепции выделяет несколько основных характеристик, отличающих групповой субъект: взаимосвязанность и взаимозависимость субъектов в рамках групповой деятельности, умение группы выполнять различные виды деятельности совместно, единство и целостность по отношению к другим объектам социума, способность группового субъекта к саморефлексии (Журавлев, 2009).

А. Н. Кимберг и А. С. Налетова отмечают, что групповой субъект предполагает определенную организацию совместной деятельности и наличие индивидуальных субъектов, которые осуществляют данную деятельность (Кимберг, Налетова, 2006).

Как пишет В. А. Штроо, групповой субъект отличается выполнением определенной совместной деятельности. Автор отмечает, что ее осуществление возможно не за счет усилий отдельных индивидов и не путем их сложения. Групповой субъект обладает целостностью и системностью, что выражается в наличии своих социальных границ, отделяющих его от остальных социальных объектов, наличии различных структурных компонентов (коммуникативного, статусного, функционально-ролевого), комплекса факторов, обеспечивающих его жизнедеятельность (содержание, характер, цели, средства деятельности). Индивидуально-психологические свойства личности индивидов, входящих в команду, опосредуются за счет их включения во «внутренний мир» группы, а взаимоотношения опосредуются уровнем развития группы и характером выполняемой ею деятельности (Штроо, 2010).

В нашем исследовании мы обращаем внимание на изучение личностных особенностей субъектов командной спортивной деятельности как потенциальных регуляторов копинг-стратегий. Выбор командного вида спорта в качестве объекта исследования обусловлен тем, что данный вид деятельности постоянно сопровождается стрессами. Помимо привычных спортивных стрессов, таких как участие в соревнованиях, необходимость соблюдать режим, выдерживать тренировочные нагрузки, выступать на публике, в нем присутствуют стрессы, связанные с межличностными отношениями в команде, иными словами, факторами совместной деятельности (Горская, 2012). На наш взгляд, именно поэтому

развитие и укрепление определенных личностных качеств играет значительную роль в умении группового субъекта справляться со стрессом. В качестве подобных личностных ресурсов мы рассматриваем эмоциональный интеллект, социальный интеллект, эмпатию, мотивацию достижения, коммуникативные и организаторские способности, особенности восприятия субъектами группы своего тренера (так как речь идет о спортивной команде).

Цель исследования — выявить особенности взаимосвязи групповых и индивидуальных копинг-стратегий с эмоциональным интеллектом (ЭИ), социальным интеллектом, эмпатией, коммуникативными и организаторскими способностями, мотивацией к достижению успеха, к избеганию неудач, с готовностью к риску, поддержкой автономии спортсмена тренером, психосоциальной зрелостью и социально-психологической адаптацией.

Методы исследования: тест эмоционального интеллекта Д. В. Люсина (Люсин, 2006), методика измерения социального интеллекта Дж. Гилфорда и М. Салливена (Михайлова (Алешина), 1996), диагностика копинг-стратегий во время кризиса (Агазаде, 2012), диагностика уровня развития малой группы (Фетискин, 2002), опросник психосоциальной зрелости (Пашнев, 2010), опросник «Стиль поведения в конфликте» К. Томаса, методики диагностики личности на мотивацию к успеху, к избеганию неудач Т. Элерса, методика диагностики степени готовности к риску А. М. Шуберта, методика диагностики уровня эмпатии В. В. Бойко, методика диагностики социально-психологической адаптации К. Роджерса и Р. Даймонда, методика диагностики коммуникативных и организаторских склонностей (КОС-2) (Райгородский, 2001), методы математической статистики (коэффициент корреляции Спирмена, U-критерий Манна Уитни) (Сидоренко, 2003).

Выборка исследования: 9 спортсменов баскетбольной команды «Локомотив» г. Краснодар и 17 спортсменов сборной команды Краснодарского края по регби в возрастном диапазоне от 16 до 27 лет.

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование уровня развития команд показало, что группы достоверно не различаются по данному параметру. Уровень развития команды по регби соответствует 60 баллам, команды по баскетболу 56 баллам. По Л. И. Уманскому, обе группы являются автономиями, но при этом находятся на разных полюсах данного диапазона развития (50–66 баллов) и характеризуются целостностью и удовлетворением социальных потребностей ее членов. В группе, находящейся на нижнем полюсе данного уровня (команда по баскетболу), данные характеристики будут проявляться менее выражено, чем в группе, граничащей с более высоким уровнем развития «группой-коллективом» (команда по регби) (Уманский, 2001).

Команда регбистов достоверно превосходит команду баскетболистов по уровню развития всех компонентов эмоционального интеллекта: понимание чужих эмоций ($U = 0,029; p \leq 0,05$), управление чужими эмоциями ($U = 0,011; p \leq 0,05$),

понимание своих эмоций ($U = 0,006; p \leq 0,05$), управление своими эмоциями ($U = 0,003; p \leq 0,05$), контроль экспрессии ($U = 0,006; p \leq 0,05$), межличностный ЭИ ($U = 0,009; p \leq 0,05$), внутриличностный ЭИ ($U = 0,002; p \leq 0,05$), понимание эмоций ($U = 0,005; p \leq 0,05$), управление эмоциями ($U = 0,004; p \leq 0,05$), общий уровень ЭИ ($U = 0,005; p \leq 0,05$).

Проникающая способность в эмпатии выше в команде по регби ($U = 0,034; p \leq 0,05$), а избегание конфликта выше в команде по баскетболу ($U = 0,018; p \leq 0,05$).

В команде регбистов оказались достоверно выше такие показатели социально-психологической адаптации, как дезадаптивность ($U = 0,009; p \leq 0,05$), неприятие себя ($U = 0,009; p \leq 0,05$), неприятие других ($U = 0,025; p \leq 0,05$), ведомость ($U = 0,025; p \leq 0,05$), эскапизм ($U = 0,045; p \leq 0,05$).

Сравнительный анализ личностных параметров субъектов групповой деятельности показал, что достоверных различий не выявлено по таким характеристикам, как социальный интеллект, мотивация достижения, избегания неудач, готовность к риску, коммуникативные и организаторские способности, социально-психологическая зрелость, поддержка автономии спортсмена тренером, копинг-стратегии. Стоит отметить, что все компоненты социального интеллекта находятся на среднем уровне развития, кроме способности распознавать структуру межличностных ситуаций в динамике (субтест № 4), который на уровне «ниже среднего».

Исследование копинг-стратегий позволило выявить, что в обеих спортивных командах адаптивные индивидуальные и групповые копинги превосходят дезадаптивные и деструктивные, что является благоприятным фактором в умении данных субъектов противостоять стрессовым ситуациям.

Анализируя полученные данные, мы можем провести параллель с исследованиями Г. Б. Горской и В. С. Егоровой, которые посвящены изучению социально-средовых регуляторов включения художников в творческий процесс самореализации. Спорт и художественное творчество близки тем, что требуют от субъекта раннего включения в их освоение и сопровождаются спектром противоречий между возможностями, приоритетами в ценностях и условиями среды, в рамках которой идет процесс самореализации, что делает актуальной проблему поиска личностных ресурсов в борьбе со стрессами. Авторы отмечают, что при очевидной значимости творческой индивидуальности художника существенным условием его самореализации оказывается взаимодействие с социальным окружением, которое во многих случаях стрессогенно и требует готовности преодолевать стрессы. В контексте данного исследования важно указание на взаимное оценивание, которое и для художников, и для спортсменов является источником психологического давления на их личность, усложняющим процесс выхода из стрессовых ситуаций (Горская, Егорова, 2014).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции эмоционального интеллекта и копинг-стратегий субъектов групповой деятельности

Компоненты эмоционального интеллекта	Мужская команда по баскетболу (<i>n</i> = 9)					Мужская команда по регби (<i>n</i> = 17)				
	ИА	ИД	КА	КД	КДД	ИА	ИД	КА	КД	КДД
Понимание чужих эмоций	0,49	-0,95**	0,21	-0,90**	-0,46	0,51*	-0,09	0,23	-0,16	-0,08
Понимание своих эмоций	0,62	-0,66	-0,33	-0,59	-0,12	0,13	-0,20	0,50*	-0,12	-0,26
Контроль экспрессии	0,43	-0,88**	0,02	-0,86**	-0,28	-0,17	-0,24	0,24	-0,21	-0,01
Межличност. ЭИ	0,71*	-0,81**	-0,01	-0,67*	-0,42	0,41	-0,25	0,43	-0,21	-0,10
Внутриличност. ЭИ	0,60	-0,67*	-0,14	-0,6	-0,15	0,09	-0,33	0,63**	-0,26	-0,22
Понимание эмоций	0,66	-0,86**	-0,24	-0,75*	-0,38	0,3	-0,12	0,37	-0,13	-0,15
Общий уровень ЭИ	0,53	-0,75*	-0,07	-0,67*	-0,38	0,25	-0,28	0,62**	-0,22	-0,18

Примечание: ИА — индивидуальные адаптивные копинг-стратегии; ИД — индивидуальные дезадаптивные; КА — командные адаптивные; КД — командные дезадаптивные; КДД — командные (дисфункциональные / деструктивные); ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Исследование взаимосвязи копинг-стратегий и эмоционального интеллекта показало, что в команде баскетболистов присутствуют как отрицательные, так и положительные взаимосвязи между исследуемыми параметрами, в то время как в команде регбистов лишь положительные и только с адаптивными копинг-стратегиями (табл. 1).

В команде баскетболистов индивидуальные и групповые дезадаптивные копинг-стратегии отрицательно коррелируют со многими компонентами эмоционального интеллекта (пониманием чужих эмоций, контролем экспрессии, межличностным эмоциональным интеллектом, общим уровнем эмоционального интеллекта). В данной команде присутствует положительная взаимосвязь лишь межличностного эмоционального интеллекта с индивидуальными адаптивными копинг-стратегиями. В команде по регби картина взаимосвязей иная, корреляции в ней менее насыщены и вместе с тем носят лишь положительный характер (индивидуальные и командные копинг-стратегии прямо пропорционально взаимосвязаны с различными компонентами эмоционального интеллекта). Таким

Таблица 2

Коэффициенты корреляции социального интеллекта и копинг-стратегий субъектов групповой деятельности

Компоненты социального интеллекта	Команда по баскетболу (<i>n</i> = 9)					Команда по регби (<i>n</i> = 17)				
	ИА	ИД	КА	КД	КДД	ИА	ИД	КА	КД	КДД
Субтест № 1	0,08	-0,44	0,28	-0,44	-0,67*	0,14	-0,10	0,12	-0,23	0,31
Субтест № 2	-0,33	-0,12	0,52	-0,12	-0,70*	-0,29	0,27	0,30	0,29	0,19
Субтест № 3	0,32	0,04	-0,26	0,09	0,51	0,11	-0,73**	-0,12	-0,77**	-0,38
Субтест № 4	-0,23	-0,19	-0,30	-0,28	0,39	0,04	-0,15	-0,36	-0,33	0,16
Композитная оценка	-0,04	-0,40	-0,07	-0,43	-0,04	0,05	-0,42	-0,01	-0,56*	0,02

Примечание: ИА — индивидуальные адаптивные копинг-стратегии; ИД — индивидуальные дезадаптивные; КА — командные адаптивные; КД — командные дезадаптивные; КДД — командные (дисфункциональные/деструктивные); ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя);* — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

образом, в баскетбольной команде наблюдаются отрицательные взаимосвязи с деструктивными копинг-стратегиями, а в команде регбистов — положительные взаимосвязи с конструктивными.

Как говорилось ранее, групповые копинг-стратегии не являются суммой индивидуальных способов преодоления стресса. Успешность выхода из стрессовой ситуации зависит от группового ресурса реагирования на стресс (Белинская, Икрамова, 2015). Так как эмоциональный интеллект субъектов команды по регби находится на высоком уровне развития, а характер его взаимосвязей с копинг-стратегиями свидетельствует об укреплении адаптивных способов реагирования на стресс, логичен вывод о том, что высокий уровень эмоционального интеллекта является регулятором в применении адаптивных групповых стратегий преодоления стресса.

Подтверждение полученных данных мы находим в работах П. Сэловея и Дж. Мэйера. Авторы отмечают, что эмоциональный интеллект состоит из четырех блоков: умение правильно воспринимать, интерпретировать и выражать эмоции; способность вызывать чувства; понимать эмоции; осознанно регулировать их, контролировать экспрессию. Каждый из этих блоков развивается в процессе взросления личности. Как отмечают авторы, данные компоненты

эмоционального интеллекта позволяют регулировать свои эмоциональные состояния и, успешно воздействуя на окружающих, держать под контролем их эмоции, что способствует эффективному разрешению возникающих проблем, благоприятствует общению и взаимодействию (Mayer, Salovey, 2005).

Анализ особенностей взаимосвязи копинг-стратегий и социального интеллекта показал, что в обеих группах между данными параметрами исследования существуют лишь отрицательные взаимосвязи (табл. 2). В группе баскетболистов субтест № 1 «Истории с завершением», определяющий умение предвидеть последствия поведения, предвосхищать дальнейшие поступки людей на основе анализа реальных ситуаций общения, и субтест № 2 «Группы экспрессии», определяющий умение правильно оценивать состояния, чувства, намерения людей по их невербальным проявлениям, отрицательно коррелирует с показателем командных деструктивных копинг-стратегий.

В команде регбистов композитная оценка социального интеллекта и субтест № 3 «Вербальная экспрессия», определяющий чувствительность к характеру и оттенкам взаимоотношений, понимание речевой экспрессии отрицательно коррелирует с индивидуальными и групповыми дезадаптивными копинг-стратегиями. Полученная картина взаимосвязей свидетельствует о том, что различные компоненты социального интеллекта являются ресурсами снижения дезадаптивных проявлений команды в ситуации стресса. Группа с более высоким уровнем развития (команда по регби) в качестве ресурса использует ролевую пластичность, чувствительность к речевой экспрессии, а группе с более низким уровнем развития (команда по баскетболу) помогает справиться со стрессом правильное понимание невербальных проявлений людей и знание нормо-ролевых моделей и правил, регулирующих поведение.

В баскетбольной команде коммуникативные способности снижают индивидуальные дезадаптивные ($rs = -0,68; p \leq 0,05$). В команде регбистов и коммуникативные ($rs = 0,56; p \leq 0,05$), и организаторские способности ($rs = 0,58; p \leq 0,05$) повышают уровень индивидуальных адаптивных копинг-стратегий.

Полученные данные согласуются с результатами исследований С. А. Хазовой. В своих научных трудах автор раскрывает взаимосвязь коммуникативных способностей и социального интеллекта с копинг-стратегиями. Опираясь на полученные данные, С. А. Хазова утверждает, что социальный интеллект выступает в качестве ресурса конструктивных копинг-стратегий, а низкий его уровень вызывает дезадаптацию в обществе. Социальный интеллект и коммуникативные навыки способствуют эффективному совладанию со стрессом путем поиска субъектом социальной поддержки (Хазова, 2012).

Анализ взаимосвязи эмпатии и копинг-стратегий показал, что в баскетбольной команде вероятность применения индивидуальных адаптивных копинг-стратегий снижает эмоциональный канал эмпатии ($rs = -0,74; p \leq 0,05$), а идентификация снижает вероятность применения командных деструктивных

копингов ($rs = -0,75; p \leq 0,05$). В команде регбистов проникающая способность эмпатии повышает вероятность применения командных адаптивных копинг-стратегий ($rs = 0,52; p \leq 0,05$). Полученные данные свидетельствуют о том, что чрезмерно высокий уровень эмпатии субъектов групповой деятельности, менее развитых по социально-психологическим параметрам, скорее мешает, чем помогает успешному преодолению стресса.

Изучение взаимосвязи поддержки автономии спортсмена тренером и копинг-стратегий показал, что в команде баскетболистов отсутствует взаимосвязь между исследуемыми феноменами, в то время как в команде регбистов поддержка автономии положительно коррелирует с командными ($rs = 0,53; p \leq 0,05$) адаптивными копинг-стратегиями. Субъекты групповой деятельности, оценивающие тренера как наставника, дающего свободу выбора и прислушивающегося к их мнению, проявляют более конструктивные способы выхода из стресса, причем именно коллективные. Тренер вселяет в спортсмена уверенность в себе, мотивирует идти к своей цели, задает настрой перед соревнованиями. Благоприятные взаимоотношения со своим наставником являются индикаторами применения групповых адаптивных способов реагирования на стресс.

Взаимосвязь психосоциальной зрелости и копинг-стратегий в исследованных группах проявляется в том, что в группе регбистов самоактуализация, познавательная мотивация и общий уровень зрелости положительно коррелируют с адаптивными индивидуальными копинг-стратегиями, а психологическая защита с командными (табл. 3).

В группе по баскетболу наблюдаются отрицательные взаимосвязи: психологическая защита снижает вероятность применения деструктивных командных копингов, интегральный показатель зрелости снижает применение командных адаптивных, а самодетерминация — вероятность применения индивидуальных адаптивных копингов.

Исследование взаимосвязи мотивации достижения успехов, избегания неудач и готовности к риску с копинг-стратегиями позволило выявить, что в обеих командах прослеживается отрицательная взаимосвязь с дезадаптивными копингами. В команде баскетболистов мотивация достижения успеха снижает вероятность применения командных деструктивных копингов ($rs = -0,74; p \leq 0,05$), а в команде регбистов — индивидуальных ($rs = -0,49; p \leq 0,05$) и командных дезадаптивных ($rs = -0,52; p \leq 0,05$) копинг-стратегий.

В баскетбольной команде избегание конфликта положительно коррелирует с командными адаптивными копинг-стратегиями ($rs = 0,71; p \leq 0,05$), в то время как способы разрешения конфликта не являются характеристиками, детерминированными принадлежностью к команде регбистов.

Далее представлены особенности взаимосвязи социально-психологической адаптации и копинг-стратегий субъектов групповой деятельности (табл. 4).

Таблица 3

Коэффициенты корреляции психосоциальной зрелости и копинг-стратегий субъектов групповой деятельности

Компоненты психосоциальной зрелости	Команда по баскетболу (<i>n</i> = 9)					Команда по регби (<i>n</i> = 17)				
	ИА	ИД	КА	КД	КДД	ИА	ИД	КА	КД	КДД
Само-детерминация	-0,75*	0,25	-0,52	0,17	-0,24	0,35	0,04	0,33	0,02	-0,01
Самоактуализация	-0,08	0,03	-0,61	0,05	-0,15	0,59*	-0,07	0,20	-0,08	-0,20
Познавательная мотивация	-0,11	0	-0,19	0,0	0,53	0,59*	0,05	0,18	0,0	0,0
Психологическая защита	-0,04	-0,34	-0,07	-0,32	-0,90**	0,4	-0,1	0,62**	-0,06	-0,27
Психосоциальная зрелость (общий балл)	-0,30	0,05	-0,75*	0,06	-0,19	0,50*	-0,17	0,46	-0,23	-0,30

Примечание: ИА — индивидуальные адаптивные копинг-стратегии; ИД — индивидуальные дезадаптивные; КА — командные адаптивные; КД — командные дезадаптивные; КДД — командные (дисфункциональные/деструктивные); ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

Анализ взаимосвязи социально-психологической адаптации и копинг-стратегий показал, что в команде по баскетболу присутствует отрицательная корреляция неприятия себя и эмоционального дискомфорта с индивидуальными адаптивными копингами и отрицательная корреляция адаптивности, принятия себя и других, эмоционального комфорта, доминирования и интернальности — с командным деструктивными.

В команде регбистов выявлены следующие взаимосвязи: адаптивность, принятие себя, внутренний контроль повышают вероятность применения индивидуальных адаптивных копинг-стратегий; неприятие других повышает вероятность применения индивидуальных дезадаптивных копингов, а интегральный показатель эмоционального комфорта *E*, наоборот, снижает; интегральный показатель адаптации *A*, показатели эмоционального комфорта *E* и интернальности *I* снижают вероятность применения командных дезадаптивных стратегии преодоления стресса (табл. 4).

Анализ взаимосвязи личностных характеристик с групповыми и индивидуальными копинг-стратегиями показал, что некоторые личностные параметры в большей степени связаны с индивидуальными копинг-стратегиями, а другие, наоборот, являются ресурсами командных способов преодоления стресса. Например, эмоциональный интеллект, социально-психологическая адаптация,

Таблица 4

Коэффициенты корреляции социально-психологической адаптации и копинг-стратегий субъектов групповой деятельности

Компоненты социально-психологической адаптации	Команда по баскетболу (n = 9)					Команда по регби (n = 17)				
	ИА	ИД	КА	КД	КДД	ИА	ИД	КА	КД	КДД
Адаптивность	-0,21	-0,15	-0,2	-0,08	-0,73*	0,75**	-0,23	0,35	-0,30	-0,04
Приятие себя	-0,23	-0,17	-0,23	-0,1	-0,75*	0,75**	-0,07	0,2	-0,17	0,04
Неприятие себя	-0,71*	0,2	-0,02	0,1	-0,24	-0,05	0,27	-0,31	0,30	0,05
Приятие других	-0,31	-0,1	0,05	0	-0,80**	0,34	-0,33	0,41	-0,3	-0,16
Неприятие других	-0,58	0,55	0,05	0,42	0,25	0,13	0,51*	-0,37	0,38	0,31
Эмоциональный комфорт	-0,29	-0,14	-0,38	-0,09	-0,69*	0,17	-0,35	-0,07	-0,43	-0,22
Эмоциональный дискомфорт	-0,73*	0,6	-0,23	0,42	0,22	-0,08	0,38	-0,21	0,34	0,25
Внутренний контроль	-0,31	-0,05	-0,21	0	-0,66	0,60*	-0,15	0,41	-0,27	-0,07
Доминирование	-0,19	-0,33	-0,18	-0,3	-0,75*	0,15	-0,02	0,23	-0,16	0,11
Адаптация А	0,13	-0,60	-0,36	-0,48	-0,63	0,34	-0,39	0,00	-0,48*	-0,19
Приятие других L	0,30	-0,44	0,08	-0,28	-0,69*	0,01	-0,45	0,40	-0,34	-0,22
Эмоциональный комфорт E	0,45	-0,77*	-0,33	-0,65	-0,32	0,15	-0,68**	0,11	-0,67**	-0,44
Интернальность I	-0,25	-0,27	-0,25	-0,22	-0,88**	0,46	-0,47	0,26	-0,50*	-0,16

Примечание: ИА — индивидуальные адаптивные копинг-стратегии; ИД — индивидуальные дезадаптивные; КА — командные адаптивные; КД — командные дезадаптивные; КДД — командные (дисфункциональные/деструктивные); ** — корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя); * — корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя).

мотивация достижения успеха и поддержка автономии спортсмена тренером в равной степени взаимосвязаны как с индивидуальными, так и с групповыми копинг-стратегиями. Характер данных взаимосвязей выражается в том, что высокий уровень эмоционального интеллекта и поддержки автономии будет способствовать укреплению адаптивных командных копинг-стратегий в группах с более высоким уровнем развития, в группах же с более низким уровнем развития будет наблюдаться рост индивидуальных адаптивных копинг-стратегий и снижение индивидуальных и групповых деструктивных копингов.

Конструктивные показатели адаптации (адаптивность, принятие себя, принятие других, эмоциональный комфорт, внутренний контроль, доминирование) положительно взаимосвязаны с адаптивными формами как индивидуальных, так и групповых копинг-стратегий; и отрицательно с дезадаптивными. При этом деструктивные формы адаптации (эмоциональный дискомфорт, внешний контроль, ведомость) снижают индивидуальные адаптивные копинг-стратегии в команде с более низким уровнем развития.

Компоненты социального интеллекта и избегание конфликта преимущественно взаимосвязаны с командными копинг-стратегиями, но различия в данных взаимосвязях заключается в том, что социальный интеллект направлен на снижение его деструктивных форм, а избегание конфликта — на укрепление конструктивных.

Психосоциальная зрелость, а также коммуникативные и организаторские способности взаимосвязаны преимущественно с индивидуальными стратегиями преодоления стресса и повышают вероятность применения их конструктивных форм.

Эмпатия снижает способность групповых субъектов, более низких по уровню группового развития, конструктивно реагировать на стресс.

Практическая значимость полученных данных выражается в том, что результаты исследования:

- во-первых, позволяют прогнозировать вероятность применения конструктивных и деструктивных копинг-стратегий в зависимости от личностных особенностей субъектов групповой деятельности, т.е. позволяют заранее предположить реакцию субъекта на стресс, исходя из его личностных особенностей;

- во-вторых, обращают наше внимание на развитие тех личностных характеристик, благодаря которым происходит укрепление конструктивных копинг-стратегий субъекта (эмоциональный интеллект, психосоциальная зрелость, избегание конфликта, мотивация достижения успехов, коммуникативные и организаторские способности) и снижение вероятности применения деструктивных копингов (компоненты социального интеллекта, социально-психологическая адаптация);

- в-третьих, акцентируют внимание на тех личностных качествах, которые препятствуют развитию конструктивных способов реагирования субъекта на

стресс, а именно на чрезмерно высоком уровне развития эмпатии (наиболее благоприятным в преодолении стрессовой ситуации является умеренный уровень эмпатии).

Выводы

Различные личностные параметры действуют по-разному на вероятность применения конструктивных и деструктивных способов преодоления стресса субъектами групповой деятельности, одни направлены на укрепление адаптивных форм, другие на снижение дезадаптивных.

Компоненты социального интеллекта снижают деструктивные копинги, а поддержка автономии спортсмена тренером, психосоциальная зрелость, коммуникативные и организаторские способности и избегание конфликта повышают конструктивные. Эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация действуют разнонаправлено в зависимости от уровня развития группового субъекта. В группах, более развитых по своему уровню, акцент смещается на укрепление адаптивных копингов за счет ресурсов в виде высокого уровня развития эмоционального интеллекта, в менее развитых — на снижение деструктивных способов разрешения стресса.

Таким образом, ресурсом в применении и укреплении командных адаптивных копинг-стратегий субъектов групповой деятельности являются эмоциональный интеллект и социально-психологическая адаптация.

Библиографический список

1. Агазаде, Н. (2012). Копинг-стратегии во время кризиса. *Медицинская психология в России*, 1 (12). Режим доступа: http://www.medpsy.ru/mprij/archiv_global/2012_1_12/pomer/pomer01.php
2. Гайдар, К. М. (2013). *Социально-психологическая концепция группового субъекта: монография*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
3. Горская, Г. Б. (2012). Организационный стресс в спорте: источники, специфика проявлений, направления исследований. *Физическая культура, спорт — наука и практика*, 4, 74–76.
4. Горская, Г. Б., Егорова, В. С. (2014). Социально-средовые регуляторы включения художника в процесс творческой самореализации. *Человек. Сообщество. Управление*, 4, 103–117.
5. Белинская, Е. П., Икрамова, А. А. (2015). Взаимосвязь совместного копинга и уровня групповой сплоченности при выработке группового решения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 3 (63), 82–87.
6. Журавлев, А. Л. (2009). Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы. *Психологический журнал*, 30 (5), 72–80.
7. Кимберг, А. Н., Налетова, А. С. (2006). Концепты индивидуального и коллективного субъектов. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 17–24.

8. Люсин, Д. В. (2006). Новая методика для измерения эмоционального интеллекта: опросник ЭМИн. *Психологическая диагностика*, 4, 3–22.
9. Михайлова (Алешина), Е. С. (1996). *Методика исследования социального интеллекта: Адаптация теста Дж. Гилфорда и М. Салливена*: Руководство по использованию. Санкт-Петербург.
10. Пашнев, Б. К. (2010). *Психодиагностика. Практикум школьного психолога*. Ростов-на-Дону: Феникс.
11. Райгородский, Д. Я. (2003). *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Учебное пособие. Самара: БАХРАХ–М.
12. Сидоренко, Е. В. (2003). *Методы математической обработки в психологии*. Санкт-Петербург: ООО «Речь».
13. Уманский, Л. И. (2001). *Личность. Организаторская деятельность. Коллектив. Избранные труды*. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова.
14. Фетискин, Н. П., Козлов, В. В., Мануйлов, Г. М. (2002). *Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп*. Москва.
15. Хазова, С. А. (2012). Коммуникативные способности и социальный интеллект в социальном поведении в ранней юности. *Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова*, 18, 192–197.
16. Штроо, В. А. (2010). Исследование групповых защитных механизмов. *Журнал практической психологии и психоанализа*, 3.
17. Mayer, J. D. & Salovey, P. (2005). *Emotional Intelligence*. New York.

Статья поступила в редакцию 17.09.2016.

.....

PERSONAL REGULATORS OF STRESS COPING STRATEGIES AMONG THE SUBJECTS OF GROUP ACTIVITIES

Sovmiz Z. R.

Sovmiz Zarema Rustemovna, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, 350015, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, 161 Budennogo str. E-mail: zarema83888@yandex.ru

The article is devoted to the study of personal regulators of stress coping by subjects of group activity. The aim of the research is to define peculiarities of interconnection between group and individual coping-strategies and personal characteristics (using the example of sportsmen of team sports as subjects of group activity, for whom high level of stressogenity is characteristic). Methods of psychodiagnosis and mathematical statistics are used. The research results show that personal parameters influence differently the probability of a group activity subject's choice of constructive or destructive team and individual strategies of stress coping. The difference is that some personal parameters strengthen the probability of choosing adaptive copings, others- reduce the probability of using disadaptive and dysfunctional ones. Components of social intelligence reduce destructive copings, while the trainer's encouraging sportsman's autonomy, components of psychosocial maturity, communicative and organizational abilities and conflict avoidance increase the possibility the sportsman chooses constructive coping. Emotional intelligence and socio-psychological adaptation have a dual action depending on the level of the group development. In more developed groups these parameters strengthen adaptive copings, in less developed teams they reduce the probability of destructive coping-strategies. The excessively high level of empathy among group subjects,

which are less developed in socio-psychological parameters, causes reduction of adaptive copings. The research results enable us to foresee the subject's reaction to stress depending on his personal peculiarities. Thus, the resources of enforcing team adaptive coping-strategies for group subjects are primarily components of emotional intelligence, socio-psychological adaptation, as well as the trainer's encouraging sportsman's autonomy, components of psychosocial maturity, communicative and organizational abilities and conflict avoidance as a way to settle conflicts.

Key words: the subject of group activities, individual and group coping strategies, emotional intelligence.

References

1. Agazade, N. (2012). Koping-strategii vo vremja krizisa [Coping strategies during the crisis]. *Medicinskaja psihologija v Rossii* [Medical psychology in Russia: electron. scientific journal], 1 (12). Retrieved from http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2012_1_12/nomer/nomer01.php
2. Gajdar, K. M. (2013). *Social'no-psihologicheskaja koncepcija gruppovogo sub#ekta: monografija* [The socio-psychological concept of group subject: monograph]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta [Voronezh: Publishing house of Voronezh State University].
3. Gorskaja, G. B. (2012). Organizacionnyj stress v sporte: istochniki, specifika projavlenij, napravlenija issledovanij [Organizational stress in sports: sources, specificity of its manifestations, areas of research]. *Fizicheskaja kul'tura, sport — nauka i praktika* [Physical culture, sports — science and practice], 4, 74–76.
4. Gorskaja, G. B. & Egorova V. S. (2014). Social'no-sredovye reguljatory vključenija hudožnika v process tvorcheskoj samorealizacii [Socio-environmental regulators of the artist in a creative process of self-fulfilment]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [People. Community. Management], 4, 103–117.
5. Belinskaja, E. P. & Ikramova, A. A. (2015). Vzaimosvjaz' sovmestnogo kopinga i urovnja gruppovoj splochnosti pri vyrabotke gruppovogo reshenija [Relationship between joint coping and level of group cohesion in formulating group decisions]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Kemerovo State University], 3 (63), 82–87.
6. Zhuravlev, A. L. (2009). Kollektivnyj sub#ekt: osnovnye priznaki, urovni i psihologicheskie tipy [Collective subject: basic features, levels and psychological types]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal], 30 (5), 72–80.
7. Kimberg, A. N. & Naletova, A. S. (2006). Koncepty individual'nogo i kollektivnogo sub#ektov [The concepts of individual and collective actors]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [People. Community. Management], 3, 17–24.
8. Ljusin, D. V. (2006). Novaja metodika dlja izmerenija jemocional'nogo intellekta: oprosnik JemIn. [A new method for measuring emotional intelligence: Emin questionnaire]. *Psihologicheskaja diagnostika* [Psychological diagnosis], 4, 3–22.
9. Mihajlova (Aleshina), E. S. (1996). *Metodika issledovanija social'nogo intellekta: Adaptacija testa Dzh. Gilforda i M. Sallivena: Rukovodstvo po ispol'zovaniju* [Methods of research of social intelligence: Adaptation of John. Guildford and M. Sullivan's test: a Guide to use]. Sankt-Peterburg.

10. Pashnev, B. K. (2010). *Psihodiagnostika. Praktikum shkol'nogo psihologa* [Diagnostics. Practicum of school psychologist]. Rostov-na-Donu: Feniks.
11. Rajgorodskij, D. Ja. (2003). *Prakticheskaja psihodiagnostika. Metodiki i testy. Uchebnoe posobie* [Practical psychodiagnosics. Methods and tests. Textbook]. Samara: BAHRAH-M.
12. Sidorenko, E. V. (2003). *Metody matematicheskoy obrabotki v psihologii* [Methods of mathematical processing in psychology]. Sankt-Peterburg: OOO "Rech".
13. Umanskij, L. I. (2001). *Lichnost'. Organizatorskaja dejatel'nost'. Kollektiv. Izbrannye trudy* [Personality. Organizational activities. Team. Selected works]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova [Kostroma: KSU. N. A. Nekrasov].
14. Fetiskin, N. P., Kozlov, V. V. & Manujlov, G. M. (2002). *Social'no-psihologicheskaja diagnostika razvitija lichnosti i malyh grupp* [Socio-psychological diagnostics of personality development and small groups]. Moscow.
15. Hazova, S. A. (2012). Kommunikativnye sposobnosti i social'nyj intellekt v social'nom povedenii v rannej junosti [Communication skills and social intelligence in social behaviour in early adolescence]. *Vestnik KGU im. N. A. Nekrasova* [The Bulletin of Kostroma state University named after na Nekrasov], 18, 192–197.
16. Shtroo, V. A. (2010). Issledovanie gruppovyh zashhitnyh mehanizmov [Study of group defense mechanisms], *Zhurnal prakticheskoy psihologii i psihoanaliza* [Journal of practical psychology and psychoanalysis], 3.
17. Mayer, J. D. & Salovey, P. (2005). *Emotional Intelligence*. New York.

РАЗРАБОТКА ОПРОСНИКА ОТНОШЕНИЯ К КРЕДИТАМ И ЕГО ПСИХОМЕТРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ¹

Дёмин А. Н., Киреева О. В., Педанова Е. Ю.

Дёмин Андрей Николаевич, Кубанский государственный университет, 350040,
Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru

Киреева Оксана Васильевна, Кубанский государственный университет, 350040,
Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: OKSANA-KIRIEVA@mail.ru

Педанова Екатерина Юрьевна, Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: ket_wild@mail.ru

Обсуждается разработка опросника «Отношение к кредитам», в основании которого лежит модель отношений личности В. Н. Мясищева и подход С. Л. Рубинштейна, согласно которым личность предстает как автор отношений к миру, к другим людям, к объектам, ситуациям и событиям, к самому себе. Опросник направлен на диагностику трех компонентов отношения к кредитам: когнитивного, мотивационного, поведенческого (готовность к поведению в ситуации персонального дефолта). Итоговая версия методики измеряет 3 параметра («Осведомленность», «Мотивация», «Поведение в ситуации персонального дефолта») и включает 12 шкал для оценки данных параметров. Параметр «Осведомленность» измеряется с помощью шкал «Активная осведомленность» и «Пассивная осведомленность». Параметр «Мотивация» диагностируется с помощью шкал: «Получение удовольствия от использования кредита», «Превращение мечты в реальность, стремление ускорить время», «Страх перед кредитами, финансовый ригоризм», «Принятие кредита как нормы жизни», «Альтруистическое поведение», «Ориентация на целевое “крупное” использование денег». Параметр «Стратегии поведения в ситуации персонального дефолта» оценивается с помощью шкал: «Поиск продуктивных вариантов решения проблемы», «Уход от решения проблемы, избегающее поведение», «Общественно-экономическая активность», «Целенаправленный поиск помощи в социальной сети». Приводятся результаты психометрической проверки опросника (внутренняя консистентность, ретестовая надёжность, конструктивная валидность шкал), свидетельствующие о возможности его использования в научных исследованиях. Обсуждаются перспективы применения опросника.

Ключевые слова: отношение к кредитам, персональный дефолт, психодиагностика.

Кредитное поведение — объект разных научных дисциплин. Экономисты и социологи изучают предпочитаемые формы займа денежных средств и цели

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и администрации Краснодарского края в рамках научно-исследовательского проекта № 16-16-23011 – а (р) «Психологический анализ активности молодёжи и людей зрелого возраста на кредитном рынке».

использования заемных средств (Лебедев, Булыгина, 2015; Осипов, 2015; Thomas, 2000); нередко основным фактором кредитного поведения признается уровень дохода человека и семьи в целом (Давыденко, 2014). Социологи анализируют кредитное поведение в рамках долгового поведения, разрабатывая для этого различные схемы опросов. Помимо формализованных интервью ими были предприняты попытки разработать опросники, направленные на изучение установок к кредитному поведению. Так, в исследованиях Д. О. Стребкова (2004; 2007), Д. Х. Ибрагимовой (2008) и других социологов выявляются суждения заемщиков об их готовности к кредитованию, также анализируется готовность заемщиков к возврату долга. Опираясь на рекомендации зарубежных исследователей, отечественные социологи в формулировках анкетных вопросов, направленных на выяснение степени влияния различных факторов на долговое поведение респондентов, стараются фокусироваться на выявлении локуса контроля за расходованием заемных средств, отношения различных групп населения к долгам, на изучении процесса принятия долгового решения в условиях риска. А. А. Дикий предлагает включать вопросы о том, имеют ли респонденты отношение к фактам кредитования своего домохозяйства; об отношении их родителей к использованию кредита; об использовании различных форм кредита и о прямых и косвенных источниках проблем с выплатами по долговым обязательствам (Дикий, 2012).

В. Тапилина и Т. Богомолова на основе данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ) выделили четыре основные модели финансового поведения домохозяйств в зависимости от того, сберегают они или заимствуют деньги («сберегатели», «антисберегатели», которые чаще берут деньги в долг, «смешанная» и «пассивная» модели, когда финансовое поведение отсутствует (Тапилина, Богомолова, 1998).

Зарубежные исследователи обращались к изучению различных аспектов кредитования, показателями которого выступали общий объем долга семьи, наличие отдельных долгов у каждого из супругов, количество кредитных карточек, доля средств, уходящих на ежемесячное погашение долга и др. (Найхое, Leach, Turner, 1999; Lunt, Livingstone, 1992). Наличие долгов исследователи используют в качестве одного из критериев социально-экономической дифференциации населения. П. Лунт и С. Ливингстоун построили типологию, выделив шесть категорий населения в зависимости от наличия долгов, регулярности сбережений и наличия накоплений (Lunt, Livingstone, 1992). Обнаружено, что стратегии заемного и сберегательного поведения могут либо использоваться изолированно, либо сочетаться. Исследователи выявили, что долговое поведение более характерно для лиц с материальным достатком, для которых займ является способом удовлетворения потребностей, а сам кредит воспринимается как удобная возможность, благо современного общества. Те, кто не имеет долгов, считают их источником проблем и избегают займов.

Растёт внимание ученых к психологии заёмщиков. Это обусловлено, с одной стороны, «закредитованностью населения», с другой — цикличностью спроса на кредитные продукты, а также фактами невозврата долгов и банкротства должников. Данный вопрос изучается в связи с различными формами денежного и потребительского поведения, а также психологическими эффектами займов и поиском индивидуально-психологических предпосылок невозврата кредитов (Гагарина, 2016; Семенов, 2009; Фенько, 2004; Brown, Taylor, Price, 2005; Gathergood, 2012; Lea, Webley, Walker, 1995; Thomas, 2000). О. С. Посыпанова в рамках изучения поведения потребителей обращает внимание на кредиты, как на способ опережающего потребления, при котором «психологическая» стоимость приобретаемого на заемные деньги товара или услуги увеличивается за счет того, что у заемщиков возрастает состояние напряжения и тревоги (Посыпанова, 2012). Исследователей интересует проблема добросовестности заёмщиков (Семёнов, 2009). Наряду с опросными процедурами в психологии кредитного поведения начинает применяться метод эксперимента. Так, Ю. Е. Мужичкова и ее коллеги предлагают использовать экспериментальный метод для исследования поведения должников (Мужичкова, 2016). В частности, ими был проведен эксперимент, моделирующий стратегию принятия решения о заимствовании денежных средств (варьировалась установка о заимствовании денежных средств: в первом случае в инструкции речь шла о долге другому лицу, во втором — о заимствовании средств в банке, т.е. институциональном займе). Экспериментальный метод позволяет выявить формы поведения заемщиков (должников), проанализировать в лабораторных условиях последствия тех или иных стратегий поведения должников, оценить их эффективность.

В целом репертуар методов и методик, направленных на психологическое изучение кредитного поведения, невелик. Это контрастирует с ситуацией в области изучения отношения к деньгам. В зарубежной психологии получили известность стандартизованная Шкала денежных установок (Money Attitude Scale, MAS) Ямамучи и Темпера, Шкала денежной этики (Money Ethic Scale, MES) Т. Танга, опросник Э. Фернэма «Отношение к деньгам» (Фенько, 2004). Последний из названных опросников послужил основой для многочисленных отечественных модификаций и разработок (О. С. Дейнека, А. А. Капустин, М. Ю. Семенова и Ю. В. Мацнева, Е. В. Тугарева и И. Ю. Красикова, А. Б. Фенько).

Мы видим дефицит в отечественной психологии психодиагностических инструментов, направленных на измерение различных аспектов кредитного поведения. Цель статьи — разработка опросника «Отношение к кредитам». В его основание положены представления В. Н. Мясищева и С. Л. Рубинштейна, согласно которым личность предстает как автор различного рода отношений к миру в целом, к другим людям, объектам, ситуациям и событиям, к самому себе, а в структуру отношения входят познавательный, эмоциональный, мотивационный, волевой компоненты (Мясищев, 1995; Рубинштейн, 2003). Отношение

к кредитам будем рассматривать как одно из частных отношений личности к социально-экономической сфере жизнедеятельности. Личность выстраивает свою экономическую активность (в частности кредитное поведение) на основе целого набора различных отношений: к деньгам, к заемщикам и должникам, к процессу кредитования, к долгу, к внутренним и внешним трудностям возврата кредита; может включать в себя знание, оценку, стремление, готовность к разным формам поведения.

В данной работе в центре внимания находится отношение реальных и потенциальных заемщиков к кредитованию в целом и к ситуации персонального дефолта.

На этапе теоретической проработки опросника в структуре отношения к кредитам было решено оставить следующие составляющие:

- осведомленность (пассивная и активная), т.е. знание различных аспектов кредитования;
- мотивация взятия / получения кредита;
- готовность к тем или иным формам поведения в ситуации персонального дефолта — кризисной ситуации, возникающей по причине временной или постоянной финансовой несостоятельности заемщика (Киреева, Демин, 2016б).

Правомерность выделения этих составляющих подтвердилась по итогам анализа кредитных историй, собранных в ходе серии интервью с заемщиками, наблюдений за ними, а также контент-анализа сообщений на форумах должников. В рамках перечисленных процедур было выделено 96 первичных индикаторов, отражающих психологическое содержание осведомленности, мотивации кредитного поведения и готовности к поведению в ситуации персонального дефолта. Эмоциональный компонент отношения к кредитам также имел место, но его ситуативность и динамичность в зависимости от этапа кредитного поведения (Киреева, Демин, 2016а) затрудняют, на наш взгляд, построение обобщенного психологического профиля заемщика — по крайней мере, на данном этапе исследования.

Для последующего психометрического анализа каждый индикатор измерялся с помощью 4-балльной шкалы на выборке 250 чел. Выборка включала 48,4% мужчин и 51,6% женщин в возрасте от 18 до 45 лет. 46,2% опрошенных имели высшее образование, большинство (63,8%) работало на постоянной основе полный рабочий день. Распределение опрошенных по уровню материального положения представлено в табл. 1.

71,5% респондентов имели опыт кредитования или в настоящее время выплачивают кредит; при этом у тех, кто имел опыт кредитования, 57,3% испытали те или иные трудности с выплатой кредита.

Массив собранных данных — отдельно для осведомленности, мотивации и готовности — был подвергнут факторизации (метод главных компонент, тип

Таблица 1

Материальное положение респондентов

Уровень материального положения	Опрошенные,%
Едва сводим концы с концами, часто не хватает денег на необходимые продукты питания	0,4
На еду денег хватает, но во всем остальном приходится себя ограничивать	10,1
На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности	16,6
На еду и одежду хватает, но при покупке телевизора, холодильника и т.п. приходится влезать в долги	36,8
Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля и дорогостоящий отпуск нам не по карману	30,8
Материально обеспечены, практически ни в чем себе не отказываем	5,3

вращения Varimax). С учётом содержания факторов мы остановились на двухфакторном решении для параметра осведомлённости, шестифакторном — для параметра мотивации взятия / получения кредита, четырёхфакторном — для параметра готовности к поведению в ситуации персонального дефолта. Факторы — основа шкал опросника; для уточнения их состава вычислялся коэффициент внутренней согласованности α -Кронбаха.

После проверки внутренней согласованности шкал и удаления ненадёжных пунктов (использовалась процедура вычисления коэффициента α -Кронбаха при удалении пункта) общее количество оставшихся пунктов составило: «Осведомленность» — 9, «Мотивация взятия кредита» — 32, «Поведение в ситуации персонального дефолта» — 20. Значения коэффициента α -Кронбаха для шкал представлены в табл. 2. Помимо шкал, включавших в себя от 3 до 10 пунктов, мы сочли целесообразным на данном этапе оставить в опроснике показатели пассивной осведомлённости (2 пункта) и альтруизма как мотивации взятия кредита (1 пункт).

В целом уровень внутренней согласованности шкал оказался приемлемым, т.е. превышающим показатель 0,6 (Бурлачук, Морозов, 1999). Одна из шкал для измерения мотивации взятия кредита («Страх перед кредитами, финансовый ригоризм») и одна из шкал для измерения готовности к поведению в ситуации персонального дефолта («Целенаправленный поиск помощи в социальной сети») имеют невысокие показатели внутренней согласованности (0,57 и 0,55 соответственно), но мы решили оставить их в опроснике по двум причинам. Во-первых, наблюдения и общение с заёмщиками свидетельствуют о реальности соответствующих феноменов; во-вторых, в практике разработки психодиагностических опросников немало примеров, когда оставляются шкалы с невысокой внутренней консистентностью в силу их теоретической и эмпирической обоснованности и важности.

Таблица 2

Результаты проверки внутренней согласованности шкал опросника отношения к кредитам, $n = 250$

Название шкалы	Итоговое количество пунктов в шкале	Значения коэффициента α -Кронбаха
Осведомлённость:	7	0,86
активная		
пассивная	2	–
Мотивация взятия кредита:	10	0,89
получение удовольствия от использования кредита		
превращение мечты в реальность, стремление ускорить время	8	0,88
страх перед кредитами, финансовый ригоризм	3	0,57
принятие кредита как нормы жизни	5	0,81
альтруизм	1	–
ориентация на целевое «крупное» использование заёмных денег	5	0,71
Поведение в ситуации персонального дефолта:		
поиск продуктивных вариантов решения проблемы	7	0,77
уход от решения проблемы, избегающее поведение	5	0,74
общественно-экономическая активность	5	0,66
целенаправленный поиск помощи в социальной сети	3	0,55

Показатель ретестовой надёжности шкал (обследовались 49 человек с интервалом 20 дней) оказался приемлемым: значение коэффициента корреляции Спирмена для всех шкал статистически значимо при $p = 0,01$ и ниже (табл. 3).

При проверке конструктивной валидности опросника мы исходили из того, что высока вероятность корреляции его шкал с показателями методики «Личностные факторы принятия решения» Т. В. Корниловой (2003), опросника «Ответственность-110» (Прядеин, 2014), опросника ожидаемой социальной поддержки SSQSR (Social Support Questionnaire, Short Form) И. Сарасона, Б. Сарасон, Э. Ширин, Г. Пирса (Дёмин, Кожевникова, Седых, Седых, 2003). Результаты корреляционного анализа представлены в табл. 4.

Согласно результатам анализа, и осведомлённость, и мотивация взятия кредита, и готовность к различным формам поведения в ситуации персонального дефолта тесно связаны с рациональностью и готовностью к риску при принятии решений. В частности, мы видим, что получение удовольствия от использования кредита, принятие кредита как нормы жизни, альтруистическая мотивация при взятии кредита и ориентация на целевое крупное использование заёмных денег,

Таблица 3

Показатели ретестовой надежности шкал опросника отношения к кредитам, $n = 49$

Шкалы опросника «Отношение к кредитам»	Значение коэффициента корреляции Спирмена
Осведомленность: активная	0,819
пассивная	0,869
Мотивация взятия кредита: получение удовольствия от использования кредита	0,906
превращение мечты в реальность, стремление ускорить время	0,977
страх перед кредитами, финансовый ригоризм	0,854
принятие кредита как нормы жизни	0,914
альтруизм	0,787
ориентация на целевое «крупное» использование заёмных денег	0,919
Поведение в ситуации персонального дефолта: поиск продуктивных вариантов решения проблемы	0,932
уход от решения проблемы, избегающее поведение	0,924
общественно-экономическая активность	0,937
целенаправленный поиск помощи в социальной сети	0,837

будучи рискованными действиями, закономерно коррелируют с показателем готовности к риску.

Показатели ответственности положительно коррелируют с ориентацией на целевое крупное использование заёмных денег и поиском продуктивных вариантов решения проблемы в случае возникновения персонального дефолта, что имеет теоретическое объяснение и подтверждается повседневными наблюдениями. Корреляцию одного из интегральных показателей ответственности с пассивной осведомлённостью можно объяснить вкладом последней в информационную основу процесса саморегуляции.

Связь между шкалами «Превращение мечты в реальность, стремление ускорить время», «Ориентация на целевое «крупное» использование заёмных денег», с одной стороны, и объёмом помогающей социальной сети — с другой, может объясняться следующим образом. Чем шире помогающая сеть, тем больше потенциальными или актуальными ресурсами обладает человек и это может уменьшать интенсивность или частоту названных видов мотивации взятия кредита.

Две шкалы, измеряющие готовность к поведению в ситуации персонального дефолта «Уход от решения проблемы, избегающее поведение», «Целенаправленный поиск помощи в социальной сети» не обнаружили корреляций с выбранными

Таблица 4

Статистически значимые коэффициенты корреляции (вероятность ошибки $p = 0,05$ и ниже) между шкалами опросника «Отношение к кредитам» и выбранными для проверки их конструкторской валидности психологическими показателями, $n = 250$ чел.

Шкалы опросника «Отношение к кредитам»	Шкалы методики «Личностные факторы принятия решения»		Интегральные показатели методики «Ответственность-110»		Опросник ожидаемой социальной поддержки	
	рациональность	готовность к риску	активность	направленность	саморегуляция	средний объем помогающей социальной сети
Активная осведомленность		0,14*				
Пассивная осведомленность					0,17**	
Получение удовольствия от использования кредита		0,17**				
Превращение мечты в реальность, стремление ускорить время						- 0,19**
Страх перед кредитами, финансовый ригоризм	0,14*					
Принятие кредита как нормы жизни		0,18**				
Альтруизм		0,12*				
Ориентация на целевое «крупное» использование заёмных денег		0,169**		0,13*		- 0,15*
Поиск продуктивных вариантов решения проблемы	0,17**		0,21**		0,23**	
Уход от решения проблемы, избегающее поведение						
Общественно-экономическая активность		0,23**				
Целенаправлен-ный поиск помощи в социальной сети						

Примечание: * — вероятность ошибки $p = 0,05$; ** — вероятность ошибки $p = 0,01$.

для валидации методиками, однако при более детальном анализе было установлено, что они коррелируют с парциальными характеристиками ответственности (табл. 5).

Таблица 5

Статистически значимые коэффициенты корреляции
(вероятность ошибки $p = 0,05$ и ниже) между шкалами опросника
«Отношение к кредитам» и парциальными характеристиками ответственности

Шкалы опросника «Отношение к кредитам»	Динамическая эргичность	Эмоциональность стеническая	Регуляторная интернальность
Уход от решения проблемы, избегающее поведение	-0,23**	-0,15*	-0,16*
Целенаправленный поиск помощи в социальной сети	-0,13*		

Примечание: * — вероятность ошибки $p = 0,05$; ** — вероятность ошибки $p = 0,01$.

Уход от решения проблемы и целенаправленный поиск помощи в социальной сети отрицательно связаны с динамической эргичностью (самостоятельное тщательное выполнение трудных и ответственных заданий). Уход от решения проблемы также отрицательно связан с эмоциональностью стенической (переживание положительных эмоций от возможности или при выполнении ответственных дел) и регуляторной интернальностью (независимость субъекта от внешних обстоятельств при выполнении ответственных дел). Выявленные зависимости выглядят обоснованными и подтверждают конструктивную валидность рассматриваемых шкал.

Таким образом, разрабатываемый опросник «Отношение к кредитам», измеряющий различные аспекты осведомлённости заёмщика, его кредитной мотивации и готовности к различным формам поведения в ситуации персонального дефолта отвечает требованиям внутренней и ретестовой надёжности шкал, их конструктивной валидности. Планируется его использование для составления психологических профилей заёмщиков, их типологизации и сравнения социально-возрастных групп населения, планирующих взятие кредита или уже имеющих кредит. Также мы считаем целесообразным проведение работ по оценке прогностической валидности опросника и его использованию совместно с методиками, измеряющими отношение к деньгам, собственности и потреблению.

Библиографический список

1. Бурлачук, Л. Ф., Морозов, С. М. (1999). *Словарь-справочник по психодиагностике*. Санкт-Петербург: Питер Ком.
2. Гагарина, М. А. (2016). Влияние индивидуально-психологических особенностей на стратегии долгового поведения. В А. Н. Неверов, А. В. Латкова (ред.). *Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 3. Материалы Второй международной научно-практической конференции 24–28 мая 2016 г.* В 2-х ч. Ч. 2. (с. 49–56). Саратов: ЦПЭИ СНЦ РАН; Буква.

3. Давыденко, И. Г. (2014). Детерминанты кредитного поведения населения в условиях развития рынка потребительского кредитования. *Общество: политика, экономика, право*, 3, 22–27.
4. Дейнека, О. С. (2002). Динамика макроэкономических компонентов образа денег в обыденном сознании. *Психологический журнал*, 2 (23), 36–46.
5. Дёмин, А. Н., Кожевникова, Е. Ю., Седых, Б. Р., Седых, А. Б. (2003). *Психологическое профилирование на рынке труда*. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
6. Дикий, А. А. (2012). *Стратегии долгового поведения населения в современной России*: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Нижний Новгород.
7. Ибрагимова, Д. Х. (2008). Потребности населения в кредитных ресурсах. В *Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение* (с. 132–158). Москва: НИСП.
8. Киреева, О. В., Демин, А. Н. (2016). Когнитивный и эмоциональный компоненты отношения человека к кредитам. *Психолог*, 4, 126–139. doi: 10.7256/2409–8701.2016.4.20092. Режим доступа: http://e-notabene.ru/psp/article_20092.html
9. Киреева, О. В., Демин, А. Н. (2016). Субъектность личности в ситуации персонального дефолта. *Вестник АГУ*, 1 (173), 97–106.
10. Корнилова, Т. В. (2003). *Психология риска и принятия решений*. Москва: Аспект Пресс.
11. Лебедев, А. Н., Булыгина, О. А. (2015). Проблема и методы изучения долга и долгового поведения в отечественной психологии. *Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика. Сборник научных статей* (с. 36–39). Москва: ООО "Издательство "Спутник+".
12. Мужичкова, Ю. Е. (2016). Личная социальная ответственность и долговое поведение. В А. Н. Неверов, А. В. Латкова (ред.). *Экономическая психология: прошлое, настоящее, будущее. Вып. 3. Материалы Второй международной научно-практической конференции 24–28 мая 2016 г. В 2-х ч. Ч. 2.* (с. 63–68). Саратов: ЦПЭИ СНЦ РАН; Буква.
13. Мясищев, В. Н., Бодалев, А. А. (ред.). (1995). *Психология отношений*. Москва: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК».
14. Осипов, А. В. (2015). Долговое поведение домохозяйств: типология и параметры. *Гуманитарные научные исследования*, 9. Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2015/09/12661>.
15. Посыпанова, О. С. (2012). *Экономическая психология: психологические аспекты поведения потребителей*. Калуга: Изд-во КГУ им. К. Э. Циолковского.
16. Преснякова, Л. (2006). Кредиты для россиян: «догоняющая» или «опережающая» стратегия финансового поведения? *Социальная реальность*, 6, 23–45.
17. Прядейн, В. П. (2014). *Психодиагностика личности: Избранные психологические тесты: Практикум*. Сургут: Сургутский гос. пед. ун-т.
18. Рубинштейн, С. Л. (2003) *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
19. Семенов, М. Ю. (2009). Разработка и апробация методики психосемантической оценки добросовестности заемщика кредита. В А. Д. Карнышев (ред.). *Экономическая психология: актуальные исследования и инновационные тенденции: материалы десятой юбилейной междунар. науч.-практ. конф.*(с. 290–296). Иркутск: Изд-во БГУЭП.

20. Стребков, Д. О. (2004). Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России. *Вопросы экономики*, 2, 109–128.
21. Стребков, Д. (2007). Социальные аспекты кредитного поведения населения. *Социологический журнал*, 1, 83–102.
22. Тапилина, В., Богомолова, Т. (1998). Кто на что тратит... Финансовое поведение российских домохозяйств. *ЭКО*, 10, 119–128.
23. Фенько, А. Б. (2004). Психологический анализ отношения москвичей к деньгам. *Психологический журнал*, 2, 34–42.
24. Brown, S., Taylor, K. & Price, S. W. (2005). Debt and distress: Evaluating the psychological cost of credit. *Journal of Economic Psychology*, 26 (5), 642–663.
25. Gathergood, J. (2012). Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness. *Journal of Economic Psychology*, 33 (3), 590–602.
26. Hayhoe, C. R., Leach, L. & Turner, P. R. (1999). Discriminating the number of credit cards held by college students using credit and money attitudes. *Journal of Economic Psychology*, 20 (6), 643–656.
27. Lea, S.E. G., Webley, P. & Walker, C. M. (1995). Psychological factors in consumer debt: Money management, economic socialization, and credit use. *Journal of Economic Psychology*, 16 (4), 681–701.
28. Lunt, P. & Livingstone, S. (1992). *Mass Consumption and Personal Identity* (pp. 26–58). Buckingham, Philadelphia: Open University Press.
29. Thomas, L. C. (2000). A survey of credit and behavioral scoring: forecasting financial risk of lending to consumers. *International Journal of Forecasting*, 16 (2), 149–172.

Статья поступила в редакцию 27.09.2016.

.....

QUESTIONNAIRE DEVELOPMENT THE ATTITUDES TOWARDS CREDIT AND ITS PSYCHOMETRIC VALIDATION

Diomin A. N., Kireeva O. V., Pedanova E. Y.

Diomin Andrey Nikolaevich, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Krasnodar region, Russia. E-mail: demin@manag.kubsu.ru

Kireeva Oxana Vasil'evna, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Krasnodar region, Russia. E-mail: OKSANA-KIREEVA@mail.ru

Pedanova Ekaterina Yur'evna, Kuban State University, 149 Stavropolskaya Street, 350040 Krasnodar, Krasnodar region, Russia. E-mail: ket_wild@mail.ru

This article has been written with the Russian Humanitarian Scientific Fund and Administration of Krasnodar region project № 16–16–23011 “The psychological analysis of activity of youth and people of mature age in the credit market”.

The authors discuss development of a questionnaire “Attitude towards credits” based on V.N. Myasishchev’s model of person’s relationship and S.L. Rubenstein’s approach that suggest that a person is an author of attitudes towards the world, other people, objects, circumstances and events, to him/herself. The questionnaire is focused on diagnosis of three components of the attitude towards credits: cognitive, motivational, behavioral (readiness to a certain behavior in the situation of personal default). The final version of the method measures 3 parameters (“Awareness”, “Motivation”, “Behavior in the situation of personal default”)

and includes 12 scales for assessing different parameters. "Awareness" parameter is measured with the help of scales "Active awareness" and "Passive awareness". "Motivation" parameter is diagnosed with the help of scales "Enjoying in using a credit", "Transforming a dream into reality, desire to speed up time", "Fear of credits, financial rigorism", "Accepting a credit as a norm of life", "Altruistic behavior", "Orientation on target "large-scale" usage of money". Parameter "Strategy of behavior in the situation of personal default" is assessed by means of scales "Search for productive variants of a problem solving", "Avoidance of a problem, escape behaviour", "Public and economic activity", "Target search for help in social network". The paper presents the results of the psychometric assessment of the questionnaire (inner consistency, test-retest reliability, construct validity of the scales) that prove its applicability in scientific research. The authors discuss the perspectives of the questionnaire application.

Key words: attitude towards credit, personal default, psychodiagnostics.

References

1. Burlachuk, L. F. & Morozov, S. M. (1999). *Slovar'-spravochnik po psihodiagnostike* [Dictionary of psychodiagnostics]. Sankt-Peterburg: Piter Kom.
2. Gagarina, M. A. (2016). Vliyanie individual'no-psihologicheskikh osobennostej na strategii dolgovogo povedenija. [Influence of individual psychological characteristics on the behavior of the debt strategy]. V A. N. Neverov, A. V. Latkova (red.). *Jekonomicheskaja psihologija: proshloe, nastojashhee, budushhee. Vyp. 3. Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 24–28 maja 2016 g. V 2-h ch. Ch. 2.* (s. 49–56). Saratov: CPJeI SNC RAN; Bukva.
3. Davydenko, I. G. (2014). Determinanty kreditnogo povedenija naselenija v uslovijah razvitija rynka potrebitel'skogo kreditovanija [Determinants of the credit behavior of the population in the conditions of development of the consumer credit market]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo*, 3, 22–27.
4. Dejneka, O. S. (2002). Dinamika makrojekonomicheskikh komponentov obraza deneg v obydennom soznanii. [The dynamics of macroeconomic components of the image of money in everyday consciousness]. *Psihologicheskij zhurnal*, 2 (23), 36–46.
5. Djomin, A. N., Kozhevnikova, E. Ju., Sedyh, B. R. & Sedyh, A. B. (2003). *Psihologicheskoe profilirovanie na rynke truda* [Psychological profiling in the labor market]. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t.
6. Dikij, A. A. (2012). *Strategii dolgovogo povedenija naselenija v sovremennoj Rossii* [Strategy behavior of the debt of the population in modern Russia]: avtoref. diss. ... kand. soc. nauk. Nizhnij Novgorod.
7. Ibragimova, D. H. (2008). Potrebnosti naselenija v kreditnyh resursah [The needs of the population in credit resources]. In *Rossijskie domohozjajstva nakanune finansovogo krizisa: dohody i finansovoe povedenie.* (s. 132–158). Moskva: NISP.
8. Kireeva, O. V. & Demin, A. N. (2016). Kognitivnyj i jemocional'nyj komponenty otnoshenija cheloveka k kreditam. [Cognitive and emotional components of man's relation to credits]. *Psiholog*, 4, 126–139. doi: 10.7256/2409–8701.2016.4.20092. Retrieved from: http://e-notabene.ru/psp/article_20092.html
9. Kireeva, O. V. & Demin, A. N. (2016). Sub#ektnost' lichnosti v situacii personal'nogo defolta. [Subjectivity of the person in a situation of personal default]. *Vestnik AGLU*, 1 (173), 97–106.

10. Kornilova, T. V. (2003). *Psihologija riska i prinjatija reshenij* [The psychology of risk and decision-making]. Moskva: Aspekt Press.
11. Lebedev, A. N. & Bulygina, O. A. (2015). Problema i metody izuchenija dolga i dolgovo go povedenija v otechestvennoj psihologii [The problem and methods of studying the behavior of debt and debt in the national psychology]. *Aktual'nye problemy social'noj i jekonomicheskoj psihologii: metodologija, teorija, praktika. Sbornik nauchnyh statej* (s. 36–39). Moskva: ООО "Izdatel'stvo "Sputnik+".
12. Muzhichkova, Ju. E. (2016). Lichnaja social'naja otvetstvennost' i dolgovo e povedenie [Personal social responsibility and debt behavior] In A. N. Neverov, A. V. Latkova (red.) *Jekonomicheskaja psihologija: proshloe, nastojashhee, budushhee. Vyp. 3. Materialy Vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii 24–28 maja 2016 g. V 2-h ch. Ch. 2* (s. 63–68). Saratov: CPJeI SNC RAN; Bukva.
13. Mjasishhev, V. N. & Bodalev, A. A. (red.) (1995). *Psihologija otnoshenij* [Psychology of the relations]. Moskva: Izdatel'stvo "Institut prakticheskoj psihologii", Voronezh: NPO "MODJeK".
14. Osipov, A. V. (2015). Dolgovo e povedenie domohozjajstv: tipologija i parametry [Debt behavior of households: typology and parameters]. *Gumanitarnye nauchnye issledovanija*, 9. Retrieved from: <http://human.snauka.ru/2015/09/12661>.
15. Posypanova, O. S. (2012). *Jekonomicheskaja psihologija: psihologicheskie aspekty povedenija potrebitelej* [Economic Psychology: psychological aspects of consumer behavior]. Kaluga: Izd-vo KGU im. K. Je. Ciolkovskogo.
16. Presnjakova, L. (2006). Kredity dlja rossijan: "dogonjajushhaja" ili "operezhajushhaja" strategija finansovogo povedenija? [Credits for the Russians, "catch-up" or "anticipatory" strategy of financial behavior?]. *Social'naja real'nost'*, 6, 23–45.
17. Prjadein, V. P. (2014). *Psihodiagnostika lichnosti: Izbrannye psihologicheskie testy: Praktikum* [Psychodiagnostics of personality: Selected psychological tests: Workshop]. Surgut: Surgutskij gos. ped. un-t.
18. Rubinshtejn, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world]. Sankt-Peterburg: Piter.
19. Semenov, M. Ju. (2009). Razrabotka i aprobacija metodiki psihosemanticheskoj ocenki dobrosovestnosti zaemshhika kredita [Development and testing of methods of evaluation of the borrower's credit psychosemantic integrity]. V A. D. Karnyshev (red.). *Jekonomicheskaja psihologija: aktual'nye issledovanija i innovacionnye tendencii: materialy desjatoj jubilejnoj mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* (s. 290–296.). Irkutsk: Izd-vo BGUJeP.
20. Strebkov, D. O. (2004). Osnovnye tipy i faktory kreditnogo povedenija naselenija v sovremennoj Rossii [The main types of credit and behavior factors of the population in modern Russia]. *Voprosy jekonomiki*, 2, 109–128.
21. Strebkov, D. (2007). Social'nye aspekty kreditnogo povedenija naselenija [Social aspects of credit behavior of the population]. *Sociologicheskij zhurnal*, 1, 83–102.
22. Tapilina, V. & Bogomolova, T. (1998). Kto na chto tratit... Finansovoe povedenie rossijskih domohozjajstv [Who spends that ... Financial behavior of Russian households]. *JeKO*, 10, 119–128.
23. Fen'ko, A. B. (2004). Psihologicheskij analiz otnoshenija moskvichej k den'gam [Psychological analysis of the relationship of Muscovites money]. *Psihologicheskij zhurnal*, 2, 34–42.

24. Brown, S., Taylor, K. & Price, S. W. (2005, October). Debt and distress: Evaluating the psychological cost of credit. *Journal of Economic Psychology*, 26 (5), 642–663.
25. Gathergood, J. (2012, June). Self-control, financial literacy and consumer over-indebtedness. *Journal of Economic Psychology*, 33 (3), 590–602.
26. Hayhoe, C. R., Leach, L. & Turner, P. R. (1999, December). Discriminating the number of credit cards held by college students using credit and money attitudes. *Journal of Economic Psychology*, 20 (6), 643–656.
27. Lea, S. E. G., Webley, P. & Walker, C. M. (1995, December). Psychological factors in consumer debt: Money management, economic socialization, and credit use. *Journal of Economic Psychology*, 16 (4), 681–701.
28. Lunt, P. & Livingstone, S. (1992). *Mass Consumption and Personal Identity* (pp. 26–58). Buckingham, Philadelphia: Open University Press.
29. Thomas, L. C. (2000, April-June). A survey of credit and behavioral scoring: forecasting financial risk of lending to consumers. *International Journal of Forecasting*, 16 (2), 149–172.

ОВЛАДЕНИЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫМИ ОПЕРАЦИЯМИ УЧАЩИМИСЯ НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММ НАЧАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ¹

Берберян Э. С.

Берберян Эрминэ Самвеловна, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 101000, Россия, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Эл.
почта: eberberyana@hse.ru.

Развитие способностей индивида является предметом исследования различных направлений современной психологии: возрастной психологии, психологии обучения и психологии способностей. Необходимой составляющей целенаправленного развития способностей выступает овладение мыслительными операциями.

Целью работы является исследование овладения учащимися мыслительными операциями на примере образовательных программ начальной школы по русскому языку. Данное исследование приобретает особую актуальность в свете нового образовательного стандарта для общей образовательной школы. Теоретико-методологические основания исследования составляет теория системогенеза и способностей В. Д. Шадрикова.

Было проведено исследование для выявления возможности овладения учащимися мыслительными операциями на основе анализа текстов образовательных программ по русскому языку. Выборку исследования составили учебники начального образования (1, 2 и 3-го классов) по русскому языку В. П. Канакиной и В. Г. Горецкого. Проведенный качественный анализ позволил выделить основные типы мыслительных операций, которые могут быть сформированы при овладении данным учебным материалом. В количественном плане в среднем наибольший потенциал для развития на уроках русского языка имеют мыслительные операции сопоставления, выяснения функционального значения, различения и анализа; они имеют различную меру выраженности в зависимости от темы занятия.

Практическая значимость состоит в том, что проведенное исследование может способствовать решению задачи по увеличению эффективности учебной деятельности за счет успешного овладения мыслительными операциями. Мыслительные операции, рассматриваемые как осознанные психические действия, составляют основу мышления учащихся и поддаются специальному обучению в образовательном процессе в младшей школе.

Ключевые слова: мыслительные операции, мышление, способности, начальное образование, теория способностей.

Интеллектуальное развитие учащихся, как и развитие в целом, происходит в контексте ведущей деятельности этого периода — учебной. Данной проблеме

¹ При подготовке статьи использованы результаты проекта «Дифференциальная диагностика субъектно-личностных характеристик процесса порождения мысли», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 г.

посвящены работы отечественных психологов К. Д. Ушинского, В. П. Вахтерова, Л. С. Выготского (2006), Н. А. Менчинской, А. В. Запорожца, Л. В. Занкова (1990), В. В. Давыдова (1992), В. П. Зинченко (2002), В. Д. Шадрикова (2006; 2015). Зарубежные исследования интеллектуального развития учащихся в процессе обучения представлены в работах Ж. Пиаже (1969), Дж. Брунера (1966), У. Нейссера, Дж. Дьюи (Simpson, 2010), Д. Зейдлера (2001), П.-О. Уикмана (2014), Р. Дьюи (2012), А. Алпенни (2014) и М. Уок (2011). Ввиду гетерохронности и нелинейности развития индивида способности развиваются также неравномерно. По Выготскому (2006), развитие способностей заключается в овладении ими. Овладение способностями подразумевает обращение к мыслительным операциям.

Целью работы является исследование мыслительных операций у учащихся на основе анализа образовательных программ начальной школы по русскому языку. Данное исследование приобретает особую актуальность в свете нового стандарта для общей образовательной школы.

Теоретико-методологические основания исследования составляет теория системогенеза деятельности и способностей В. Д. Шадрикова (2006; 2007).

Степень овладения мыслительными операциями, выступающими как обобщенные способы решения задач, определяет развитие мышления и развитие индивида в целом. Ввиду этого исследование мыслительных операций играет центральную роль в психологии способностей, психологии мышления, психологии обучения.

Значительный вклад в исследование данного вопроса внес Ж. Пиаже (1969), основатель теории когнитивного развития. Понятие «мыслительные операции» в психологии мышления было описано в работах С. Л. Рубинштейна (2008), однако как самостоятельный класс проблема мыслительных операций была разработана в теории способностей В. Д. Шадрикова (2006).

В отечественных и зарубежных исследованиях по проблеме мыслительных операций имеется терминологическая разрозненность и отсутствует единая трактовка. Понятие «мыслительные операции» присутствует в работах ведущих психологов, однако его понимание в них не тождественно. Одни авторы понимают под этими операциями интеллектуальные навыки (Пиаже, 1969), другие — процессы, функционирующие на основе рефлексивных связей и соответствующие общей схеме мышления (Зельц, 2008). В научной литературе наряду с термином «мыслительные операции» существует термин «интеллектуальные операции». В настоящей работе данные термины используются как синонимичные, так как «интеллектуальные операции включают в себя мыслительные операции различных видов и уровней» (Шадриков, 2007).

Таким образом, одной из задач настоящего исследования является анализ последовательного характера овладения мыслительными операциями. Под мыслительными операциями мы понимаем «осознанные психические действия,

связанные с познанием и разрешением задач, стоящих перед индивидом». В данном определении, сформулированном в теории способностей (Шадриков, 2006), операции выступают в единстве своих функциональных, операционных и регулирующих механизмов.

В процессе формирования у индивида мыслительных операций, в числе которых анализ, синтез, обобщение, абстрагирование, сравнение; формируется мышление как способность и интеллект. Анализ и синтез выступают как общие знаменатели процесса познания и дополняют друг друга. Абстрагирование играет особо значимую роль в обучении и определяет овладение теоретическими понятиями посредством отвлечения от несущественных свойств. На начальном этапе обучения у ребенка возникают трудности в связи с абстрагированием, поэтому овладение данной операцией должно быть поэтапным и многокомпонентным. Среди базовых операций можно выделить также операции различения, выяснения функционального значения и сканирования. С порождением мысли связаны и другие операции: сопоставление, сравнение, различение, опосредование (Рубинштейн, 2008).

Одной из важнейших задач является раскрытие процессуального характера мыслительной деятельности, что предполагает анализ интеллектуального развития учащихся в контексте ведущей деятельности — учебной. Согласно новому образовательному стандарту ФГОС (2010), наибольшую значимость в школьном процессе приобретает проблема формирования метакогниций, для чего особенно перспективна задача развития у детей обобщенных способов усвоения материала. Таким образом, формирование универсальных учебных действий, в широком плане — умения учиться, на сегодняшний день является ключевой задачей.

Универсальные учебные действия, определенные в стандарте образования для младших школьников, являются действиями по развитию способностей индивидов. В учебной деятельности у ребенка формируются цель и задачи, он занимается поиском оптимальных путей для их достижения, на передний план также выступает планирование собственной деятельности, рефлексия деятельности. К новым требованиям относятся требования по овладению ребенком следующими мыслительными операциями (в тексте — действиями): сравнение, анализ, синтез, обобщение, классификация, установление аналогий, связей, построение рассуждений, отнесение к понятиям.

Универсальные учебные действия направлены на овладение ребенком мыслительными операциями, что в свою очередь служит источником развития способностей. Этому способствует постановка учителем задач и учебных ситуаций в процессе обучения и их последующее решение с использованием мыслительных операций. Таким образом, центр внимания ребенка переносится не на предметное содержание учебной дисциплины, а на способы овладения этим содержанием.

Американские психологи, Б. Зиммерман и Дж. Берган (1971), провели исследование для выявления категорий интеллектуальных операций, инициируемых

вопросами учителя ученикам. В качестве методологических оснований для выделения категорий авторы опирались на работы Дж. Брунера (1966), Дж. Гилфорда (1967), М. Уаллака и Н. Когана. Так, на основе модели Дж. Гилфорда (1967), авторы выделили шесть категорий интеллектуальных операций: познание, память, конвергентное продуцирование, дивергентное продуцирование, оценивание, восприятие и исследовали типы вопросов, которые задавали учителя в каждой из выделенных категорий. В работе были получены результаты, согласно которым учителя задавали больше вопросов в категории познания, нежели в других. Однако обучение способствовало изменению поведения, как правило, большинство учителей в постэкспериментальной группе стали инициировать другие категории интеллектуальных операций у учеников.

П.-О. Уикман в своей работе с позиции международной перспективы провел анализ того факта, каким образом учителя могут способствовать успехам учащихся в науке. Автор приходит к выводу о том, что различные исследовательские школы в Германии, Нидерландах, Франции, Швейцарии и других странах создали довольно развитые систематические модели для решения данной проблемы, которые дополняют друг друга (Wickman, 2014). В исследовании М. Вок, Ф. Прекельи Э. Холлинг были получены данные о наличии связей между когнитивными способностями (рассуждение, дивергентное мышление, умственная скорость, кратковременная память) и успешностью школьного обучения (Vock, Preckel & Holling, 2011).

Для изучения развития способностей учащихся на основе научения мыслительным операциям отечественным психологом В. Д. Шадриковым было проведено исследование с учащимися начальной и основной школы. Исследование проводилось в три этапа и состояло в ознакомлении учащихся с содержанием мыслительных операций, их введении в процесс изучения предмета и последующем использовании в учебной деятельности для повышения успешности усвоения знания. Данное исследование явилось экспериментальным подтверждением теоретических положений автора (Шадриков, 2015).

Нами было проведено исследование для выявления возможности овладения мыслительными операциями учащимися на основе обучения по программам начального образования «русский язык». Дисциплина «русский язык» неслучайно составила выборку настоящего исследования. С опорой на теоретико-методологическую базу мы утверждаем тесную связь между развитием мышления и языка. А. Н. Соколов (1968) отмечал, что мысль и язык связаны в единый, неразрывный комплекс, который действует как речевой механизм мышления. Обобщая классические и современные исследования в области связи языковых, мозговых и мыслительных структур, Э. А. Фингелькерт, А. А. Фингелькерт, Дж. Марчетти (2010) отметили тесную связь между мозгом, мышлением и языком. При исследовании овладения ребенком понятийным аппаратом невозможно разделить, какой из представленных компонентов первичен, однако именно с содержани-

ем, отраженным в языке, ребенок в последующем выполняет мыслительные операции. Слово, являясь непосредственным отражением мысли, становится источником интеллектуализации образа. Таким образом, большой интерес для исследования мышления ребенка представляет его овладение родным языком.

Был проведен качественный анализ потенциала каждой темы для развития у учеников мыслительных операций. Материалом для анализа выступали учебники русского языка для I, II и III классов В. П. Канакиной, В. К. Горецкого (2014). Определение и состав мыслительных операций были выделены с опорой на теоретико-методологические основания работы. Качественный анализ включал выделение типов интеллектуальных операций на основе целей и задач темы, упражнений и вопросов в каждом упражнении. Так, например, в разделе «Наша речь» учебника для 1-го класса сформулирована возможность «научиться различать письменную и устную речь» как результат освоения темы. Таким образом, в результате грамотного освоения данной темы ребенок научится не только отличать письменную речь от устной, но и в целом освоит мыслительную операцию различения. В подразделах данного раздела приведены формулировки устной и письменной речи, после чего ученикам дается задание отнести выделенный диалог к определенному виду речи. Таким образом, перед учеником ставится задача сопоставления на основании данного материала. Мыслительная операция сравнения представлена во многих темах и заданиях в довольно явном виде, например, в теме 5 «Слово и слог» ученику даются задания на сравнение количества слогов в рамках одного слова и различных слов. Интеллектуальные операции анализа и синтеза зачастую иницируются в большинстве вопросов к темам, начиная от самой первой, вводной, кончая более сложной — темой заглавных букв. К примеру, в теме 8 «Звуки и буквы» ученикам дается задание дополнить предложение, найдя пропущенные слова, затем в другом упражнении необходимо записать слово буквами, отметить, какие слова можно было бы составить из приведенных букв. В рамках освоения темы «имя существительное» перед учениками 2-го класса встает задача сопоставить слова в зависимости от вопросов (кто? и что?), адресуемых им; определить их значение. Данные задания могут способствовать формированию мыслительных операций установления функционального значения и сопоставления. Приведенные задания служат не только для накопления знаний, но и в целом могут быть использованы как материал для формирования мыслительных операций у учеников. Результаты проведенного качественного анализа отражены в табл. 1, 2 и 3.

Таким образом, программа первого класса нацелена на развитие в большей степени таких мыслительных операций, как анализ, различение, сравнение и выяснение функционального значения.

Тексты по русскому языку для второго класса обладают потенциалом для овладения такими мыслительными операциями, как различение, выяснение функционального значения, сопоставление и обобщение.

Таблица 1

Формирование мыслительных операций ученика на основе усвоения тем учебника по русскому языку для I класса

Тема	Тип интеллектуальной операции
1. Наша речь	1. Анализ, синтез, сопоставление, различение
2. Текст и предложение	2. Различение, сопоставление, обобщение, синтез, сравнение
3. Диалог	3. Различение
4. Слово	4. Обобщение, сопоставление, сравнение, синтез, различение, анализ, выяснение функционального значения
5. Слово и слог	5. Сопоставление, сравнение, синтез, анализ
6. Перенос слов	6. Анализ, сопоставление, различение, сравнение, выяснение функционального значения, обобщение
7. Ударение	7. Различение, сопоставление, обобщение, анализ, выяснение функционального значения, сравнение
8. Звуки и буквы	8. Выяснение функционального значения, сравнение, анализ, синтез, различение, обобщение
9. Русский алфавит, или Азбука	9. Выяснение функционального значения, различение, анализ, синтез
10. Гласные звуки	10. Сопоставление, анализ, сравнение, синтез, выяснение функционального значения, обобщение
11. Согласные звуки	11. Различение, анализ, синтез, сравнение, выяснение функционального значения, обобщение
12. Буквы Ё и И	12. Сопоставление, различение, сравнение, выяснение функционального значения, обобщение
13. Твердые и мягкие согласные звуки	13. Анализ, синтез, выяснение функционального значения, различение, обобщение
14. Мягкий знак (Ь)	14. Выяснение функционального значения, сравнение, анализ, различение, обобщение
15. Глухие и звонкие согласные звуки	15. Различение, синтез, сопоставление, сравнение, анализ
16. Шипящие согласные звуки	16. Различение, анализ, выяснение функционального значения
17. Буквосочетания ЧК, ЧН, ЧТ	17. Различение, сопоставление, анализ
19. Буквосочетания Жи-Ши, Ча-Ща, Чу- Щу	19. Выяснение функционального значения, различение, синтез, сопоставление
20. Заглавная буква в словах	20. Выяснение функционального значения, сопоставление, анализ, синтез, сравнение

Тексты по русскому языку для третьего класса обладают потенциалом для овладения такими мыслительными операциями, как сопоставление, выяснение функционального значения и обобщение. Необходимо также отметить большее общее количество операций, которое инициируется заданиями для 3-х, чем для 1 и 2-х классов.

Таблица 2

Формирование мыслительных операций ученика на основе усвоения тем учебника по русскому языку для II класса

Тема Часть 1	Тип интеллектуальной операции
1. Виды речи	1. Различение, сопоставление, анализ, сравнение
2. Диалог и монолог	2. Различение, анализ, обобщение, сравнение, сопоставление
3. Текст	3. Сравнение, обобщение
4. Части текста	4. Обобщение, анализ
5. Предложение	5. Различение, анализ, обобщение, выяснение функционального значения, синтез
6. Члены предложения	6. Сравнение, синтез, обобщение, сопоставление
7. Слово и его значение	7. Выяснение функционального значения, сопоставление
8. Синонимы и антонимы	8. Сравнение, различение
9. Однокоренные слова	9. Различение, анализ
10. Слог. Ударение. Перенос слова.	10. Обобщение, выяснение функционального значения, сопоставление
11. Звуки и буквы	11. Различение
12. Русский алфавит, или Азбука	12. Выяснение функционального значения, различение, синтез
13. Гласные звуки	13. Выяснение функционального значения, обобщение, сравнение, различение
14. Согласные звуки	14. Сравнение, различение, обобщение, выяснение функционального значения
15. Мягкий знак (ь)	15. Выяснение функционального значения, сравнение, сопоставление
Часть 2.	1. Различение, выяснение функционального значения, обобщение
1. Правописание буквосочетания с шипящими	
2. Наши проекты. Рифма	2. Анализ, сопоставление, синтез
3. Звонкие и глухие согласные звуки	3. Различение, сопоставление, обобщение
4. Разделительный мягкий знак (ь)	4. Сравнение, выяснение функционального значения, синтез, различение
5. Части речи	5. Анализ, сопоставление, сопоставление, различение
6. Имя существительное	6. Сопоставление, выяснение функционального значения, синтез, анализ, обобщение
7. Глагол	7. Выяснение функционального значения, различение, анализ, сравнение, обобщение, синтез
8. Имя прилагательное	8. Сопоставление, различение, выяснение функционального значения, сравнение, анализ
9. Местоимение	9. Сопоставление, обобщение, выяснение функционального значения
10. Предлоги	10. Выяснение функционального значения, различение, анализ, сопоставление
11. Наши проекты. В словари — за частями речи!	11. Синтез, выяснение функционального значения, различение

Таблица 3

Формирование мыслительных операций ученика на основе усвоения тем учебника по русскому языку для III класса

Тема Часть 1	Тип мыслительной операции
1. Наша речь и наш язык	1. Выяснение функционального значения, различие, обобщение, сопоставление
2. Текст	2. Обобщение, сопоставление, различие
3. Предложение	3. Выяснение функционального значения, анализ, синтез, сопоставление, сравнение, обобщение
4. Словосочетание	4. Различие, выяснение функционального значения, сопоставление
5. Лексическое значение слова	5. Выяснение функционального значения, обобщение, анализ, сопоставление
6. Слово и словосочетание	6. Сопоставление, выяснение функционального значения
7. Части речи	7. Выяснение функционального значения, различие, синтез, обобщение
8. Однокоренные слова	8. Выяснение функционального значения, сопоставление, синтез, анализ
9. Слово и слог. Звуки и буквы	9. Сравнение, синтез, выяснение функционального значения, обобщение, сопоставление
10. Корень слова	10. Выяснение функционального значения, сопоставление, анализ
11. Формы слова. Окончание	11. Выяснение функционального значения, сопоставление, сравнение, обобщение
12. Приставка	12. Сопоставление, выяснение функционального значения, синтез, анализ
13. Суффикс	13. Сопоставление, различие, сравнение, анализ, выяснение функционального значения, обобщение
14. Основа слова	14. Различие, сопоставление, обобщение
15. Правописание частей слова	15. Сопоставление, анализ, выяснение функционального значения, различие, обобщение, синтез, сравнение
Часть 2.	1. Анализ, синтез, сопоставление, обобщение
1. Что такое части речи	
2. Повторение	2. Различие, сопоставление, сопоставление, синтез, выяснение функционального значения, обобщение
3. Число имен существительных	3. Сопоставление, синтез, анализ, обобщение
4. Род имен существительных	4. Синтез, различие, сравнение, выяснение функционального значения, анализ
5. Падеж имен существительных	5. Различие, анализ, обобщение, сопоставление
6. Имя прилагательное. Повторение	6. Выяснение функционального значения, сопоставление, синтез, сравнение
7. Формы имен прилагательных	7. Выяснение функционального значения, сопоставление, сравнение, синтез, обобщение, различие, анализ
8. Личные местоимения	8. Различие, анализ, синтез, сопоставление, обобщение
10. Глагол. Повторение	10. Сопоставление, анализ, синтез, сравнение, выяснение функционального значения
11. Формы глагола	11. Сравнение, различие, обобщение, выяснение функционального значения, сопоставление, синтез, анализ

Таблица 4

Количество мыслительных операций, которые могут быть сформированы на основе усвоения материала по русскому языку

№ п/п	Мыслительные операции	I класс	II класс	III класс	Среднее по классам
1	Анализ	15	11	15	14
2	Синтез	12	9	15	12
3	Различение	15	16	13	15
4	Сопоставление	12	13	24	16
5	Сравнение	13	9	10	11
6	Обобщение	10	13	17	13
7	Выяснение функционального значения	13	15	20	16
8	Общее количество операций	90	85	115	97

Проведенный анализ учебных программ начального общего образования по русскому языку показал, что данные программы имеют высокий потенциал для овладения учащимися мыслительными операциями. В частности, при изучении учащимися таких тем, как «слово», «гласные звуки», «согласные звуки», «диалог и монолог», «суффикс», и других посредством грамотно заданных учителем вопросов возможна инициация мыслительных операций у учеников. Были выделены количественные показатели по различным операциям в каждом классе, которые представлены в табл. 4.

Практическая значимость исследования состоит в том, что проведенное исследование позволит показать пути решения задачи по увеличению эффективности учебной деятельности для овладения учащимися мыслительными операциями. В количественном плане в среднем наибольший потенциал для развития на уроках русского языка имеют мыслительные операции сопоставления, выяснения функционального значения, различения и анализа; они имеют различную меру выраженности в зависимости от темы занятия.

Проведенное исследование подтвердило предположение о возможности овладения мыслительными операциями при обучении дисциплине «русский язык». В ключе теории способностей данный результат свидетельствует о возможности развития способностей ученика за счет использования потенциала, заложенного в учебном материале по русскому языку. Научная новизна данного исследования заключается в акцентировании роли мыслительных операций в ментальном развитии индивида. Целенаправленное развитие способностей учащихся как субъектов учебной деятельности позволит повысить продуктивность обучения и усвоения материала, создать оптимальные условия для развития индивида в целом.

Таким образом, в качестве одной из важнейших задач образовательного процесса выступает задача по стимулированию овладения мыслительными операциями, за счет чего происходит развитие мышления и способностей учащихся. Потенциал, заложенный в основе учебного материала по русскому языку, необходимо подкреплять вопросами учителя для инициации развития способностей учеников. Подобная инициация позволит ученикам овладеть обобщенными умениями по решению задач, которые могут быть использованы учениками для освоения всех дисциплин в комплексе.

Библиографический список

1. Асмолов, А. Г. (ред.) (2008). *Как проектировать универсальные учебные действия в начальной школе: от действия к мысли: пособие для учителя*. Москва: Просвещение.
2. Брушлинский, А. В., Тихомиров, О. К. (2013). О тенденциях развития современной психологии мышления. *Национальный психологический журнал*, 2 (10), 10–16.
3. Выготский, Л. С. (2006). *Психология развития человека*. Москва: Издательство Смысл; Издательство Эксмо.
4. Давыдов, В. В., Слободчиков, В. И., Цукерман, Г. А. (1992). Младший школьник как субъект учебной деятельности. *Вопросы психологии*, 3, 14–19.
5. Занков, Л. В. (1990). *Избранные педагогические труды*. Москва: Просвещение.
6. Зельц, О. (2008). Законы продуктивной и репродуктивной духовной деятельности. В Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Ф. Спиридонов, М. В. Фаликман (ред.) *Психология мышления: хрестоматия* (с. 47–49). Москва: Аст; Астрель.
7. Зинченко, В. П. (2002). *Психологические основы педагогики (Психолого-педагогические основы построения системы развивающего обучения Д. Б. Эльконина — В. В. Давыдова)*. Москва: Гардарики.
8. Канакина, В. П., Горецкий, В. Г. (2014). *Русский язык. Учебник для общеобразовательных организаций*. 1, 2 и 3 классы. Москва: Просвещение.
9. Пиаже, Ж. (1969). *Структура интеллекта*. В Избр. психол. труды (с. 55–231). Москва: Просвещение.
10. Рубинштейн, С. Л. (2008). О природе мышления и его составе. В Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Ф. Спиридонов, М. В. Фаликман (ред.) *Психология мышления: хрестоматия* (с. 111–116). Москва: АСТ: Астрель.
11. Соколов, А. Н. (1968). *Внутренняя речь и мышление*. Москва: Просвещение.
12. *Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования* (утвержден приказом Минобрнауки России от 6 октября 2009 г. № 373). Режим доступа: [http://http://минобрнауки.рф/](http://минобрнауки.рф/)
13. Шадриков, В. Д. (2006). *Интеллектуальные операции*. Москва: Университетская книга, Логос.
14. Шадриков, В. Д. (2007). *Ментальное развитие человека*. Москва: Аспект Пресс.
15. Шадриков, В. Д. (2015). Эволюция мысли. *Культурно-историческая психология*, 11 (2), 118–128.

16. Эльконин, Д. Б. (1989). *Избранные психологические труды*. Москва: Педагогика.
17. Andersson, B., Bach, F., Hagman, M., Olander, C., & Wallin, A. (2005). Discussing a research programme for the improvement of science teaching. In K. Boersma, M. Goedhart, O. De Jong, & H. Eijkelhof (Eds.) *Research and the quality of science education*. Part 4 (pp. 221–230). Springer Netherlands.
18. Bruner, J. S. (1966). *Toward a theory of instruction*. Cambridge Mass: Harvard University Press.
19. Duit, R., Gropengie Ber, H., Kattman, U., Komorek, M., & Parchmann, I. (2012). The model of educational reconstruction — a framework for improving teaching and learning science. In D. Jorde & J. Dillon (Eds.) *Science education research and practice in Europe Rotterdam* (pp. 13–37). The Netherlands: Sense Publishers.
20. Fingelkurts, A. A., Fingelkurts, A. A., & Marchetti, G. (2010). Editorial: Brain, Mind and Language Functional Architectures. *Open Neuroimaging Journal*, 4, 26–29.
21. Guilford, J. P. (1967). *The Nature of Human Intelligence*. McGraw-Hill Education.
22. Halpenny, A. M., & Pettersen, J. (2014). *Introducing Piaget: A guide for practitioners and students in early years education*. New-York: Routledge.
23. *Teachers, Leaders and Schools: Essays by John Dewey*. (2010). D.J. Simpson & S.F. Stack (Eds.). Southern Illinois University Press.
24. Vock, M., Preckel, F. & Holling, H. (2011). Mental abilities and school achievement: A test of a mediation hypothesis. *Intelligence*, 39, 357–369.
25. Wickman, P.-O. (2014). *Teaching Learning Progressions. Handbook of Research on Science Education*. Vol. II. N.G. Lederman, & S.K. Abell (Eds.). New York and London: Routledge, Taylor Francis Group.
26. Zeidler, D. L. (2001). Participating in program development: Standart F. In D. Siebert & W. McIntosh (Eds.) *College pathways to the science education standarts* (p. 18–22). Arlington, VA: National Science Teachers Press.
27. Zimmerman, B. & Bergan, J. (1971). Intellectual operations in teacher question — asking behavior. *Merill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*, 17 (1), 19–26.

Статья поступила в редакцию 11.09.2016.

.....

PUPILS' MASTERING OF MENTAL OPERATIONS ON THE EXAMPLE OF EDUCATIONAL PROGRAMS IN ELEMENTARY SCHOOL

Berberian H. S.

Berberian Hermine Samvelovna, National Research University «Higher School of Economics», 101000, Russia, Moscow, ul. Myasnitskaya, 20. E-mail: eberberyan@hse.ru.

The development of individual abilities is the subject of study in various directions of contemporary psychology: developmental psychology, psychology of learning and psychology of abilities. An essential component of the purposeful development of abilities is mental operations mastering.

The aim of the article is to study pupils' mastering of mental operations on the example of educational programs in the Russian language in elementary school. This study is particularly relevant

in the light of new educational standard for general education school. V.D. Shadrikov's theory of systemogenesis and abilities constitutes theoretical and methodological bases of the study.

A study was conducted to determine the possibility of pupils' mastering of mental operations based on the analysis of texts of the Russian language educational programs. The Russian language textbooks of primary education (1, 2 and 3 years) by V. P. Kanakina and V. G. Goreckii constituted the sample of the present study. The qualitative analysis allowed us to define the main types of mental operations that may be formed in the course of mastering this material. In quantitative terms, the mental operations of matching, functional significance identification, distinction and analysis have the greatest potential for development at the Russian language lessons; their degree differs depending on the topic of the lesson.

The practical significance of the study is that it may contribute to increasing educational activity efficiency by means of pupils' successful mastering of mental operations. Thus, the mental operations considered as conscious mental activities, make up the basic core of pupils' thinking and can be purposefully trained within educational process in elementary school.

Key words: mental operations, thinking, abilities, elementary school, the theory of abilities.

References

1. Asmolv, A. G. (Eds.) (2008). *Kak proektirovat universalnye uchebnye deistviya v nachalnoi shkole: ot deistviya k mysli: posobie dlya uchitelei* [How to design universal educational activities in elementary school: from action to thought: Teacher's Guide]. Moskva: Prosveshenie.
2. Brushlinskii, A. V. & Tikhomirov, O. K. (2013). O tendentsiyax razvitiya sovremennoi psikhologii myshleniya [On the trends of modern cognitive psychology of thinking development]. *Natsionalnyi psikhologicheskii jurnal* [National psychological journal], 2 (10), 10–16.
3. Vygotsky, L. S. (2006). *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moskva: Izdatelstvo Smisl; Izdatelstvo Eksmo.
4. Davydov, V. V., Slobodchikov, V. I. & Zuckerman, G. A. (1992). Mladshii shkolnik kak subyekt uchebnoi deyatel'nosti [Junior school student as a subject of learning activity]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], 3, 14–19.
5. Zankov, L. V. (1990). *Izbrannie pedagogicheskie trudi* [Selected pedagogical works]. Moskva: Prosveshenie.
6. Selz, O. (2008). *Zakony produktivnoi i reproduktivnoi dukhovnoi deyatel'nosti* [Laws of productive and reproductive spiritual activity]. In Y. B. Gippenreiter et al. (ed.) (p. 47–49). Moskva: "Ast"; "Astrel".
7. Zinchenko, V. P. (2002). *Psikhologicheskie osnovy pedagogiki (Psikhologo-pedagogicheskie osnovy postroeniya sistemy razvivayushhego obucheniya D. B. Elkonina-V.V. Davydova)* [Psychological bases of pedagogy (Psycho-pedagogical bases of D. B. Elkonin — V. V. Davydov's system of developmental education construction)]. Moskva: Gardariki.
8. Kanakina, V. P. & Goreckii, V. G. (2014). *Russkii yazyk. Uchebnik dlya obsheobrazovatel'nykh organizatsii* [The Russian language. Tutorial for general educational organizations]. 1, 2 and 3 years. Moskva: Prosveshenie.
9. Piaget, J. (1969). *Struktura intellekta* [The structure of intelligence]. In *Izbrannie psikhologicheskie trudi* (pp. 55–231) [Selected works on psychology]. Moskva: Prosveshenie.
10. Rubinstein, S. L. (2008). O prirode myshleniya i ego sostave [On the nature of thought and its composition]. In Y. B. Gippenreiter, V. F. Spiridonov, M. V. Falikman (ed.) *Psikhologiya*

- myshleniya: khrestomatiya* [Psychology of thinking: Chrestomathy] (pp. 111–116). Moskva: AST: Astrel.
11. Sokolov, A. N. (1968). *Vnutrennyaya rech i myshlenie* [Internal speech and thinking]. Moskva: Prosveschenie.
 12. *Federalnyi gosudarstvennyi obrazovatelnyi standart nachalnogo obshego obrazovaniya* [Federal state educational standard of primary education] (proved by order of the Russian Ministry of education and science in October 6, 2009 № 373). Retrieved from: <http://минобрнауки.рф/>
 13. Shadrikov, V. D. (2006). *Intellektualnie operacii* [Intellectual operations]. Moskva: Universitetskaya kniga, Logos.
 14. Shadrikov, V. D. (2007). *Mentalnoe razvitie cheloveka* [Person's Mental development]. Moskva: Aspect Press.
 15. Shadrikov, V. D. (2015). Evolyuciya mysli [The evolution of thought]. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural and historical psychology], 11 (2), 118–128.
 16. Elkonin, D. B. (1989). *Izbrannie psikhologicheskie trudy* [Selected works on psychology]. Moskva: Pedagogika.
 17. Andersson, B., Bach, F., Hagman, M., Olander, C. & Wallin, A. (2005). Discussing a research programme for the improvement of science teaching. In K. Boersma, M. Goedhart, O. De Jong & H. Eijkelhof (Eds.), *Research and the quality of science education*. Part 4 (pp. 221–230). Springer Netherlands.
 18. Bruner, J. S. (1966). *Toward a theory of instruction*. Cambridge Mass: Harvard University Press.
 19. Duit, R., Gropengie Ber, H., Kattman, U., Komorek, M. & Parchmann, I. (2012). The model of educational reconstruction — a framework for improving teaching and learning science. In D. Jorde & J. Dillon (Eds.) *Science education research and practice in Europe Rotterdam* (pp. 13–37). The Netherlands: Sense Publishers.
 20. Fingelkurts, A. A., Fingelkurts, A. A. & Marchetti, G. (2010). Editorial: Brain, Mind and Language Functional Architectures. *Open Neuroimaging Journal*, 4, 26–29.
 21. Guilford, J. P. (1967). *The Nature of Human Intelligence*. McGraw-Hill Education.
 22. Halpenny, A. M. & Pettersen, J. (2014). *Introducing Piaget: A guide for practitioners and students in early years education*. New York: Routledge.
 23. *Teachers, Leaders and Schools: Essays by John Dewey*. (2010). D. J. Simpson & S. F. Stack (Eds.). Southern Illinois University Press.
 24. Vock, M., Preckel, F. & Holling, H. (2011). Mental abilities and school achievement: A test of a mediation hypothesis. *Intelligence*, 39, 357–369.
 25. Wickman, P.-O. (2014). *Teaching Learning Progressions. Handbook of Research on Science Education*. Vol. II. N. G. Lederman, & S. K. Abell (Eds.). New York and London: Routledge, Taylor Francis Group.
 26. Zeidler, D. L. (2001). Participating in program development: Standart F. In D. Siebert & W. McIntosh (Eds.) *College pathways to the science education standarts* (p. 18–22). Arlington, VA: National Science Teachers Press.
 27. Zimmerman, B. & Bergan, J. (1971). Intellectual operations in teacher question — asking behavior. *Merill-Palmer Quarterly of Behavior and Development*, 17 (1), 19–26.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Баринов Игорь Игоревич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Берберян Эрминэ Самвеловна, аспирант департамента психологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.

Блинова Елена Александровна, кандидат политических наук, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Вотченко Елена Сергеевна, соискатель кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Дёмин Андрей Николаевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Дрягалов Вячеслав Сергеевич, младший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия.

Евтушенко Александр Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения и дипломатии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Киреева Оксана Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Кузьменко Ирина Сергеевна, кандидат социологических наук, преподаватель кафедры специальных дисциплин, Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия.

Михайлова Ольга Владимировна, доктор политических наук, доцент кафедры политического анализа, Московский государственный университет, Москва, Россия.

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Педанова Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Рябченко Наталья Анатольевна, кандидат политических наук, заведующий лабораторией факультета управления и психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Сазантович Алексей Борисович, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Самаркина Ирина Владимировна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Совмиз Зарема Рустемовна, аспирант кафедры психологии, Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма, Краснодар, Россия.

Топчиев Михаил Сергеевич, кандидат политических наук, старший научный сотрудник лаборатории по исследованию социально-политической и культурной динамики региона Нижнего Поволжья и Прикаспия, Астраханский государственный университет, Астрахань, Россия.

Харитоновна Елена Марковна, аспирант, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Barinov Igor Igorevich, Candidate of Historical Sciences, the senior research assistant, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Berberian Hermine Samvelovna, postgraduate student of the Department of Psychology, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.

Blinova Elena Alexandrovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of Chair for Political management, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Djomin Andrej Nikolaevich, Dr. Sc. (Psychological Sciences), Head of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Dryagalov Vyacheslav Sergeevich, the junior research assistant of the Laboratory for Studying Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga Region and the Caspian Sea Region, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Evtushenko Alexandr Sergeevich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Area Studies and Diplomacy, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kharitonova Elena Markovna, postgraduate student, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Kireeva Oxana Vasil'evna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kuzmenko Irina Sergeevna, Candidate of Sociology, lecturer in of special disciplines of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia.

Mikhaylova Olga Vladimirovna, Dr. Sc. (Political Sciences), Associate Professor of the Department of Political Analysis, Moscow State University, Moscow, Russia.

Pantin Vladimir Igorevich, Dr. Sc. (Philosophy), Head of the Department, Center of comparative socio-economic and socio-political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Pedanova Ekaterina Yur'evna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Ryabchenko Natalia Anatolievna, Candidate of Political Sciences, Head of Laboratory of the Faculty of Management and Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Samarkina Irina Vladimirovna, Dr. Sc. (Political Sciences), Associate Professor, Professor of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Sazantovich Aleksey Borisovich, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Sovmiz Zarema Rustemovna, postgraduate student of the Department of Psychology, Kuban State University of Physical Education, Sport and Tourism, Krasnodar, Russia.

Topchiev Mikhail Sergeevich, Candidate of Political Sciences, the senior research assistant of the Laboratory for Studying Socio-Political and Cultural Dynamics of the Lower Volga Region and the Caspian Sea Region, Astrakhan State University, Astrakhan, Russia.

Votchenko Elena Sergeevna, postgraduate student of the Chair of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).
Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабдош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobyitij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U.S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.